

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF PHILOSOPHICAL SCIENCES**

№ 2 (42)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / PHILOSOPHICAL JOURNAL

**Издается с 2009 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2009
Quarterly**

**Москва
2022**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М. председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
Рябов В. В. заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е. Н. заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Агранат Д. Л. заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Жукоцкая А. В. главный редактор	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор философских наук, профессор
Черненко С. В. зам. главного редактора	доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, кандидат философских наук, доцент
Осмоловская С. М. ответственный секретарь	доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, кандидат социологических наук
Кожевников С. Б.	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор философских наук, профессор
Ананишев В. М.	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор социологических наук, профессор
Бирич И. А.	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор философских наук, доцент
Мамедова Н. М.	профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, доктор философских наук, профессор
Савченко И. А.	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор социологических наук
Хилханов Д. Л.	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор социологических наук, профессор
Оганисян А. О.	профессор кафедры философии и логики им. академика Георга Брутяна Армянского государственного педагогического университета им. Хачатура Абовяна, доктор философских наук
Чжан Байчунь	профессор Института философии Пекинского педагогического университета, кандидат философских наук

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора

Задачи номера.....	5

История идей и современность

Устинов О. А. Парадигмальный подход к анализу антропологических концепций в русской философии советского периода.....	6
Макаев Р. С., Кожевников С. Б. Трактовка свободы в экзистенциализме и суфийском исламе	20

Социальная философия

Сташкевич О. Л. Особенности формирования патриотизма в Белоруссии советского периода.....	30

Философия образования

Данилова В. С., Кожевников Н. Н. Философские основания курса «Методология научных исследований»	41
Черненькая С. В., Смирнова А. И. Москвоведение и социальная урбанистика: основные принципы соотношения и опыт преподавания.....	57

Философия культуры

Маслова А. В. Эпистемологический анализ воображения в литературном творчестве: роль интуиции в создании героев.....	66
Исаев А. В. Этика благоговения перед жизнью как нравственный ресурс института здоровьесбережения	79

Исследования молодых ученых

Гаврикова Д. С. Роль образа императрицы в развитии женского самосознания в Японии конца XIX–XX веков	90

Требования к оформлению статей.....	102

CONTENTS

Word of Editor in Chief

The Objectives of the Issue	5

History of Ideas and Modern Age

Ustinov O. A. Paradigmatic Approach to the Analysis of Anthropological Concepts in Russian Philosophy of the Soviet Period.....	6
Makaev R. S., Kozhevnikov S. B. Interpretation of Freedom in Existentialism and Sufi Islam	20

Social Philosophy

Stashkevich O. L. Features of the Formation of Patriotism in Belarus of the Soviet Period	30

Philosophy of Education

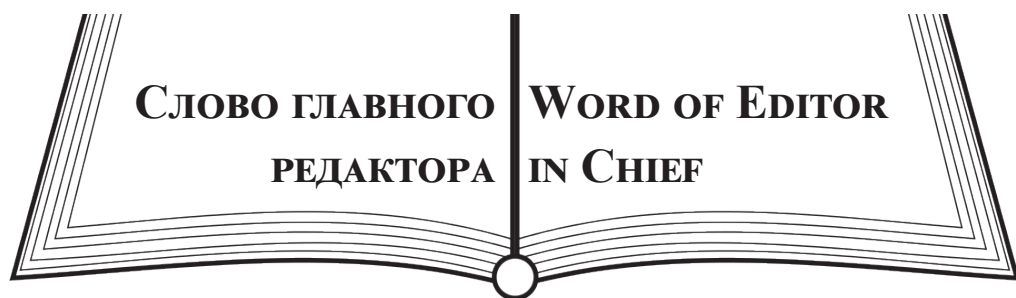
Danilova V. S., Kozhevnikov N. N. Philosophical Foundations of the course “Methodology of Scientific Research”.....	41
Chernenkaya S. V., Smirnova A. I. Moscow Studies and Social Urban Studies: Basic Principles of Correlation and Teaching Experience.....	57

Philosophy of Culture

Maslova A. V. Epistemological Analysis of Imagination in Literary Creativity: the Role of Intuition in the Creation of Heroes.....	66
Isaev A. V. Ethics of Reverence for Life as a Moral Resource of the Institute of Health Care.....	79

Research of Young Scientists

Gavrikova D. S. The Role of the Image of the Empress in the Development of Female Identity in Japan at the End of the XIX–XX Centuries	90
Requirements for Style Articles	102

СЛОВО ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА

WORD OF EDITOR
IN CHIEF

Задачи номера

Философия, философское знание, философские науки при кажущейся абстрактности на самом деле никогда не отрывались от действительности. Философия всегда актуализировала самые острые и волнующие сюжеты современности. Ситуация сегодняшнего дня — ярчайшее тому подтверждение. Сегодня, как и прежде, в центре внимания исследователей проблемы свободы и справедливости, патриотизма и влияния массмедиа, соцсетей на индивидуальное и массовое сознание, анализ ведущих элементов антропологического и культурного кодов в интеллектуальных традициях разных стран и конфессий. Не менее важны для философов и выбранные ими методологические подходы и основание для изучения различных философских идей и направлений. Очевидно, что в нынешнем противоречивом и неопределенном мире, где одновременно разворачиваются сюжеты глобализации,

глокализации и отстаивания уникальности культур и идентичностей, важно еще раз утвердиться в понимании того, что именно разум и знания будут выступать гарантом свободы и справедливости, будут определять будущее человечества. Независимость личного выбора, способность мыслить и принимать решения в соответствии с целями деятельности, идеалами, без принуждения извне тем не менее всегда обусловлены мировоззрением, господствующей системой ценностей, моральными представлениями и предписанными образцами культуры. В этом смысле философское знание хорошо тем, что в нем не существует единого стандарта постановки и решения проблем, волнующих человека и человечество. Все, что интересует философа, в конечном счете детерминировано существующей реальностью и направлено на поиск не только объяснений, но и ответов на вызовы современности.

Научно-исследовательская

УДК 1(091)

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.42.2.01

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

О. А. Устинов

Культурно-просветительский центр «Дубрава» им. протоиерея А. Меня,
Парковая ул., 16, Сергиев Посад, Московская обл., Россия, 141308,
olustinov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2994-2339>

Аннотация. Статья посвящена проблеме применения парадигмальной методологии Т. Куна к изучению философских учений о человеке. Обосновывая и раскрывая понятие «философско-антропологическая парадигма» как совокупность теоретических, методологических и иных принципов и установок, принятых философами той или иной интеллектуальной ориентации в качестве общего стандарта постановки и решения проблем человека, автор разрабатывает историко-философскую концепцию существования в русской философии двух базовых парадигм — религиозно-философской и философско-научной. Ведущими методами в исследовании являлись методы парадигмального подхода Т. Куна (метод дисциплинарной матрицы, парадигмально-генетический метод, парадигмально-исторический метод, парадигмально-перестроечный метод), адаптированные к анализу историко-философских феноменов. Анализ структуры каждой парадигмы построен на выявлении и изучении составляющих и определяющих ее развитие основных элементов, к которым отнесены проблема антропологического идеала, проблема соотношения духа, души и тела или социального и биологического в сущности человека, проблема соотношения свободы и необходимости, свободы внешней и свободы внутренней, проблема смысла жизни, проблема соотношения личности и общества. В работе представлены результаты выполненной автором историко-философской реконструкции структуры, содержания и специфики эволюции религиозно-философской и философско-научной парадигм в русской философии советского периода. Также анализируются основные формы и характер

взаимодействия адептов двух указанных парадигм от взаимного отрицания до появления предложений о необходимости диалога между ними с положительным удержанием в обоих случаях концептов, имеющих значение для всестороннего познания феномена человека. Высказывается гипотеза о том, что верифицированное выявление и обоснование базовых парадигм в русской философской антропологии позволяет найти теоретико-методологический ключ к более глубокому пониманию и изучению антропологического кода в русской интеллектуальной традиции.

Ключевые слова: Томас Кун, парадигмальная методология, философско-антропологическая парадигма, антропологический идеал, гуманизм, человек, биологическое и социальное, свобода и необходимость, смысл жизни, личность и общество, марксизм

Для цитирования: Устинов О. А. Парадигмальный подход к анализу антропологических концепций в русской философии советского периода // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 2 (42). С. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.42.2.01>

Scientific Research

UDC 1(091)

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.42.2.01

PARADIGMATIC APPROACH TO THE ANALYSIS OF ANTHROPOLOGICAL CONCEPTS IN RUSSIAN PHILOSOPHY OF THE SOVIET PERIOD

Oleg A. Ustinov

Cultural and Educational Center “Dubrava” named after Archpriest A. Men,
Parkovaya str., 16, Sergiev Posad, Moscow region, Russia, 141308,
olustinov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2994-2339>

Abstract. The article is devoted to the problem of adaptation and application of T. Kuhn’s paradigmatic methodology to the study of philosophical doctrines about man. The author substantiates and reveals the concept of «philosophical-anthropological paradigm» as a set of theoretical, methodological and other principles and attitudes adopted by philosophers of a particular intellectual orientation as a general standard for setting and solving human problems. The article develops a historical and philosophical concept of the existence of two basic paradigms in Russian philosophy — religious-philosophical and philosophical-scientific. The leading methods in the study were the methods of T. Kuhn’s paradigmatic approach (the «disciplinary matrix» method, the paradigmatic-genetic method, the paradigmatic-historical method, the paradigmatic-perestroika method) adapted to the analysis of historical and philosophical phenomena. The analysis of the structure of each paradigm is based on the identification and study of the components and determining its development of the main elements, which include the problem of the anthropological ideal, the problem of the relationship of spirit, soul and body or social and biological in the essence of man, the problem of the relationship of freedom and necessity, external freedom and internal freedom, the problem of the meaning of life, the problem of the relationship of personality and society. The paper presents the results of the author’s historical and philosophical

reconstruction of the structure, content and specifics of the evolution of religious-philosophical and philosophical-scientific paradigms in Russian philosophy of the Soviet period. The main forms and nature of the interaction of adherents of the two paradigms are also analyzed, from mutual denial to the appearance of proposals on the need for dialogue between them with positive retention in both cases of concepts that are important for the comprehensive knowledge of the human phenomenon. Hypothesizes that the verified identification and substantiation of the basic paradigms of Russian philosophical anthropology makes it possible to find a theoretical and methodological key to a deeper understanding and study of the «anthropological code» in the Russian intellectual tradition.

Keywords: Thomas Kuhn, paradigm methodology, philosophical and anthropological paradigm, paradigmatic methodology, anthropological ideal, humanism, man, biological and social, freedom and necessity, the meaning of life, personality and society, philosophical anthropology, marxism

For citation: Ustinov, O. A. (2022). Paradigmatic Approach to the Analysis of Anthropological Concepts in the Russian Philosophy of the Soviet Period. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (42), 6–19. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.42.2.01>

Введение

Принято считать, что проблема человека занимает центральное место в отечественной философии. Все российские мыслители так или иначе обращались к антропологическим сюжетам, и поэтому сложившийся в результате их научной деятельности корпус знаний должен изучаться как самостоятельный и целостный феномен. Для решения этой задачи корректным и продуктивным является, на наш взгляд, парадигмальный подход, разработанный Т. Куном.

Парадигма (от *греч.* *paradigma* — пример, образец) представляет собой изучение и объяснение различных процессов и явлений через призму гносеологической и онтологической модели, признанной академическим сообществом в каждый конкретный исторический период в качестве эвристически действующей. Понятие парадигмы, таким образом, включает в себя не только дисциплинарную матрицу, общепринятый образец исследования, то есть систему основных понятий, категорий, формулировок, концепций, предположений, методологических стандартов, правил, ценностных установок, но и определенное видение мира, общую картину устройства и функционирования мироздания. Гносеологическая и онтологическая составляющие парадигмы находятся в сложной взаимосвязи, обуславливают друг друга.

Выполнив теоретическую реконструкцию исторического развития науки, Т. Кун выделил сменяющие друг друга периоды «нормальной науки» и «научной революции», когда та или иная парадигма является единственной базовой схемой исследования ровно до тех пор, пока ее не вытеснит новая (хрестоматийный пример Т. Куна — приход коперниканской астрономии на смену астрономии Птолемея как выражения истинного знания о природе).

Постановка проблемы

Методологическая стратегия Т. Куна с самого начала вызвала на Западе серьезную дискуссию [Котлярова, 2014, с. 90–94] и до сих пор обсуждается всесторонне [Schwartz, 2018, p. 254–261; Klang, 2019, p. 233–260; Trubody, 2019, p. 67–83; Sciortino, 2021, p. 128–137; Pirozelli, 2021, p. 277–304; Anand, Larson, Mahoney, 2020, p. 1650–1657; Grim, Kavner, Shatkin, Trivedi, 2021, p. 301–325]. Ряд ученых указывают на то, что парадигмальный подход амбивалентен, имеет не только позитивные, но и негативные аспекты, с чем до некоторой степени соглашался и Т. Кун («за неимением лучшего»). Однако предложенная им методология завоевывает все большее количество сторонников в самых разных областях знания [Schwartz, 2018, p. 254–261; Thomas, 2020, p. 1415–1424; Jabko, Schmidt, 2021, p. 565–572; Yang, 2021, p. 506–545, Sønning, Werner, 2021, p. 1179–1206]. Если применение методологии Т. Куна еще требует в каждом конкретном случае обоснования, то терминология его уже принята практически повсеместно [Laszlo, 2021, 328 p.; Fish, 2021, p. 23–42].

Значительный вклад в определение эвристической ценности парадигмального подхода внесли и отечественные ученые, которые не только исследовали и продолжают исследовать разработки Т. Куна [Ермолаева, 2008, с. 163–169; Сомкин, Сомкина, 2014, с. 115–117; Никифоров, 2020, с. 161–164; Масланов, 2020, 157–160], но и активно апробируют ее в рамках гуманитарных [Суворов, 2021, 195 с.], и в частности философских и историко-философских, исследований [Просветов, 2013, с. 234–238].

Однако в философии нет такой парадигмы, монополизм которой был бы связан с аннигиляцией остальных. В философии парадигмы соизмеримы. Они также могут доминировать, но не исчезают, а продолжают сосуществовать, что объясняется плюрализмом философского познания, его личностным характером, диалогизмом и преемственностью [Ермолаева, 2008, с. 166]. Феномен полипарадигмальности является одной из главных особенностей применения парадигмальной методологии в философии.

Под термином «философско-антропологическая парадигма» можно понимать совокупность теоретических, методологических и иных принципов и установок, принятых философами той или иной интеллектуальной ориентации в качестве общего стандарта постановки и решения проблем человека.

Методология исследования

Изучение философско-антропологических парадигм строится на аналитической реконструкции философских учений о человеке с опорой на основные методы парадигмального подхода Т. Куна (метод дисциплинарной матрицы, парадигмально-генетический метод, парадигмально-исторический метод, парадигмально-перестроечный метод).

Наиболее общими моделями в русской философии являются религиозно-философская и философско-научная парадигмы, к которым может быть сведено многообразие антропологических концептов в конечном итоге [Бабинцев, Кривенко, 2011, с. 30–43]. При этом, как и отмечал Т. Кун, «исследовательская программа» здесь тесно связана с «видением мира». Религиозно-философский подход основывается на учении о человеке как творении Божиим и рассматривает проблемы свободы воли, духовности, творчества, назначения и смысла жизни сквозь призму христианской антропологии. Научно-философский подход сконцентрирован на понимании человека в соответствии с данными анатомии, физиологии и социологии как природного и социального существа, характеризующегося разумом и практически-деятельным отношением к миру.

Если попробовать дать анализ структуры философско-антропологической парадигмы с точки зрения определяющих ее развитие основных элементов, то к этим элементам могут быть отнесены проблема антропологического идеала как желанного образа наилучшей версии человека, сверхзадачи развития личности, проблема соотношения духа, души и тела или социального и биологического в сущности человека, проблема соотношения свободы и необходимости, свободы внешней и свободы внутренней, проблема смысла жизни и связанная с ней проблема этики, проблема соотношения личности и общества.

На всех этапах развития парадигма как рамочная конструкция сохраняла достаточную широту, включая различные вариации решения проблем человека тем или иным мыслителем. Частное выражалось в парадигме через общее, не оспаривая его и не вступая с ним в противоречие.

Под воздействием внешних и внутренних факторов (политических и культурных изменений, введения в научный оборот новых источников, критики устоявшихся теорий и выдвижение новых гипотез, апробация новых методологических практик) уровень изучения и понимания этих вопросов существенно менялся. А изменение структурных элементов парадигмы вело к ее эволюции как в частностях, так и в целом.

Результаты исследования

В русской культуре X – начала XX вв. «матрицей» решения проблемы человека являлась православная антропология, которая была заимствована в Древней Руси из Византии в ее преимущественно спиритуалистической версии. Человек рассматривался как созданная Богом духовная сущность, имеющая телесную оболочку, цель существования которой саморазвитие с последующим метафизическим переходом в Царствие Небесное. Рецепция византийского извода христианских идей не сопровождалась попытками их самостоятельных интерпретаций.

Эволюция сложившихся воззрений на феномен человека была связана с внешними факторами — в XIV в. диффузией азиатской культуры с ее авторитарными ценностями (отходом от примата личности в сторону абсолютизма), в XVII–XVIII вв. началом модернизации России по западному типу (усвоением европейского рационального взгляда на человека как естественное существо и обусловлено им новыми решениями проблем свободы и необходимости, смысла жизни, личности и общества).

Далее в условиях отхода части философов от догматики сформировалось религиозно-философское представление о человеке, в котором библейские трактовки были реинтерпретированы, в частности, за счет мистических идей так называемый свободного христианства. Многие мыслители стали полагать, что человек не просто обладает Богоподобием, которое проявляется в его разумности, свободе и бессмертии, но и в известной мере равен Богу как сын — Отцу. В результате человек был «открыт» ими как «второй Абсолют», Со-Творец. Но и эта инновационная антропологическая трактовка не утратила свойственной русской мысли спиритуалистической односторонности. Проблемы природы человека, его психики и сознания по-прежнему находились в данной парадигме на периферии.

Философско-научная парадигма сформировалась на фоне открытий в естествознании и роста популярности материализма в XIX – начале XX вв. Теоретически марксизма, закреплявшие взгляд на человека как на естественное (био-социальное) существо, дали материалистическую трактовку всему спектру философско-антропологических вопросов и заявили о возникновении нового антропологического дискурса. Однако неприятие марксистами религиозно-философских идей как ложных и отсутствие у них интереса к проблемам внутреннего (духовного мира) личности сообщило философско-научной модели односторонний характер.

Репрезентативным с точки зрения анализа сущности, структуры и развития двух указанных подходов является советский период русской философии, на который пришлось знаковые события: формирование и институционализация научно-философской парадигмы; маргинализация и реабилитация религиозно-философской парадигмы; взаимодействие между парадигмами, происходящее на фоне взаимного неприятия, но сопровождающееся периодически возникающими инициативами о необходимости диалога между ними и даже относительной конвергенции их идей.

В 1920–1940-е гг. религиозно-философская парадигма продолжила свое развитие на маргинальном уровне. В СССР философы-идеалисты вынуждены были вести подпольное или полуподпольное существование, и в этих условиях часть из них (А. Ф. Лосев, А. А. Мейер и др.) вернулась в сферу богословия, признав православную догматику в качестве аксиомы идейного поиска и отказавшись от концепции «второго Абсолюта». Другая часть (М. М. Рубинштейн, М. М. Бахтин, Я. Э. Голосовкер и др.) приступила к конструктивному осмыслению марксизма и выполнила арелигиозный анализ антропологического

проблемного поля с вынесенными в затекст метафизическими смыслами. Общим для них по-прежнему оставалось понимание человека как созданного свыше (Богом, или Космическим разумом) нравственного, свободного и творческого существа, цель жизни которого духовное самосовершенствование и преобразование бытия в спиритуалистических или спиритуалистически интерпретированных материальных формах. Таким образом, на наш взгляд, в этот период религиозно-философская модель вошла в следующую фазу эволюции, которая была не менее интенсивной и интересной по качеству антропологических решений, чем история ее развития до 1917 г.

В 1950–1970-е гг. снятие ряда идеологических запретов способствовало частичному выходу религиозно-философской парадигмы в пространство официальной философии, где она начала негласно, но достаточно активно подаваться как конкурентоспособная модель решения антропологических. Внутри парадигмы укрепились и продолжили свое сосуществование два указанных направления. Первое, в основе которого лежало сближение религиозной философии с православным или индо-буддийским богословием, и второе, в центре которого находилось сближение религиозной философии с естественными и гуманитарными науками. Однако второе направление в этот период стало опережать первое, будучи поддержанным целой группой философов (А. В. Мень, Б. Д. Дандарон, М. К. Мамардашвили, Г. С. Батищев, И. Д. Левин и др.). Сформулированные ими решения (интерпретация человеческой природы как Богосотворенной, но материальной, анализ взаимосвязи внешней и внутренней свободы, акцент на творческой самореализации личности на земле как этапа на пути к внеземному блаженству, попытка найти механизмы согласования интересов личности и общества не только в проповеди любви и толерантности, но и в особой организации политической системы) вытекал из попытки объединить религию и науку в понимании человека как двух способов изучения одного и того же предмета. Сугубо метафизическая концепция человека была признана ими недостаточной. Линия Мень – Дандарона могла в дальнейшем серьезно повлиять на трансформацию религиозно-философской модели и стать своеобразным мостом, ведущим ее сторонников к диалогу со сторонниками философско-научной модели.

В годы перестройки начался процесс реабилитации, восстановления и активной разработки религиозно-философской модели. Философы-идеалисты получили в этот период право на участие в научных исследованиях, но от работы в интересах сближения религиозной философии и науки большинство из них отказались. В условиях свободы исследований они сделали выбор в пользу дальнейшего движения религиозной философии в сферу богословия. Адекватный парадигмальный образ человека мыслился ими как реконструкция христианского антропологического идеала, закрытого и для претенциозных размышлений о «втором Абсолюте», и для коррекции со стороны научной критики религии. Были реконструированы и закреплены традиционные для религиозно-философской модели до 1917 г. идейные схемы: приоритет души

над телом, негация (отрицание) внешней свободы, спиритуалистическое толкование смысла жизни, спиритуалистическая трактовка оптимального соотношения личности и общества. В результате адепты религиозно-философской модели отказались от ряда перспективных и собственно научных наработок прошлого периода, понятых де-факто как «вынужденные уступки». Финальная точка эволюции парадигмы в 1991 г. оказалась точкой своеобразного «обнуления» ее развития и реставрации ее концептосферы дореволюционного образца.

Философско-научная парадигма в СССР получила статус доминирующей. Прав С. Н. Корсаков: именно в этот период впервые в истории России философские исследования, освободившись от обязательных прежде доминант религиозного соответствия, приобрели собственно научный характер [Корсаков, 2015, с. 74]. Однако провозглашение материализма государственной доктриной совпало с его «болезнью роста», проявлениями которой были инерция вульгарных, взаимоисключающих экономико-детерминистской и субъективно-идеалистической интерпретаций классического марксизма. Антропологический идеал целостного, то есть всесторонне развитого, свободного и творческого человека, разработанный К. Марксом, не был реконструирован, и центральным элементом советской философской антропологии стал человек — «живая вещь», жизнь которой детерминируется социальными условиями, видоизменять которые с целью создания «нового человека» официально взялась коммунистическая партия. Широкое распространение получили деперсонализированные трактовки личности как «совокупности общественных отношений», отрицание априорной ценности личности и ее самостоятельности в истории, обязательный и единый для всех стандарт жизненных стратегий, и примат общества над личностью, за которым скрывался партоцентризм и вождизм как его логическое завершение. Эта сложная ситуация начала тем не менее выправляться в середине – конце 1920-х гг. усилиями ряда «ищущих марксистов» (Н. И. Бухарин и др.), которые обратились к изучению трудов К. Маркса и В. И. Ленина и выступили с инициативой усложнения и гуманизации философско-научной парадигмы.

В 1930–1940-е гг. ознаменовались глубоким кризисом философско-научной модели, спровоцированным политическими причинами. Режим личной власти И. В. Сталина востребовал наиболее вульгарные трактовки марксистской антропологии: репрессивные стратегии антропотехники, образ человека как «винтика» или орудия системы, микс социологизаторской и биологизаторской концепций человеческой природы, апологию ключевой роли в истории лидеров партии, стандартизацию представлений о смысле жизни, апологию теории классовой войны и борьбы с внутренними врагами, грубый социоцентризм, неотличимый на деле от вождизма. Противоположная этому инструментально-функциональному подходу к человеку тенденция к гуманистической реинтерпретации марксизма, провозглашавшая человека высшей целью и ценностью развития общества в соответствии с аутентичной реконструкцией антропологического идеала К. Маркса («бухаринская альтернатива»), заявила

о себе в начале – середине 1930-х гг. Философские исследования удачно дополняли и корректировали в этот период психологические исследования субъектно-деятельностной природы человека (С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский и др.). Но реализована данная тенденция не была, многие из ее сторонников погибли в ходе сталинского террора.

Актуализация философско-научной парадигмы произошла в СССР только в годы хрущевской оттепели, когда новое поколение философов обратилось к ранним работам К. Маркса и выполнило реконструкцию его исходного антропологического идеала. Марксистская философия была осмыслена ими как философия гуманизма. Критикуя ряд редуций классического марксизма, но не вступая в открытое противоборство с академическими кругами, они фактически продолжили разработку «бухаринской альтернативы». Результатом этих процессов стало обновление парадигмы, не носившее характера радикальных изменений. Концепт целостного человека, самостоятельной и самоценной личности как цели социализма все еще соседствовал с массивной интерпретацией человека как «совокупности общественных отношений», прямолинейным приоритетом социального над биологическим в анализе человеческой природы, максимой о партии как субъекте общественно-исторической деятельности, традиционной стандартизацией жизненной стратегии, классов и социоцентризм. Вместе с тем ряд мыслителей-новаторов (Г. П. Щедровицкий и др.) негласно разрабатывали субъектно-деятельностные теории личности и подготавливали эволюцию парадигмы на следующем этапе ее развития. В этот период в СССР фактически произошло становление философской антропологии как науки [Устинов, 2019, с. 492–503].

Процесс институционализации философско-научной модели завершился в годы перестройки в условиях утверждения на государственном уровне гуманистической интерпретации марксизма как творческого «возвращения к Марксу». Советские философы активно поддержали инициативу И. Т. Фролова о создании «единой науки о человеке», синтезирующей результаты актуальных социальных и естественно-научных исследований. Упор на строго научное изучение человека как свободного, творческого и нравственного субъекта бытия, ценность которого абсолютна, повлекла за собой закрепление в антропологическом дискурсе таких концептов, как динамическое единство в человеке социального и биологического, необходимости внешней и внутренней автодетерминации, самореализации личности в процессе развития ее талантов и способностей, а также понимания развитого индивидуализма как развитого коллективизма. Выявление и устранение вульгарных упрощений марксизма, замедлявших его развитие в предшествующий период, привели к усложнению и углублению ее базовых концептов и обусловили ее самую серьезную трансформацию на протяжении всего XX в. Распад СССР в 1991 г. обернулся крахом этого идейного движения, и многие его достижения были утрачены. До сих пор они не отрефлексированы и не изучены в полном объеме.

Сосуществование и взаимодействие антропологических парадигм в русской философии советского периода может рассматриваться как наиболее драматический и вместе с тем наиболее продуктивный этап в их совместной истории с XI по XX в., включавший в себя как фазы одностороннего отрицания, так и фазы одностороннего сближения при исключительно короткой взаимной готовности к конструктивному диалогу с позиции формирования некоего «цельного знания». Так, если в 1930–1970-е гг. некоторые философы-идеалисты отнеслись к учению оппонентов с научной объективностью и интересом и даже заимствовали ряд материалистических идей при отказе от отхода от базовых принципов защищаемой ими парадигмы, то философы-материалисты оказались способны непредвзято воспринимать концепты идеалистической антропологии, и в ряде случаев фактически даже переходить в лагерь противников, только к 1960-м гг., а выступить с инициативой признания ее научной релевантности лишь к концу 1980-х гг., когда философы-идеалисты уже отказались от сближения с противниками и предпочли вернуться к состоянию религиозно-философской парадигмы до 1917 г. Завоеванием XX в. тем не менее можно считать переход исследователей обоих направлений от «войны» парадигм к «миру» при взаимном отказе от их слияния в некую синтезированную модель решения проблем человека, несмотря на отдельные инициативы создания таковой.

Заключение

Таким образом, использование парадигмального подхода Т. Куна, адаптированного к изучению философских учений о человеке, позволяет провести комплексное исследование антропологических парадигм в советской философии с подробной реконструкцией и анализом процессов их формирования, эволюции, характера и форм взаимодействия. Результаты данного анализа дают теоретико-методологические основания для дальнейшего верифицированного и более глубокого изучения и осмысления антропологического кода русской философии, переходя от рассмотрения общих вопросов к вопросам частным не только в досоветский и советский, но и в постсоветский периоды. Не менее значимым может быть и обращение современных ученых к проблемам целостного знания, наработки в области которого могут помочь в определении активно обсуждаемых сегодня задач перспективного развития наук о человеке в XXI в. [Бирич, 2003, с. 272; Буданов, 2021, с. 40–43; Аршинов, 2021, с. 44–48].

Список источников

1. Аршинов В. И. Эволюция антропоцентризма в перспективе сложностного подхода // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 44–48. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-10-44-48>
2. Бабинцев В. П., Кривенко О. А. Понятие религиозно-философской и философско-научной антропологических парадигм в русской философии [Электронный

ресурс] // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 8 (103). Вып. 16. С. 30–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-religiozno-filosofskoy-i-filosofsko-nauchnoy-antropologicheskikh-paradigm-v-russkoy-filosofii>

3. Бирич И. А. Философская антропология и образование (на путях к новому педагогическому сознанию). М.: Жизнь и Мысль, 2003. 272 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002354262>

4. Буданов В. Г. К вопросу о генезисе Большого антропологического перехода // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 40–43. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-10-40-43>

5. Ермолаева О. А. Основные принципы, методы и уровни современного парадигмального подхода [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 1 (9). С. 163–168. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12499729>

6. Корсаков С. Н. Мифы и истины в русской философии [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 69–85. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23447380>

7. Котлярова В. В. Парадигмальный подход в зарубежной философии: pro et contra [Электронный ресурс] // Альманах современной науки и образования. 2014. № 10 (8). С. 90–94. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21961156>

8. Масланов Е. В. Революционная консервативность нормальной науки // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 157–160. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-12-157-160>

9. Никифоров А. Л. Т. Кун об интерпретации и понимании // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 161–164. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-12-161-164>

10. Просветов С. Ю. Структура историко-философской парадигмы [Электронный ресурс] // Вестник Кемеровского гос. ун-та. Журнал теоретических и прикладных исследований. 2013. № 2 (54). Т. 1. С. 234–238. URL: https://www.onacademic.com/detail/journal_1000037336574710_7701.html

11. Сомкин А. А., Сомкина Н. А. Парадигмальный подход в современной философии [Электронный ресурс] // Наука и культура России. 2014. № 1. С. 115–117. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22476550>

12. Суворов Г. В. Методологические проблемы формирования парадигм гуманитарного знания. Киров: Вятский гос. ун-т, 2021. 195 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44848133>

13. Устинов О. А. Становление философской антропологии в СССР: историко-философский анализ // Вестник Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 492–503. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-492-503>

14. Anand G., Larson E. C., Mahoney J. T. Thomas Kuhn on Paradigms // Production and Operations Management. 2020. Vol. 29 (7). P. 1650–1657. DOI: <https://doi.org/10.1111/poms.13188>

15. Fish W. Perceptual Paradigms // Purpose and Procedure in Philosophy of Perception. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 23–42. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198853534.003.0002>

16. Grim P., Kavner J., Shatkin L., Trivedi M. Philosophy of science, network theory and conceptual change: Paradigm shifts as information cascades [Electronic resource] // Complex Systems in the Social and Behavioral Sciences: Theory, Method and Application.

East Lansing: University of Michigan Press, 2021. P. 301–325. URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid>

17. Jabko N., Schmidt S. Paradigms and Practice // *International Studies Quarterly*. 2021. Vol. 65 (3). P. 565–572. DOI: <https://doi.org/10.1093/isq/sqab028>

18. Klang P. Kuhns paradigmbegrepp och spraketenskapen // *Sprak och Stil*. 2019. Vol. 29. P. 233–260. DOI: <https://doi.org/10.33063/DIVA-399065>

19. Laszlo E. Introduction to systems philosophy: Toward a new paradigm of contemporary thought. London: Routledge Revivals, 2021. 356 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003205586>

20. Pirozelli P. The grounds of knowledge: a comparison between kuhn's paradigms and foucault's epistemes // *Kriterion (Brazil)*. 2021. Vol. 62 (148). P. 277–304. DOI: <https://doi.org/10.1590/0100-512X2021N14813PP>

21. Schwartz S. A. Kuhn, Consciousness, and Paradigms // *Explore*. 2018. Vol. 14 (4). P. 254–261. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.explore.2018.04.004>

22. Sciortino L. The emergence of objectivity: Fleck, Foucault, Kuhn and Hacking // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2021. Vol. 88. P. 128–137. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.shpsa.2021.06.005>

23. Sönning L., Werner V. The replication crisis, scientific revolutions, and linguistics // *Linguistics*. 2021. Vol. 59 (5). P. 1179–1206. DOI: <https://doi.org/10.1515/ling-2019-0045>

24. Thomas R. Keynes, Kuhn and the sociology of knowledge: A comment on Pernecky and Wojick // *Cambridge Journal of Economics*. 2020. Vol. 44 (6). P. 1415–1424. DOI: <https://doi.org/10.1093/cje/beaa016>

25. Trubody B. The Structure of Scientific Fraud: The Relationship Between Paradigms and Misconduct // *Synthese Library*. 2019. Vol. 413. P. 67–83. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-23769-1_5

26. Yang G. The Paradigm Shift of Political Science from Being «Change-oriented» to «Governance-oriented»: A Perspective on History of Political Science // *Chinese Political Science Review*. 2021. Vol. 6 (4). P. 506–545. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41111-021-00188-z>

References

1. Arshinov, V. I. (2021). E' volyuciya antropocentrizma v perspektive slozhnostnogo podxoda [The evolution of anthropocentrism in the perspective of a complex approach]. *Questions of philosophy*, 10, 44–48. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-10-44-48>

2. Babintsev, V. P., & Krivenko, O. A. (2011). Ponyatie religiozno-filosofskoy i filosofsko-nauchnoj antropologicheskix paradigim v russkoj filosofii [The concept of religious-philosophical and philosophical-scientific anthropological paradigms in Russian philosophy]. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology*, 8 (103), 16, 30–43. (In Russian). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-religiozno-filosofskoy-i-filosofsko-nauchnoy-antropologicheskix-paradigim-v-russkoj-filosofii>

3. Birich, I. A. (2003). *Filosofskaya antropologiya i obrazovanie: (na putyax k novomu pedagogicheskomu soznaniyu)* [Philosophical anthropology and education: (on the way to a new pedagogical consciousness)]. Moscow: Life and Thought. 272 p. (In Russian). <https://search.rsl.ru/ru/record/01002354262>

4. Budanov, V. G. (2021). K voprosu o genezise Bol'shogo antropologicheskogo perekoda [On the genesis of the Great Anthropological Transition]. *Questions of philosophy*, 10, 40–43. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-10-40-43>

5. Ermolaeva, O. A. (2008). Osnovny'e principy', metody' i urovni sovremennogo paradigmalnogo podxoda [Basic principles, methods and levels of the modern paradigm approach]. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences, 1* (9), 163–168. (In Russian). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12499729>
6. Korsakov, S. N. (2015) Mify' i istiny' v russkoj filosofii [Myths and truths in Russian philosophy]. *Questions of philosophy, 5*, 69–85. (In Russian). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23447380>
7. Kotlyarova, V. V. (2014). Paradigmaly'ny'j podxod v zarubezhnoj filosofii: pro et contra [Paradigmatic approach in foreign philosophy: pro et contra]. *Almanac of modern Science and education, 10* (8), 90–94. (In Russian). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21961156>
8. Maslanov, E. V. (2020). Revolyucionnaya konservativnost' normal'noj nauki [Revolutionary conservatism of normal science]. *Questions of philosophy, 12*, 157–160. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-12-157-160>
9. Nikiforov, A. L. (2020). T. Kun ob interpretacii i ponimanii [T. Kuhn on interpretation and understanding]. *Questions of philosophy, 12*, 161–164. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-12-161-164>
10. Prosvetov, S. Yu. (2013). Struktura istoriko-filosofskoj paradigmy' [The structure of the historical and philosophical paradigm]. *Bulletin of Kemerovo State University. Journal of Theoretical and Applied Research, 2* (54), 1, 234–238. (In Russian). https://www.onacademic.com/detail/journal_1000037336574710_7701.html
11. Somkin, A. A., & Somkina, N. A. (2014). Paradigmaly'ny'j podxod v sovremennoj filosofii [Paradigmatic approach in modern philosophy]. *Science and culture of Russia, 1*, 115–117. (In Russian). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22476550>
12. Suvorov, G. V. (2021). *Metodologicheskie problemy' formirovaniya paradigm gumanitarnogo znaniya* [Methodological problems of formation of paradigms of humanitarian knowledge]. Kirov: Vyatka State University. 195 p. (In Russian). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44848133>
13. Ustinov, O. A. (2019). Stanovlenie filosofskoj antropologii v SSSR: istoriko-filosofskij analiz [The formation of philosophical anthropology in the USSR: historical and philosophical analysis]. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology, 4*, 492–503. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-492-503>
14. Anand, G., Larson, E. C. & Mahoney, J. T. (2020). Thomas Kuhn on Paradigms. *Production and Operations Management, 29* (7), 1650–1657. <https://doi.org/10.1111/poms.13188>
15. Fish, W. (2021). Perceptual Paradigms. In *Purpose and Procedure in Philosophy of Perception* (p. 23–42). Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198853534.003.0002>
16. Grim, P., Kavner, J., Shatkin, L., & Trivedi, M. (2021). Philosophy of science, network theory and conceptual change: Paradigm shifts as information cascades. In *Complex Systems in the Social and Behavioral Sciences: Theory, Method and Application* (p. 301–325). East Lansing: University of Michigan Press. <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2>
17. Jabko, N., & Schmidt, S. (2021). Paradigms and Practice. *International Studies Quarterly, 65* (3), 565–572. <https://doi.org/10.1093/isq/sqab028>

18. Klang, P. (2019) Kuhns paradigmbegrepp och sprakvetenskapen. *Sprak och Stil*, 29, 233–260. <https://doi.org/10.33063/DIVA-399065>
19. Laszlo, E. (2021) *Introduction to systems philosophy: Toward a new paradigm of contemporary thought*. London: Routledge Revivals. <https://doi.org/10.4324/9781003205586>
20. Pirozelli, P. (2021) The grounds of knowledge: a comparison between kuhn's paradigms and foucault's epistemes. *Kriterion (Brazil)*, 62 (148), 277–304. <https://doi.org/10.1590/0100-512X2021N14813PP>
21. Schwartz, S. A. (2018). Kuhn, Consciousness, and Paradigms. *Explore*, 14 (4), 254–261. <https://doi.org/10.1016/j.explore.2018.04.004>
22. Sciortino, L. (2021). The emergence of objectivity: Fleck, Foucault, Kuhn and Hacking. *Studies in History and Philosophy of Science*, 88, 128–137. <https://doi.org/10.1016/j.shpsa.2021.06.005>
23. Sönning, L., & Werner, V. (2021). The replication crisis, scientific revolutions, and linguistics. *Linguistics*, 59 (5), 1179–1206. <https://doi.org/10.1515/ling-2019-0045>
24. Thomas, R. (2020). Keynes, Kuhn and the sociology of knowledge: A comment on Pernecky and Wojick. *Cambridge Journal of Economics*, 44 (6), 1415–1424. <https://doi.org/10.1093/cje/beaa016>
25. Trubody, B. (2019). The Structure of Scientific Fraud: The Relationship Between Paradigms and Misconduct. *Synthese Library*, 413, 67–83. https://doi.org/10.1007/978-3-030-23769-1_5
26. Yang, G. (2021). The Paradigm Shift of Political Science from Being «Change-oriented» to «Governance-oriented»: A Perspective on History of Political Science. *Chinese Political Science Review*, 6 (4), 506–545. <https://doi.org/10.1007/s41111-021-00188-z>

Информация об авторе / Information about the author:

Устинов Олег Александрович — кандидат философских наук, руководитель литературно-драматической части, культурно-просветительский центр «Дубрава» им. протоиерея Александра Меня,

Сергиев Посад Московской области, Россия, 141308,
olustinov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2994-2339>

Ustinov Oleg Aleksandrovich — PhD (Philosophy), head of the literary and dramatic part of the Cultural and Educational Center «Dubrava» named after Archpriest Alexander Men, Sergiev Posad, Moscow region, Russia, 141308,
olustinov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2994-2339>

Аналитическая

УДК 141.336+141.32

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.42.2.02

ТРАКТОВКА СВОБОДЫ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМЕ И СУФИЙСКОМ ИСЛАМЕ

Р. С. Макаев

Московский городской педагогический университет,
2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, Россия, 129226,
Makaev@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-2229>

С. Б. Кожевников

Московский городской педагогический университет,
2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, Россия, 129226,
KozhevnikovSB@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-2229>

Аннотация. В статье проводится сопоставительный анализ понимания свободы в истории западной философской мысли и исламской культурной традиции. Особое внимание уделяется трактовке свободы в философии экзистенциализма, а также специфическому пониманию феномена свободы в восточной философии, главным образом в философии суфизма. Атеистический взгляд на проблему свободы представлен как западными мыслителями, так и концепцией арабского мыслителя Абдурахмана Бадави. В статье раскрыта также религиозная трактовка феномена свободы, представленная преимущественно мистическими концепциями, сформировавшимися в лоне суфизма. Авторы объясняют причины устойчивого интереса к феномену человеческой свободы как в истории западной философской мысли, так и в рамках современной социальной психологии и политической науки. В статье показано, что актуальность проблемы свободы связана с глубокими экзистенциальными потребностями человека. При этом экзистенциальный опыт был осмыслен и проработан не только в категориях западной философии, но и в рамках религиозно-мистических представлений Востока, в частности в суфизме. В статье показано, что идеи западной экзистенциальной философии имеют параллели в арабо-мусульманской философской традиции, прежде всего в практиках суфизма. Предпринятый авторами статьи сравнительный анализ позволил выявить универсальное межкультурное значение концепции экзистенциальной свободы. В статье особое внимание уделяется методологическим аспектам концептуального представления проблемы свободы средствами мусульманской философской традиции. В статье раскрываются также психологические предпосылки формирования экзистенциальных потребностей человека, в том числе потребности в свободе. Экзистенциальные потребности рассматриваются в контексте индивидуальных особенностей человека и его принадлежности к религиозной и культурно-исторической традиции. Представленные в статье материалы позволяют расширить современные представления о специфике осмысления экзистенциальных проблем в мусульманской философии. В статье раскрыты особенности адаптации западных философских концептов к духовному опыту Востока.

Ключевые слова: свобода, личность, экзистенциализм, суфизм, мусульманская философия

Для цитирования: Макаев Р. С., Кожевников С. Б. Трактровка свободы в экзистенциализме и суфийском исламе // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 2 (42). С. 20–29. DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.42.2.02>

Analytical

UDC 141.336+141.32

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.42.2.02

INTERPRETATION OF INDIVIDUAL FREEDOM IN EXISTENTIALISM AND SUFI ISLAM

Rustam S. Makaev

Moscow City University,

2-j Sel'skochozyajstvennyj pr., d. 4, Moscow, Russia, 129226,

Makaev@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-2229>

Sergey B. Kozhevnikov

Moscow City University,

2-j Sel'skochozyajstvennyj pr., d. 4, Moscow, Russia, 129226,

KozhevnikovSB@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-2229>

Abstract. The article provides a comparative analysis of the understanding of freedom in the history of Western philosophical thought and the Islamic cultural tradition. Particular attention is paid to the interpretation of freedom in the philosophy of existentialism, as well as a specific understanding of the phenomenon of freedom in Eastern philosophy, mainly in the philosophy of Sufism. The atheistic view of the problem of freedom is presented both by Western thinkers and the concept of the Arab thinker Abdurahman Badawi. The article also reveals the religious interpretation of the phenomenon of freedom, represented mainly by mystical concepts formed in the bosom of Sufism. The authors explain the reasons for the steady interest in the phenomenon of human freedom both in the history of Western philosophical thought and within the framework of modern social psychology and political science. The article shows that the relevance of the problem of freedom is associated with the deep existential needs of a person. At the same time, existential experience was comprehended and worked out not only in the categories of Western philosophy, but also within the framework of the religious and mystical ideas of the East, in particular in Sufism. The article shows that the ideas of Western existential philosophy have parallels in the Arab-Muslim philosophical tradition, primarily in the practices of Sufism. The comparative analysis undertaken by the authors of the article made it possible to reveal the universal intercultural significance of the concept of existential freedom. The article pays special attention to the methodological aspects of the conceptual representation of the problem of freedom by means of the Muslim philosophical tradition. The article also reveals the psychological prerequisites for the formation of human existential needs, including the need for freedom. Existential needs are considered in the context of the individual characteristics of a person

and his belonging to a religious and cultural-historical tradition. The materials presented in the article make it possible to expand modern ideas about the specifics of understanding existential problems in Muslim philosophy. The article reveals the features of the adaptation of Western philosophical concepts to the spiritual experience of the East.

Keywords: freedom, personality, existentialism, Sufism, Muslim philosophy

For citation: Makaev, R. S., & Kozhevnikov, S. B. (2022). Interpretation of freedom in Existentialism and Sufi Islam. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (42), 20–29. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.42.2.02>

Свобода — одна из ключевых категорий моральной и политической философии, характеризующая человеческую сущность и особенности существования человека. Свобода заключается в способности мыслить и принимать решения в соответствии с целями деятельности, идеалами, без какого-либо воздействия и принуждения извне. Экзистенциальная свобода — это манифестация независимости личностного выбора, обусловленного мировоззрением человека, его системой ценностей и моральных представлений.

Ж.-П. Сартр утверждал, что человек может создавать свою собственную сущность. Человек принципиально «не завершен» и *становится самим собой* в соответствующих социальных обстоятельствах. Способность выбора дороги, ведущей к свободе, присуща каждому человеку. Как говорил Сартр, «Человеку неизбежно быть свободным», он с необходимостью должен делать выбор, даже когда это не входит в его сознательные намерения. Человек свободен в праве выбора, но при условии, что этот выбор им осознан, что он несет за него ответственность. Эта ответственность не связана с давлением со стороны общества: в ситуации экзистенциального выбора человек отвечает лишь перед самим собой, ему важно понимать, какие моральные последствия влечет за собой тот или иной его поступок [Андреев, 2004, с. 342]. Таким образом, вступая на дорогу, ведущую к обретению экзистенциальной свободы, человек взваливает на себя тяжелую ношу. Согласно философии экзистенциализма, человек изначально одинок, осознает себя в качестве самостоятельного и свободного героя-одиночки, бросающего вызов судьбе. Человек, конечно, может отказаться от «бремени свободы», но только ценой утраты своей личности, экзистенциального начала в своей жизни.

Аналитика свободы в экзистенциальной философии

Одним из важнейших философских вопросов был и остается вопрос о природе человека. Слова Протагора, что «человек есть мера всех вещей», не только ознаменовали начало «антропологического поворота» в древнегреческой философии, но и стали важным фактором формирования методологии философского познания. Проблема личности в философии — это экзистенциальный

вопрос о человеческой сущности как личности, о поиске места человека в мире и в истории. Экзистенциализм основывается на том, что, находясь в пограничных ситуациях, человек способен формировать свое «Я», и на основе этого совершать поступки, находить пути выхода из жизненных кризисов. В таких ситуациях человек раскрывает свое истинное лицо [Мануковский, 2012, с. 123].

Личность в экзистенциализме — это цель, онтологическое средоточие общественной жизни, и тогда общество выступает лишь в качестве внешней материальной среды существования человека. И оно, конечно, призвано предоставлять гарантии каждому человеку, защищать его силой закона от посягательств на его свободу и выбранный им путь духовного развития. При этом, с позиции экзистенциализма, роль общества далека от идеала: свобода, предоставленная обществом человеку, имеет лишь частный характер, выступая, например, в качестве экономической или политической свободы.

Узловым моментом экзистенциальной антропологии является положение о том, что человеческая личность отделена от общества уникальным характером переживаемых ею экзистенциальных ситуаций. В этом отношении в экзистенциализме представлено несколько проблемных диспозиций. Во-первых, анализируется проблема деятельности, при которой происходит переход продуктов деятельной трансформации в независимую враждебную силу, доминирующую над человеком; и, во-вторых, обнаруживается противостояние личности различным социальным институтам, государству, другим членам общества и т. д. Особенно глубоким оказывается экзистенциальное осмысление феномена отчуждения индивида от внешнего мира, проявляющийся в экзистенциальных состояниях апатии, одиночества, безразличия, страха, в восприятии явлений действительности как враждебных и чуждых человеку.

Экзистенциализм, развивавшийся как одно из магистральных направлений западной философской антропологии XX в., не мог остаться незамеченным мыслителями арабского мира. Он способствовал формированию новой философской концепции человека, названной «восточным экзистенциализмом», которая сыграла важную роль в формировании новых идей и гипотез в структуре гуманитарного знания и к новой постановке проблемы человеческого существования. Если парадигма западного экзистенциализма представляет собой определенный вектор знания, основанных на европейских ценностях и культурных традициях, то восточное ответвление экзистенциализма опирается на некоторые важные инстанции арабо-мусульманского сознания.

Экзистенциальные проблемы вызвали глубокий интерес у ряда исследователей и мыслителей арабского мира. Некоторые аспекты экзистенциальной философии были созвучны восточным представлениям о конечных целях человеческого бытия. Абдурахман Бадави пытался найти логическое объяснение конечности человеческого существования. Он проводил сравнительный анализ развития гуманизма на Востоке и Западе, который был выражен в разных модусах экзистенциального мышления. Проявления особенностей человеческого существования А. Бадави видит в эмоциях и актах воли, которые заключаются

в свободе выбора. При этом сам выбор больше связан с риском, вызываемым иррациональными действиями человека.

Всестороннее рассмотрение А. Бадави вопросов экзистенциализма привело к написанию им работы «Экзистенциальное время», где отправной точкой является анализ взглядов Ж. П. Сартра и М. Хайдеггера. Для Сартра марксизм не тождественен атеизму. Французские экзистенциалисты различали классический атеизм и гуманистический атеизм. Если в первом варианте атрибуты Бога отвергаются, то во втором случае они усматриваются в человеке, когда человеческий дух обретает онтологические свойства в результате последовательно организованной рефлексии [Гура, 2017, с. 90].

Экзистенциализм Бадави формировался под влиянием школ немецкого и французского экзистенциализма. Бадави опирается на диалектику экзистенциализма, он предлагает модель «интуитивных категорий», которая находится в основе эмоциональных и волевых качеств человека. Каждая из представленных категорий образует триады, которые в своей структуре состоят из тезиса, антитезиса и их интенсивного единства. Он пытается построить теоретическую модель экзистенциальной природы индивидуального бытия человека на Востоке. Бадави, как и западные представители атеистического экзистенциализма, отказывается от необходимости существования Бога, он противопоставляет время, понятое как человеческая мера, вневременной метафизической вечности (Богу). Он убежден в том, что именно такое средневековое мышление и служило средством экзистенциальной защиты человека, отгонявшего от себя тем самым страх перед перспективой конца истории. Для Бадави природа существования человека заключается во времени и его конечности, то есть вне человеческого бытия не может быть времени, а значит, и конца истории. Интересно, что он готов признать существование Бога, но только безотносительно к человеческому бытию, и в этом он, возможно, близок к Сартру. Складывается впечатление, что атеизм Бадави и Сартра не исключал существования неподвластного человеку высшего начала, но строился он вокруг человеческого бытия, понятого только в пределах материальной человеческой природы.

Трактовка экзистенциальной свободы в суфизме

Изучая традиционные концепции суфийской мысли, Бадави разрабатывает альтернативную версию экзистенциализма на Востоке, встраивая суфизм в экзистенциальную антропологическую парадигму. В результате возникает своеобразная восточная интерпретация экзистенциализма, особый модус развития экзистенциального умонастроения на Востоке, связанный с адаптацией западных идей к особенностям арабской ментальности. Бадави считает, что суфизм, подобно философии гуманизма, давно актуализировал те модусы человеческого бытия, с которыми работает современная экзистенциальная

рефлексия. Серен Кьеркегор считал, что суфизм — это уникальная ментальная практика, содержащая идеальный образ человека, которая фактически способствовала формированию «восточного» экзистенциализма, издавна существовавшего в философии наряду с западной антропологической парадигмой. Более того, Бадави с помощью компаративистского анализа пытался показать, что как современный западный гуманизм в целом, так и экзистенциализм в частности берут свое начало в восточной философской мысли.

Такая точка зрения возникла у Бадави во время работы над переводом книги Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто», под впечатлением от которой он написал работу «Гуманизм и экзистенциализм в арабской мысли». Сопоставляя проблемное поле экзистенциализма и суфизма, Бадави пришел к выводу об их поразительном сходстве. Будучи знатоком суфизма, Бадави написал известные работы по исламской антропологии, такие, например, как «Совершенный человек в исламе» или «Дух исламской цивилизации». У Бадави экзистенциализм является продолжением европейской традиции гуманизма, в центре которой — человек. Гуманизм рассматривается им в рамках двух исследовательских подходов: компаративистского и герменевтического. Кроме того, Бадави находит в феномене гуманизма источник универсальных ценностей, доминирующих в сознании современного человека [Кулиева, 2003, с. 168].

Рассматривая суфизм с психологической точки зрения, Бадави переосмысливает мировоззренческое значение средневекового исламского мистицизма. В эпоху Средневековья философия суфизма позволяла своим приверженцам познать иррациональное и трансцендентное на собственном опыте. В то же время сформировалась и идеологическая основа суфийских практик, основанная на оригинальной концепции человеческого сознания. Эта методология была разработана благодаря трансцендентному опыту суфийских шейхов, который позволил им выстроить собственные представления о феномене человеческого существования. Очевидно, что сравнение суфизма и экзистенциализма у Бадави было поиском первоисточника обоих направлений. Он также пытался показать, что суфийская философия послужила методологическим источником для ряда западных учений, что привело их к дальнейшей идеологической трансформации уже внутри своих парадигм. Поэтому историки философии не отрицают факт влияния средневековых трудов суфизма на историю западной философской мысли. Рассматривая идеи и позиции философии суфизма, ряд мыслителей пришли к выводу, что многие аспекты восточной философии, развивавшиеся параллельно с западной философией, имели много общего друг с другом в теоретическом плане.

Мы не можем также исключить влияние западных научных доктрин и идеологий на историческую динамику идей суфизма, так и на другие течения арабской мысли. А. М. Мамедов оценивает философскую ситуацию на Востоке следующим образом: «Если арабские мыслители конца XIX – начала XX вв. находились под влиянием Руссо, Монтескье, Фурье и ряда других философов запада, то современные идеологи исламского модернизма обращаются к мыслям

Лессинга, Ницше, Бергсона, Сартра, Рассела, Роджера Харди, Максима Роденсона и многих других» [Мамедов, 1980, с. 142].

Среди вышеперечисленных философов наибольший интерес на Востоке вызывал Сартр с его программным выступлением «Экзистенциализм — это гуманизм». Интерес к творчеству Сартра мог быть обусловлен вектором его главного философского поиска — поиском связующего моста в вопросах человеческого существования, связи между рациональными и иррациональными, стихийными компонентами в жизни человека. Схожий взгляд был представлен в работах Ф. Ницше, которые стимулировали поиск точек соприкосновения между религиозным и экзистенциальным содержанием человеческого опыта в странах, где преобладала религиозная догматика. В каком-то смысле мы обязаны именно Ницше пониманием того обстоятельства, что если не принимать во внимание иррациональное начало в человеке, то наука о человеке рискует потерять связь со здравым смыслом и не будет приносить практические плоды.

Анализируя выводы, полученные Бадави в процессе изучения экзистенциализма, можно с уверенностью сказать, что он пытался указать на общие ценности и идеалы, исходящие из идей гуманизма, и свойственные экзистенциальному типу мышления в целом как в его западной, так и восточной версии. Популярность суфизма на Западе свидетельствует об актуализации экзистенциальных поисков и появлении определенной надежды на преодоление тупиков европейского рационализма. Этим объясняется большой интерес к философским трудам суфийского мыслителя Джалалудина Руми в странах Запада. Философия Руми, которая развивалась в лоне суфизма, вызывает устойчивый интерес не только у мусульман, но и у представителей других религиозных конфессий, что может свидетельствовать об общечеловеческом значении идей суфизма. Примером востребованности экзистенциальной проблематики в истории культуры Востока являются сочинения Омара Хайяма, Рудаки, Саади Ширази, Наджмудина Кубры и Ахмада Ясави.

Экзистенциализм предполагает построение субъективной картины мира через обретение человеком своего личностного «Я». Эта ментальная конструкция имеет своей целью удовлетворение метапотребностей, высших ценностей личности из разряда тех, которые определяют главный жизненный вектор человека: то ради чего мы живем, что придает существованию человека осмысленный характер. Интерес к суфизму на Западе не случаен: в суфизме, как и в западной культуре, важен личностный опыт. Но западный индивидуализм заботится о личностном бытии как о творческом саморазвитии, самопознании, обретении уникальной идентичности. Суфизм же опирается на традиционные ценности коллективизма, чем, возможно, объясняются особенности институционализации суфизма в виде формирования больших братств суфиев и групп по всему миру. В экзистенциальном смысле каждый суфий чувствует себя принадлежащим к чему-то большему: к религиозной группе, к духовно-историческому наследию суфиев, к своему учителю,

к истокам ислама и т. д. Этим и объясняется особая трактовка свободы личности в суфизме. Человек мысленно выходит за рамки материальной природы и переходит в метафизическую реальность, черпая жизненные ориентиры из сакральной традиции, открывающейся ему в акте веры.

Как, с учетом сказанного, понимать вопрос Канта о человеческой природе? Кант, конечно, был далек от мистических практик Востока, но уже в его учении о человеке прослеживается поиск ментального «Я», волевой субстанции личности, проявляющейся в способности быть «вещью в себе», поступать *свободно* и тем самым выходить за пределы причинно-следственных связей природы, осуществлять *трансценденцию*. Эта «вещь в себе» и есть условие, обрекающее человека на постоянные скитания в поиске безусловного и вечного. Будучи «вещью в себе», человек является свободной и мыслящей субстанцией или «душой», мечтающей обрести свободу. Это экзистенциальное стремление к свободе выражается в непрекращающемся процессе перехода от физической природы человека к его метафизической сущности.

Выводы

Обретение экзистенциальной свободы всякий раз *переживается* человеком, сопровождается определенными психологическими состояниями, зависящими от индивидуальных особенностей человека. Но это не означает, что человек фатально замкнут в пределах своей индивидуальной психологии, личность *осуществляется* путем ее реализации посредством *деятельности*, предполагающей *преодоление своей субъективности*. Через объекты культуры, искусства, науки человек оставляет след в истории сообщества, выходя за пределы своей индивидуальности, внося вклад в общее культурно-историческое наследие. Благодаря этому наследию смогут сформироваться новые личности, инкорпорируя социально-культурный и исторический опыт через процесс социализации. Примером такой социально-культурной инкорпорации является акт обретения человеком метафизических или экзистенциальных смыслов. Глубокий интерес к проблеме личности проявляли отечественные психологи С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский, Б. Г. Ананьев, К. К. Платонов и др.

Изучение психологии личности вскрывает по сути те же проблемы, которые в свое время способствовали и возникновению экзистенциальной философии: природа человеческих тревог, констатация беспомощности человека перед силами природы, отчуждение и обесценивание личности, разрушительные последствия социальных конфликтов [Подлиняев, 2012, с. 63]. Все это в совокупности заставляло задуматься о природе человека и его предназначении, о формах его личностного участия в духовном опыте культуры.

Обладание экзистенциальной свободой остается ключевым фактором осмысленного бытия человека в современных условиях господства массовой культуры и тренда глобализации. При этом тема обретения свободы является

важнейшим историческим нарративом западной цивилизации. Но, как показало проведенное исследование, в философии Востока, в частности в духовных практиках суфизма, мы можем найти подобие экзистенциальных поисков, свойственных западной культуре XX в. Экзистенциальное вопрошание имманентно самой природе человека и обнаруживается в духовном наследии Востока, в частности в философии, искусстве, религиозных духовных практиках.

Список источников

1. Андреев Л. Г. Жан Поль Сартр. Свободное сознание и XX век. М.: Гелеос, 2004. 416 с. ISBN 5-8189-0315-X
2. Гура В. А. Феномен атеизма в европейской истории // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки 2017. Т. 8. № 1. С. 84–91. ISSN: 2304-9758
3. Кулиева С. М. Шейх философов Абдуррахман Бадави и проблемы истории философии: монография. Баку: Елм, 2003. 186 с. ISBN: 5-8066-1558-8
4. Мамедов А. М. Критика концепций соотношения науки и религии в современной арабской общественно-философской мысли: на мат-лах АРЕ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.06. Баку, 1980. 163 с.
5. Мануковский В. В. Экзистенциальное содержание понятий «Встреча» Г. Марселя и «Пограничная ситуация» К. Ясперса // Вестник Челябинского гос. ун-та. Философия. Социология. Культурология. 2012. Вып. 23. № 4 (258). С. 122–125. ISSN: 1994-2796
6. Подлиняев О. Л. Экзистенциальный подход в психологии // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «Психология». 2012. Т. 1. № 1. С. 62–68. ISSN: 2304-1226

References

1. Andreev, L. G. (2004). *Zhan Pol` Sartr: Svobodnoe soznanie i XX vek* [Jean Paul Sartre. Free consciousness and the XX century]. Moscow: Geleos. 413 p. (In Russian). ISBN: 5-8189-0315-X
2. Gura, V. A. (2017). Fenomen ateizma v evropejskoj istorii [The phenomenon of Atheism in European history]. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Physics and Mathematics*, 8 (1), 84–91. (In Russian). ISSN: 2304-9758
3. Kulieva, S. M. (2003). *Shejx filosofov Abdurrahman Badavi i problemy` istorii filozofii* [Sheikh of Philosophers Abdurrahman Badawi and problems of the history of philosophy]. Monografiya. Baku: Elm. 186 p. (In Russian). ISBN: 5-8066-1558-8
4. Mamedov, A. M. (1980). Kritika koncepcij sootnosheniya nauki i reli-gii v sovremennoj arabskoj obshhestvenno-filosofskoj my`sli: na mate-rialax ARE [Criticism of the concept of the correlation of science and religion in modern Arab Socio-philosophical Thought: on the materials of the ARE]. *PhD Dissertation*: 09.00.06. Baku. 163 p. (In Russian).
5. Manukovskij, V. V. (2012). E`kzistencial`noe sodержanie ponyatij «Vstrecha» G. Marselya i «Pogranichnaya situaciya» K. Yaspersa [Existential content of the concepts of “Meeting” by G. Marcel and “Border situation” by K. Jaspers]. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philosophy Sciences. Sociology. Cultural Studies*, 23, 4 (258), 122–125. (In Russian). ISSN: 1994-2796
6. Podlinyaev, O. L. (2012). E`kzistencial`ny`j podxod v psixologii [Existential approach in Psychology]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series “Psychology”*, 1, 1, 62–68. (In Russian). ISSN: 2304-1226

Информация об авторах / Information about the authors:

Макаев Рустам Сайцелимович — аспирант общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, Россия, 129226, Maakaev@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-2229>

Maakaev Rustam Saytselimovich — Postgraduate student of the University-wide Department of Philosophy and Social Sciences Moscow City Pedagogical University, 2-j Sel'skohozyajstvennyj pr., d. 4, Moscow, Russia, 129226, Maakaev@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-2229>

Кожевников Сергей Борисович — доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, Россия, 129226, KozhevnikovSB@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4847-2229>

Kozhevnikov Sergey Borisovich — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City Pedagogical University, 2-j Sel'skohozyajstvennyj pr., d. 4, Moscow, Russia, 129226, KozhevnikovSB@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-2229>

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Аналитическая

УДК 101.1:316:172.15

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.42.2.03

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА В БЕЛОРУССИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

О. Л. Сташкевич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, д. 1, к. 2, Минск, Беларусь, 220072,
stashkevich.olha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9918-0093>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования патриотизма на территории Белоруссии, начиная с революции 1917 г. и заканчивая 1980-ми гг. Выделены и проанализированы достоинства и недостатки советской системы патриотического воспитания применительно к белорусскому обществу. Определено, что практически каждое десятилетие XX в. имело свои отличительные черты: возрастание роли национального самосознания, традиционной культуры и языка сменялось унификацией и русификацией; чувство патриотизма у граждан периодически или находилось на высочайшей точке подъема, или было аутсайдером.

Ключевые слова: патриотизм, гражданственность, национальное самосознание, государственная идеология

Для цитирования: Сташкевич О. Л. Особенности формирования патриотизма в Белоруссии советского периода // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 2 (42). С. 30–40. DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.42.2.03>

Analytical

UDC 101.1:316:172.15

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.42.2.03

**FEATURES OF THE FORMATION OF PATRIOTISM
IN BELARUS OF THE SOVIET PERIOD****Olga L. Stashkevich**

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus,
Surganova str., 1, room 2, Minsk, Belarus, 220072,
stashkevich.olha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9918-0093>

Abstract. Features of the formation of patriotism on the territory of Belarus since the revolution of 1917 and ending in the 1980s. are considered in the article. The advantages and disadvantages of the Soviet system of patriotic education in relation to the Belarusian society are identified and analyzed. It is determined that almost every decade of the twentieth century has its own distinctive features: the growing role of national identity, traditional culture and language was replaced Russification; the feeling of patriotism was sometimes at the highest point of rise, sometimes it was an outsider.

Keywords: patriotism, citizenship, national identity, state ideology

For citation: Stashkevich, O. L. (2022). Features of the formation of patriotism in Belarus of the Soviet period. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (42), 30–40. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.42.2.03>

Проблема воспитания чувства патриотизма в наши дни стоит как никогда остро: обострилась внутренняя и внешняя политическая ситуация, страна перманентно находится в экономическом кризисе, люди утрачивают жизненные ориентиры и те духовно-нравственные якоря, которые поддержали бы их в переломные моменты и помогли бы им двигаться дальше и разрабатывать новые жизненные сценарии.

Одним из таких якорей, на наш взгляд, является любовь к родине, патриотизм, который есть не только чувство, ценностная основа личности, но и общественно-историческое явление. Цель данной статьи — рассмотрение особенностей формирования патриотизма в XX в. начиная с революции 1917 г. и заканчивая временем перестройки в 1980-е гг. и прекращением существования СССР, а также демонстрация того, что чувство патриотизма у народных масс в некотором роде циклично: находится временами в высшей точке подъема или становится аутсайдером.

Данная работа может послужить базисом для осмысления современной ситуации с патриотизмом в нашей стране. Для выявления особенностей формирования патриотизма в БССР в процессе исследования применялся социально-философский анализ.

Революция 1905–1907 гг., Первая мировая война, разрушившие привычную устоявшуюся жизнь населения, привели к трансформации общественного

сознания, духовно-моральных ценностей людей, что вылилось в события Февральской и Октябрьской революций 1917 г.

Положительным моментом для белорусского народа явился рост национального самосознания, который привел к провозглашению в 1918 г. Белорусской Народной Республики (БНР), созданию Социалистической Советской Республики Белоруссия (1919), вскоре объединившейся с Литовской в Литовско-Белорусскую Советскую Социалистическую Республику и просуществовавшую около полутора лет, до оккупации польскими войсками в ходе Советско-польской войны. В июле 1920 г. была восстановлена БССР, но, по условиям Рижского мирного договора 1921 г., западные области были переданы Польше, что негативно отразилось на формировании целостной нации, ее самоидентификации, развитии традиционной культуры, языка, определения религиозной принадлежности.

В первые послереволюционные годы на территории Советского Союза преобладали идеи революционного интернационализма, которые отстаивали солидарность и общность интересов пролетариев различных наций, рас и стран. Главной и конечной целью интернационализма была победа Мировой революции против международной буржуазии, задачей — революционное преобразование общества и свержение класса эксплуататоров. Большой вклад в развитие идей и движения революционного интернационализма внес В. И. Ленин: «Мы действительно выступаем теперь не только как представители пролетариев всех стран, но и как представители угнетенных народов» [Ленин, 1970]. Он полагал, что развитие наций может идти двумя путями: национальным и интернациональным развитием общества. Первый путь — это формирование наций и государств, пробуждение национальной жизни и борьба против угнетателей, вторая — создание интернационального единства. Для воплощения этих идей В. И. Ленин призывал международный пролетариат вести борьбу за «пробуждение революции во всех странах» [Ленин, 1970].

Нельзя сказать, что в те годы проблема патриотизма стояла на повестке дня в Советском государстве; наоборот, всячески стимулировалось и поддерживалось родство и общность мирового пролетариата, что, на наш взгляд, не способствовало формированию чувства сплоченности у людей по государственно-территориальному признаку. Но тем не менее большое внимание уделялось национальному вопросу. Было принято решение развивать государство пролетариев на принципах равноправия наций, поощрялось развитие национального самосознания, национальные языки обрели официальный статус, который был закреплён конституционно.

В Белоруссии того периода особое внимание уделялось развитию национальной культуры и сохранению национального наследия. Силами известных белорусских деятелей (А. И. Луцкевича, А. А. Смолича, Б. А. Пачобки, Б. А. Тарашкевича, З. Жилуновича и др.) осуществлялся поиск и сохранение историко-культурных ценностей, окончательно сформировался белорусский литературный язык. В период установления советской власти в Восточной Белоруссии был открыт ряд имиджевых институций: Белорусский

государственный университет, Белорусская академия наук, Союз писателей БССР, Государственная картинная галерея и др.

В 1920–1930-е гг. на территории Белоруссии происходили два параллельных процесса: с одной стороны, активизировалось белорусское национальное возрождение, с другой — осуществлялась советизация и интернационализация. В связи с низким культурным и образовательным уровнем населения официальными властными структурами проводилась так называемая культурная революция, но она не имела национальных особенностей, была унифицированной для всех жителей СССР. Но в то же время осуществлялась и политика белорусизации. В переходной Конституции Социалистической Советской Республики Белоруссии 1919 г. языковой вопрос еще не ставился, но Конституция 1927 г. зафиксировала «право свободного пользования родным языком на съездах, в суде, управлении и общественной жизни»¹ и равноправие белорусского, еврейского, русского и польского языков. Конституция 1937 г. гарантировала право обучения в школах на родном языке². «Пленум ЦК КП(б)Б (октябрь 1923 г. — *Уточнение и перевод с белорусского языка наши*) высказался за то, что предпочтение все же необходимо отдавать белорусскому. Владение им, а также русским языком признавалось обязательным для всех сотрудников советских профессиональных и общественных организаций и учреждений» [Лыч, 2016, с. 83]. Правда, уже к началу 1930-х гг. политический вектор стал изменяться в сторону русификации, и данный процесс начался с реформы орфографии: белорусское правописание приблизилось к русскому. «Советская власть отказалась от сохранения доминирующего состояния белорусской советской культуры в БССР... Обслуживание нетитульной нации на родном языке было осуждено как антисоветская деятельность» (перевод с белорусского языка наш) [Альховік, 2021, с. 14]. К началу 1940-х гг. проявилась отрицательная сторона политики русификации — Белоруссия начала утрачивать свою национальную интеллигенцию. Как замечает Л. Лыч, «партийным, советским органам пришлось круто менять свою национальную политику в системе образования: переходить от интенсивной русификации к постепенной белорусизации» (перевод с белорусского языка наш. — О. С.) [Лыч, 2016, с. 85], что вылилось в принятие в сентябре 1940 г. Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «Об изучении партийными и советскими работниками, которые

¹ Конституция (Основной закон) Белорусской Социалистической Советской Республики, принята 11 апреля 1927 г. постановлением VIII Всебелорусского Съезда Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов. Ст. 21 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь — Pravo.by. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1927-goda/> (дата обращения: 25.02.2022).

² Конституция (основной закон) Белорусской Советской Социалистической Республики, принята 19 февраля 1937 г. постановлением Чрезвычайного XII Съезда Советов Белорусской ССР. Ст. 96 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь — Pravo.by. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1937-goda/> (дата обращения: 25.02.2022).

работают в союзных и автономных республиках, языка, соответствующего союзной или автономной республике»³ и в 1941 г. Постановления Бюро ЦК КП(б) Б «Об изучении белорусского языка в вузах, техникумах и школах БССР» [Альховік, 2021, с. 17].

К 1930-м гг., в связи с приходом на политическую арену И. В. Сталина и трансформацией управленческих векторов, изменилось отношение к патриотизму, начался процесс возвращения к историческим корням: в систему образования вернули курс истории, восстановили исторические факультеты в вузах, провели большую работу по созданию единого учебника истории для образовательных учреждений СССР. Также была проведена колоссальная работа по воспитанию чувства патриотизма путем создания ряда произведений искусств, литературы, кинематографа, агитационных плакатов. Началась постепенная трансформация сознания человека, процесс формирования советского гражданина: «соответственно, видоизменилась и природа общности, с которой должен был идентифицировать себя советский гражданин. Если раньше такой общностью были рабочий класс или партия, то теперь ими становятся нация, Родина, Отечество, которые были объявлены священными» [Сокиркин, 2017]. Идеи интернационализма начали тесно перекликаться с идеями патриотизма, они синтезировались в уникальное на то время явление — советский патриотизм. Советский человек, советский гражданин — это была попытка формирования нового человека, с иным взглядом на окружающую действительность, с иными ценностями, отличными от дореволюционных, а тем более отличными от капиталистических. Как отмечает Т. И. Адуло, «патриотизм выстраивался на рациональных основаниях, базировался на разуме индивида, хотя в процессе его формирования не исключалась возможность задействовать и чувства человека»⁴. Можно сделать вывод, что патриотизм тех лет был одновременно значимой частью официальной государственной идеологии и духовно-нравственным чувством советских граждан, в котором заключалась любовь к стране, ее прошлой истории, новым экономическим, политическим и социальным достижениям, тесно переплетаясь с интернациональными представлениями и верой в торжество идеалов коммунизма во всем мире.

³ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об изучении партийными и советскими работниками, работающими в союзных и автономных республиках, языка соответствующей союзной или автономной республики». 6 сентября 1940 г. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1027. Л. 26, 27. Подлинник. Машинопись] [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь — Pravo.by. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/123961-postanovlenie-politbyuro-tsk-vkp-b-ob-izuchenii-partiynymi-i-sovetskimi-rabotnikami-rabotayuschimi-v-soyuznyh-i-avtonomnyh-respublikah-yazyka-sootvetstvuyuschey-soyuznoy-ili-avtonomnoy-respubliki-6-sentyabrya-1940-g> (дата обращения: 25.02.2022).

⁴ Адуло Т. И. Патриотическое воспитание молодежи: уроки Советской эпохи // Патриотизм и патриотическое воспитание в контексте вызовов современности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16–17 мая 2019 г. / НАН Беларуси, Ин-т социологии; Госпогранкомитет; Ин-т погранич. службы Респ. Беларусь; редкол.: Г. П. Коршунов (гл. ред.) [и др.]. Минск: ИПС РБ, 2019. С. 213.

Большой урон, на наш взгляд, в процессе формирования патриотизма, гражданственности и гражданского общества в СССР, был нанесен классовым характером власти большевиков, который проявился в лишении значительных слоев населения части гражданских прав и свобод, выразился в массовых политических репрессиях, принудительной коллективизацией сельского хозяйства и ускоренной индустриализацией. Эти жесткие меры, конечно, поспособствовали решению политических и экономических задач, но, на наш взгляд, негативно отразились на судьбе советского государства. Подавление инакомыслия, раскулачивание крестьянства, внеэкономическое принуждение к труду (создание сети исправительно-трудовых лагерей), ссылки в отдаленные, с неблагоприятными условиями для жизни районы страны, депортации за границу, вынужденное социальное сиротство детей репрессированных родителей и неприятие их обществом в период взросления, создание образа врага народа — все это негативным образом отразилось на судьбах миллионов советских граждан и их потомков.

В конце 30-х – начале 40-х годов с изменением политического вектора в мире (обострение международной ситуации, приведшее ко Второй мировой войне) произошло изменение целей патриотического воспитания в СССР — необходимо было сформировать у советского человека не только «священный образ государства», но и поставить перед ним главную задачу — защитить свою великую страну от внешнего (и внутреннего) врага. Процесс воспитания приобретает военно-патриотический уклон.

В принципе, к концу 30-х гг. была создана действенная система патриотического воспитания, способная качественно воздействовать на общественное сознание. Эффективность данной системы была проявлена в годы Великой Отечественной войны и выразилась в беспрецедентной готовности советского народа защищать свою страну всевозможными способами: вступлением в Красную армию, участием в подпольной борьбе и партизанском движении, в тяжелом труде в тылу на благо фронта.

Существенной ошибкой системы партийно-государственных органов того времени было допущение персонификации власти и формирование культа личности государственных управленцев, идея которого заключалась в том, что происходящие в стране изменения самым тесным образом связаны с партией, государством, вождем.

К концу 40-х патриотизм стал составной частью государственной идеологии. Появился партийно-государственный план развития общества, определяющим в котором было формирование коммунистической гражданственности и патриотизма. «Главная отличительная особенность советского патриотизма заключается в том, что любовь к Родине нерасторжимо слилась с преданностью коммунистическим идеалам» [Волкогов, 1987, с. 177].

Это был период осмысления и прославления подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны, определение тех духовно-нравственных ориентиров, которые поспособствовали победе над врагом. Все было пропитано (в лучшем смысле этого слова) патриотизмом: литература, искусство,

архитектура. Советский народ смог мобилизовать свои силы и в целом восстановить экономику страны за несколько послевоенных лет, тем самым продемонстрировав еще раз всему миру свое высочайшее чувство долга перед родиной и будущими поколениями, а также глубочайший патриотизм (трудо-вой подвиг советского народа послевоенного времени до сих пор находится в иерархии патриотических ценностей современных людей).

Но это время стало также и временем начала заката советского патриотизма. Одной из особенностей, порочащей советский патриотизм, была тотальная борьба со всяческим инакомыслием: советский человек не должен был выделяться из массы — на всех уровнях (начиная со школьных классных часов, общих собраний различных учреждений и заканчивая пленумами партии) осуждалась инаковость (диссидентство, молодежные субкультуры, новые направления в литературе, искусстве и т. п.). Это формировало у людей, в первую очередь у детей и молодежи, страх перед всем новым, не давало возможности проявлять в полной мере свои творческие и лидерские качества. Реализовать себя можно было только через «узкий коридор» партийной карьеры (который был доступен немногим членам общества) или же достойным образом проявив себя в труде.

Что же особенного происходило в Белоруссии того времени? Одной из незаживающих ран белорусской истории является раздел на Западную и Восточную Белоруссию, который разлучил многие семьи, поделил людей на своих и чужих, нанес колоссальный урон формированию единой нации — белорусов, последствия которого, несмотря на объединение в 1939 г., мы ощущаем до сих пор.

После объединения Белоруссии осуществлялась быстрыми темпами советизация западных территорий, которая жестко прошла по судьбам некоторой части белорусского народа: репрессии, депортации, упразднение и уничтожение различных общественных и имущественных структур, национализация производства и недвижимости, большая миграция сельских жителей в города, репатриация этнических поляков (и тех, кто себя к ним причислял) в Польшу, а также колоссальные потери населения в годы Великой Отечественной войны. Это все негативным образом сказалось на сохранении национальной идентичности граждан.

Большой заслугой советской власти на нашей территории является то, что в послевоенное время началось строительство советских институций: осуществлялась политика массового образования, открывались высшие учебные заведения, были вложены большие инвестиции в инфраструктуру разрушенных населенных пунктов.

Следует отметить, что национальный вопрос был на повестке дня в СССР, так называемая белорускость, сохранение белорусского языка как государственного декларировалось конституцией и другими документами, но фактически осуществлялась политика массовой русификации. В связи с тем, что у жителей Беларуси был еще и весьма низкий уровень национального самосознания, отсутствовал престиж белорусского языка среди городского населения (его считали сельским), практически полное отсутствие национальных активистов,

устремленных на сохранение самобытной культуры, для русификации сложились выгодные условия, она была принята большинством населения республики и не вызывала, в принципе, какого-либо отторжения. Как отмечает Ф. Аккерман, «через все эти причины официальное советское видение культуры титульной белорусской нации на протяжении послевоенных лет... связывалась с этно-фольклорными мотивами, что объединяло белорускость с деревней» (перевод с белорусского языка наш. — О. С.)⁵. В целом проводилась политика, что все белорусское — это сельское; властными структурами поддерживалось только создание разнообразных кружков национальной самодеятельности и поддержка народного творчества и древней архитектуры.

Среднее образование в БССР в городах преимущественно было русскоязычным, в сельской местности оно осуществлялось на белорусском языке. Это также оказывало влияние на население: белорусский язык был сельским, русский — городским. Большинство мигрировавших из деревни в город хотели быстрее ассимилироваться, не выдавать свое деревенское происхождение, поэтому переходили на русский язык. Вышеназванные особенности жизни в советской Белоруссии хорошо работали на идею формирования советского человека, но не воспитывали и не укрепляли чувства любви к своей малой родине.

Особенное, отличное от других союзных республик чувство патриотизма стало формироваться у белорусов с формированием имиджа Республики-партизанки, когда в послевоенное время был оценен неоспоримый вклад Белоруссии в победу над немецко-фашистскими захватчиками, официальное признание получило белорусское партизанское движение. На наш взгляд, философская и историческая рефлексия над великим подвигом народа, над колоссальными человеческими жертвами, принесенными в годы Великой Отечественной войны, стала связующей нитью между поколениями, которая не оборвалась и в настоящем.

После значительного послевоенного подъема патриотических установок советского народа наступил период застоя, кризиса и окончательного распада советской модели. Послевоенное общество значительно изменилось, стало более образованным, более мобильным, научные, социальные, экономические и другие прорывы, с одной стороны, формировали и взращивали чувства патриотизма, а с другой стороны, сформированная довоенная модель начала вызывать противоречивые чувства. В массе образованных людей началось отторжение официальной пропаганды: постоянный поиск внутренних и внешних врагов, репрессии оппозиционно настроенных людей против существующего политического строя (зачастую даже не самого строя, а тех решений, которые принимала партия, типа борьбы с лженаучными теориями, отрицания западной культуры, отрицания и хулы формирующейся советской молодежной субкультуры и т. п.). Для власти было неприемлемым все новое и отличное от устоявшихся норм и ценностей. В то время как новое поколение требовало другого

⁵ Аккерман Ф. Галоўныя рысы саветызацыі ў Заходняй БССР у 1939–1991 г. // Матэрыялы канферэнцыі «Беларусь і беларусы сярод суседзяў: гістарычныя стэрэатыпы і палітычныя канструкты», 9–11 снежня 2011 г., Варшава, Польшча. С. 123–133.

отношения к себе. Молодежь готова была к большим свершениям на благо общества, о чем свидетельствует ее участие во всех сферах социальной жизни, в преобразовании страны (здесь можно вспомнить хотя бы о масштабной всесоюзной сети студенческих стройотрядов), но ее инаковость и желание жизненных перемен не находила общественной поддержки.

Несмотря на то что советский человек с большим оптимизмом смотрел в будущее и для этого были созданы все условия: от бесплатного образования и медицины до пенсионного обеспечения и повышения уровня и продолжительности жизни, практически полного отсутствия безработицы — ассоциировал свое государство как свою родину, кризис и распад созданной и воспринятой обществом системы патриотического воспитания произошел.

Почему это стало возможным? О. А. Найда выделяет следующие слагаемые советского патриотизма: 1) идеология марксизма-ленинизма как единственно-научная теория общественного развития; 2) советский общественный строй; 3) советский народ как новая историческая общность людей [Найда, 2015, с. 190]. И приводит основные составляющие, приведшие к распаду не только модели патриотизма, но и в целом СССР: во-первых, это безальтернативные выборы [Найда, 2015, с. 192]; во-вторых, так и не случившаяся диктатура пролетариата как форма политического господства рабочего класса [Найда, 2015, с. 192]; в-третьих, не состоявшиеся декларируемые властью привилегии нового общественного строя перед дореволюционным, заключая, что «в ходе российского социалистического эксперимента все получилось в точности до наоборот, поэтому никаких особых исторических преимуществ перед своими предшественниками или принципиальной новизны новая государственность не имела... новая политическая система никогда не была системой политического господства рабочего класса» [Найда, 2015, с. 193].

Общество вместо диктатуры пролетариата обрело диктатуру партии, которая постоянно декларировала свою всевозрастающую роль, но фактически не несла никакой ответственности за результаты своей деятельности, часто выполняла не только воспитательную, мотивационную, но и карательную функции (здесь можно вспомнить страх потери партийного билета, получения выговора за какие-то общественные или трудовые проступки и т. п.).

К 1980-м гг. выявились и были признаны общественным большинством все названные выше недостатки и противоречия, назрели и начались глобальные реформы всего социалистического строя, которые упразднили ведущую роль коммунистической партии, но это уже были запоздавшие решения. Пропагандистская машина того времени начала работать в другую сторону, были преданы забвению все великие достижения и завоевания, на первый план выдвигались только негативные стороны в деятельности Советского Союза. Сохранить СССР уже было невозможно. С первым советским государством пришел в забвение и советский патриотизм. Началась новая эпоха.

В Белоруссии к вышеназванным негативным тенденциям можно отнести также и последствия аварии на ЧАЭС. С одной стороны, их ликвидация была

патриотическим подвигом многих людей со всего Советского Союза. С другой стороны, она нанесла огромный удар по устоявшейся жизни всех белорусов: десяткам тысяч семей пришлось переселиться в более чистые районы; практически каждый житель столкнулся с серьезными социальными и психологическими проблемами, с последствиями влияния радионуклидов на здоровье; экономика страны также оказалась в кризисе. В то время уже было не до патриотических чувств, люди были поставлены в условия выживания. Следует отметить, что за XX в. это произошло не в первый раз, но если в первые после-революционные годы, годы Великой Отечественной войны наблюдался подъем и расцвет патриотизма, то в 1980-е — депрессия.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что патриотические ценности и идеалы могут уходить, изменяться вместе с обществом, со сменой поколений, эти явления можно назвать кризисом, девальвацией, но также можно их пересмотреть, адаптировать (для нового поколения) и принять (предыдущему поколению). Здесь важным является сохранение исторической памяти, исторической преемственности, связи прошлого с настоящим и будущим, только лишь на современных достижениях нельзя сформировать патриотизм. Необходимо использовать позитивный опыт прошлого и избегать тех ошибок, которые рушили государства и жизни людей в XX в., девальвировали общечеловеческие ценности и национальную самоидентификацию белорусов.

Список источников

1. Альховік М. К. Да пытання аб нацыянальнай палітыцы ў БССР у 1939–1941 гг. // Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. / Республиканский институт высшей школы. Минск, 2021. С. 12–19.
2. Волкогонов Д. А. Оружие истины. М.: Политиздат, 1987. 208 с.
3. Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // ПСС. 5-е изд. Т. 37. М.: Изд-во полит. литературы. 1970. 748 с.
4. Ленин В. И. Доклад о концессиях [Собрание актива московской организации РКП 6 декабря 1920 г.] // ПСС. 5-е изд. Т. 42. М.: Изд-во полит. литературы, 1970. 748 с.
5. Лыч Л. Міжваенная беларусізацыя і яе ўрокі. Дзяржаўная моўная палітыка ў БССР у 1920–1930-я гады // Беларуская думка. 2016. № 3. С. 80–85.
6. Найда О. А. Российский патриотизм в эволюционном и политическом измерении: монография. 2-е изд., испр. и доп. Волгоград: ВГАФК, 2015. 248 с.
7. Сокиркин Д. Н. Трансформация взглядов на патриотизм советской политической элиты (1920–30-е гг.) [Электронный ресурс] // Наука. Общество. Оборона (noo-journal.ru). 2017. № 1 (10). С. 74–76. URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2017-1-10/article-0100/> DOI: <https://doi.org/10.24411/2311-1763-2017-00007>

References

1. Al'khovik, M. K. (2021). Da pytannia ab natsyianal'nai palitytsy ŭ BSSR u 1939–1941 gg. [On the question of national policy in the BSSR in 1939–1941]. In *Historical and psychological and pedagogical sciences*. Collection of scientific articles (p. 12–19). National Institute For Higher Education. Minsk. (In Belarussian).

2. Lenin, V. I. (1970). Proletarskaia revoliutsiia i renegat Kautskii [Proletarian revolution and the renegade Kautsky]. In *Collected Works* (5th ed., vol. 37). Moscow: Publishing house of political literature. 748 p. (In Russian).

3. Lenin, V. I. (1970). Doklad o kontsessiakh [Sobranie aktiva moskovskoi organizatsii RKP 6 dekabria 1920 g.] [Report on concessions [Meeting of the activists of the Moscow organization of the RCP on December 6, 1920]]. In *Collected Works* (5th ed., vol. 42). Moscow: Publishing house of political literature. 748 p. (In Russian).

4. Ly'ch, L. (2016). Mizhvaennaia belarusizatsyia i iae ŷroki. Dziarzhajnaia moŷnaia palatyka ŷ BSSR u 1920–1930-ia gady [Interwar Belarusianization and its lessons. State language policy in the BSSR in the 1920s and 1930s]. *Belarusian thought*, 3, 80–85. (In Belarussian).

5. Naida, O. A. (2015). *Rossiiskii patriotizm v evoliutsionnom i politicheskom izmerenii* [Russian patriotism in the evolutionary and political dimension]. Volgograd: VGAFK. 248 p. (In Russian).

6. Sokirkin, D. N. (2017). Transformatsiia vzgliadov na patriotizm sovetskoi politicheskoi e'lyty (1920–30-e gg.) [Transformation of views on patriotism of the Soviet political elite (1920–30s)]. *Science. Society. Defense (noo-journal.ru)*, 1 (10), 74–76. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2311-1763-2017-00007>

7. Volkogonov, D. A. (1987). *Oruzhie istiny* [Weapon of Truth]. Moscow: Politizdat. 177 p. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Сташкевич Ольга Леонидовна — научный сотрудник, Институт философии Национальной академии наук Беларуси,

ул. Сурганова, д. 1, к. 2, Минск, Беларусь, 220072,

stashkevich.olha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9918-0093>

Stashkevich Olga Leonidovna — Researcher, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus,

Surganova str., 1, room 2, Minsk, Belarus, 220072,

stashkevich.olha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9918-0093>

Научно-практическая
УДК 001.89
DOI: 10.25688/2078-9238.2022.42.2.04

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ КУРСА «МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

В. С. Данилова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
ул. Кулаковского, 42, Якутск, Россия, 677000,
nikkoz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3201-0687>

Н. Н. Кожевников

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
ул. Кулаковского, 42, Якутск, Россия, 677000,
nikkozhev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5823-8896>

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена научной миссией современного университета и широкой распространенностью рассматриваемого курса. Основными целью и задачами настоящей статьи является показать, что развитие методологии науки может осуществляться только в тесной взаимосвязи с философией. Первый этап курса включает в себя анализ исходных понятий, характеризующих научный метод и методологию, критериев научности знания, а также сопутствующих им терминов и концепций. Большое внимание уделено классификации методов научного познания, подразделенных на шесть групп. Три из них: философские, общелогические и общенаучные — рассмотрены подробно. Также проанализирована эволюция научных методов, обусловленная становлением рациональности на классическом, неклассическом, постнеклассическом этапах развития науки. Подробно рассмотрены универсальные научные методы: системный, метод биосферного и ноосферного класса наук, синергетический, кибернетический. Показано, что значение для философского и научного обоснования рационального познания имеют методологические принципы, проанализированные в статье: верифицируемости, фальсифицируемости, наблюдаемости, простоты, соответствия, или преэмптивности, инвариантности или симметрии, согласованности или системности. Их дополняют основные положения и концепции

эпистемологии и онтологии, рассмотренные для классического, неклассического и постнеклассического этапов. На третьем этапе методология научного исследования рассмотрена с точки зрения философии, так же как и развивающие ее универсальные философские методы: феноменологические, герменевтические, а также методы семиотики. Значение этих методов огромно, каждый из них активно используется в любом современном философском направлении.

Ключевые слова: классификация, теория, эксперимент, классический, неклассический, постнеклассический, эпистемология, онтология, методологические принципы, универсальный

Для цитирования: Данилова В. С., Кожевников Н. Н. Философские основания курса «Методология научных исследований» // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 2 (42). С. 41–56. DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.42.2.04>

Scientific and practical

UDC 001.89

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.42.2.04

PHILOSOPHICAL BASIS OF THE COURSE “METHODOLOGY OF SCIENTIFIC RESEARCH”

Vera S. Danilova

North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov,
Kulakovsky str., 42, Yakutsk, Russia, 677000,
nikkozh@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3201-0687>

Nikolay N. Kozhevnikov

North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov,
Kulakovsky str., 42, Yakutsk, Russia, 677000,
nnkozhev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5823-8896>

Annotation. The relevance is due to the scientific mission of the modern university and the wide prevalence of the course under consideration. The main goal and objectives of this article and the corresponding course are to show that the development of the methodology of science can only be carried out in close connection with philosophy. The first stage of the course includes an analysis of the initial concepts characterizing the scientific method and methodology, the criteria for the scientific nature of knowledge, as well as the accompanying terms and concepts. Much attention is paid to the classification of methods of scientific knowledge divided into six groups. Three of them: philosophical, general logical and general scientific are considered in detail. Also analyzed is the evolution of scientific methods, due to the formation of rationality at the classical, non-classical, post-non-classical stages of the development of science. Universal scientific methods are considered in detail: systemic, ecology, biospheric and noospheric sciences, synergetics, informatics, cybernetic approaches. It is shown that the systemic and cybernetic approaches in modern science can be used within very limited limits.

In the second stage, the methodology of scientific knowledge is considered from the point of view of empirical, theoretical and meta-theoretical levels of knowledge. It is shown that the methodological principles analyzed in the article are even more important for the philosophical and scientific justification of rational cognition: verifiability, falsifiability, observability, simplicity, correspondence, or continuity, invariance or symmetry, consistency or consistency. The main provisions and concepts of epistemology and ontology, also considered for the classical, non-classical and post-non-classical stages, complement them. In the third stage the methodology of scientific research is considered from the point of view of philosophy, as well as the universal philosophical methods that develop it: phenomenological, hermeneutic, as well as methods of semiotics. The significance of these methods is enormous; each of them is actively used in any modern philosophical direction.

Keywords: classification, theory, experiment, classical, non-classical, post-non-classical, epistemology, ontology, methodological principles, universal

For citation: Danilova, V. S., & Kozhevnikov, N. N. (2022). Philosophical foundations of the course “Methodology of Scientific Research”. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (42), 41–56. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.42.2.04>

Введение

Среди современных методологических проблем науки и философии образования значительное внимание уделяется цифровизации образования [Савчук, Очеретяный, 2021, с. 10], самоидентификации индивида [Король, 2021, с. 26], образовательным универсалиям и соответствующим им принципам как основным структурам образовательного процесса будущего [Карпов, 2021, с. 6], важнейшим направлениям науки и культуры как контекста формирования современного человека [Danilova, 2021]. Однако исследование онтологических и эпистемологических элементов курса, их структурной взаимосвязи остается в тени основных образовательных практик и их теоретического обоснования, несмотря на то что курс «Методология научных исследований» является в настоящее время широко востребованным предметом, входящим в учебные программы большинства специальностей вузов. Актуальность курса не вызывает сомнений ввиду расширяющейся научной миссии университетов, в которую все шире вовлекаются преподаватели и студенты.

Цель настоящей статьи показать, что развитие методологии науки может осуществляться только в тесной взаимосвязи с философией, хотя в настоящее время широко распространена точка зрения, что узкие специалисты могут лучше справиться с этой проблемой. «Формирование самой идеи учения о методе, как о некоем правильном пути познания и смысложизненной ориентации, связано с появлением философии, выступающей в качестве рационально-теоретической формы мировоззрения и тем самым подвергающейся рефлексивному анализу и контролю исходные предпосылки отношения человека к миру» [Швырев, 2009, с. 495].

Познавательный процесс освоения курса «Методология научных исследований» целесообразно организовать в три этапа, опирающихся на три последовательных раздела курса. Они образуют канву — узловую линию мер объединяющую основные понятия, этапы формирования ключевых элементов научной методологии, соответствующие фундаментальные научные концепции, эпистемологические и онтологические принципы и подходы. Все это происходит в контексте развития основных концепций философии науки.

В качестве универсального онтологического основания рассматриваемых проблем может быть рассмотрена система координат мира на основе предельных динамических равновесий, разрабатываемая авторами [Kozhevnikov, Danilova, 2018, p. 187]. Алгоритм образования этих равновесий не зависит от уровня структурной организации мира и сущностей его вещей [Kozhevnikov, Danilova, 2020, p. 98–99], тогда как каждый уровень структурной организации мира связан со своим сущим, а тесты предельных динамических равновесий с бытием [Kozhevnikov, 2019, p. 95]. Этот подход открывает широкие перспективы дальнейшего развития методологии научных исследований в самом тесном взаимодействии с философией.

Основные научные методы, их характерные черты и классификации

Наиболее яркие характерные черты первого этапа взаимодействия с курсом начинаются с проработки основных понятий, характеризующих научный метод и методологию, таких как «методика», «подход», «рациональность», «критерии научности знания», «инвариантность», «меризм», «холизм». Критериями научности знания являются обоснованность, достоверность, эмпирическая подтверждаемость, непротиворечивость, принципиальная возможность фальсифицируемости, концептуальная связность, практическая и предсказательная эффективность. Некоторые из этих критериев относятся к научной методологии в целом, другие развиваются в рамках отдельных школ и направлений. Инвариантность за пределами физики может соответствовать опоре на социальные, гуманитарные и естественно-научные пределы знания. Меризм и холизм — концепции, согласно которым части предшествуют целому и их значение абсолютизируется (первый случай). Целое предшествует частям и абсолютизируется (второй случай).

Классификация научных методов исключительно важна, и ей следует уделить серьезное внимание. Типологии сами по себе являются эффективным методом научных исследований, но в данном случае они дают наиболее полное представление обо всех существующих методах. Методы научного познания обычно подразделяются на шесть групп: 1) философские (диалектический, метафизический, герменевтический, феноменологический) как наиболее универсальные и связывающие все остальные подходы; 2) общелогические — широко распространены во всех сферах знания; 3) общенаучные

(моделирование, аналогии, эксперимент и т. п.) — ядро современной научной методологии; 4) частнонаучные — способы, приемы, процедуры в отдельных науках; могут применяться за их пределами; 5) транс- и междисциплинарные — используются в смежных и пограничных науках; 6) дисциплинарные — применяются в рамках отдельных научных дисциплин. Следует обратить внимание на три первые группы из перечисленных выше. Основными среди общелогических методов и приемов являются: анализ, синтез, абстрагирование, аналогия, моделирование, дедукция, индукция. Общенаучные методы используют понятия «информация», «модель», «система», «элемент», «структура», «функция», «оптимальность», «вероятность». Среди них выделяют эмпирические (наблюдение, описание, измерение, эксперимент) и теоретические (формализация, аксиоматизация и т. п.).

Не меньшее значение имеет эволюция научных методов, обусловленная становлением рациональности [Степин, 2003] на основных этапах развития науки: классическом (XVII – конец XIX вв.), неклассическом (конец XIX в. – первая половина XX в.), постнеклассическом (вторая половина XX и XXI вв.). Согласно оценкам Г. Н. Поварова, классическая наука имеет дело с 103 элементами, неклассическая — с 106, постнеклассическая — с 1012–1014 [Степин, 2003, с. 42].

Классическая методология стремится к завершенной системе знаний, фиксирующей истину в окончательном виде, предполагая однозначность в истолковании событий. При этом природа считается неразвивающейся, неизменной, с всеобщим и полным детерминизмом. Здесь исследуется объект, отображаемый единственно возможным способом. Истинность этой методологии обеспечивает классический рационализм, центрирующий внимание на объекте, элиминирующий все относящееся к субъекту, средствам его деятельности. Итогом является объективно-истинное знание о мире.

В *неклассической методологии* и неклассической науке предметом знания стал некий срез реальности, полученный в результате теоретического и эмпирического способов ее освоения. Множество проекций объекта, каждая из которых не является законченным его описанием, приходят на смену единому целостному объекту классического этапа.

В *постнеклассической методологии* и науке к результатам познавательного процесса, описанным выше, добавляются ценностно-целевые структуры деятельности в контексте их социальных ценностей и целей. Здесь исследуются сложные саморазвивающиеся системы, уровни их организации, способность формировать новые уровни, самостоятельные подсистемы, параметры порядка. К подобным системам «относятся объекты современных биотехнологий (генетической инженерии), человеко-технично-технологические системы, сложные компьютерные сети, Интернет, а также социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития» [Степин, 2006, с. 633].

Для полноценного понимания вышесказанного определенное внимание следует уделить зарождению и развитию ключевых положений методов

и методологии научного знания в Античности, Средневековье, эпохе Возрождения, в Новое время и в переходный период от Нового времени к современности (неокантианство, эмпириокритицизм). Необходимо подробно рассмотреть универсальные научные методы: системный, экологии, наук биосферного и ноосферного классов, синергетики, информатики, кибернетические подходы. В середине XX столетия системный и кибернетический подходы позиционировали себя в качестве основных научных методов. Был широко распространен лозунг «Все системы», а кибернетика утверждала, что все сводится к управлению, уровням и порогам сложности, при этом различий между неживым и живым нет. Однако исходные понятия этих наук оказались расплывчатыми, соответствующим им методам не удалось отстоять свою универсальность, и в настоящее время эти науки занимаются частными вопросами в системотехнике и робототехнике. Так что системный метод, кибернетические подходы могут использоваться в современной науке в весьма ограниченных пределах, что не в полной мере осознается во многих имеющихся пособиях.

Зато экологические, синергетические методы, методология теории информации в настоящее время используются очень широко, несмотря на серьезных противников такой экспансии, например в исторических и юридических науках. Здесь следует особо подчеркнуть нарастающую актуальность методов глубинной и глобальной экологии, а также наук биосферного и ноосферного классов, которые становятся все более востребованными вследствие формирования планетарных сетей науки, культуры, образования, экономики, финансов и т. п. Методологические аспекты синергетики и неравновесной термодинамики следует рассматривать как тесно взаимосвязанные, поскольку подходы Г. Хакена и И. Пригожина дополняют друг друга. Основные принципы синергетики: равнозначность порядка и хаоса в эволюции природы, единство алгоритмов развития на всех уровнях структурной организации мира, значение бифуркации в этих процессах — приобретают все большее значение в различных науках. Взаимодействие хаоса и порядка в тех или иных формах имеет место быть на всех уровнях структурной организации мира, создавая платформу для единства методологии его научного исследования.

Методология научного познания. Становление и характерные черты

Методологию научного познания целесообразно рассматривать с точки зрения трех основных уровней познания: эмпирического, теоретического и метатеоретического. Методы эмпирического уровня познания ориентированы на эксперимент, который применяется для исследования объекта, проверки существующих гипотез и теорий, выявления предпосылок для новых теоретических представлений. Здесь иногда можно эффективно использовать предваряющие эксперимент методы наблюдения, как это имеет место быть в астрономии, биологии, медицине. Наличие звезд, планет, других космических

объектов с одинаковыми характеристиками открывает широчайшие возможности для их исследования через сравнения, типологию и т. п.

Методы теоретического уровня познания опираются на идеализированные теоретические объекты, которые наделены как реальными, так и сконструированными исследователем признаками. *Методы метатеоретического уровня познания* опираются на идеалы и нормы научного исследования (доказательности, обоснования, объяснения, описания, построения, организации знания) научную картину мира (отличается от теории сочетанием абстрактно-теоретических знаний и наглядных представлений) и предельно обобщенные теоретические схемы потенциально возможных мировоззренческих структур.

Еще более важное значение для философского и научного обоснования рационального познания имеют *методологические принципы*, которые представляют собой общие требования к его организации и содержанию. С. В. Илларионов выделяет семь таких принципов: «Принцип проверяемости (верифицируемости); принцип опровергаемости (фальсифицируемости); принцип наблюдаемости; принцип простоты; принцип соответствия, или преемственности; принцип инвариантности, или симметрии; принцип согласованности, или системности» [Илларионов, 2007, с. 142]; Н. Ф. Овчинников — девять аналогичных принципов, разбивая их на три группы: «Порождающие принципы — сохранения, симметрии, дополненности; принципы связности — математизации, соответствия, единства; целеполагающие принципы — объяснения, простоты, наблюдаемости» [Овчинников, 1996, с. 207].

Принцип проверяемости утверждает, что любое научное знание должно подтверждаться опытным путем. Логических доказательств в этом случае мало, и они могут быть неправильными. Кроме того, этот принцип не приемлет дополнительных гипотез, которые могут вводиться для объяснения возникших затруднений. *Принцип опровергаемости* проще, чем проверяемость. В «жесткой фальсифицируемости» Поппера один негативный факт опровергает научную теорию. «Мягкая фальсифицируемость» И. Лакатоса имеет защитный пояс (периферию), части которого поочередно опровергаются, для того чтобы как можно дольше сохранить теоретическое ядро. *Принцип простоты* начинается с онтологической интерпретации: природа устроена просто, и именно поэтому наука должна быть простой, что безоговорочно принималось в конце XVI в., в XVII и XVIII вв. На простоту природы опирались концепции Кеплера, Галилея, Ньютона, Лейбница. Принцип в течение долгого времени отождествлялся с механицизмом, что неприемлемо в современных условиях, однако он способствовал развитию метода аналогий, который имеет гораздо более широкую область применения. В современной науке простота должна быть «сложной». *Принцип дополненности* утверждает, что природная (сущностная) картина явления и его строгое математическое описание взаимодополнительны. Есть емкая, но вольная интерпретация принципа: «Реальный урок... состоит в констатации, богатстве и разнообразии реальности, превосходящие изобразительные возможности любого отдельно взятого языка,

любой отдельно взятой логической структуры. Каждый язык способен выразить лишь какую-то часть реальности» [Пригожин, Стенгерс, 2000, с. 200]. Истоки принципа дополнительности — во взаимодействии древнекитайских философских категорий «ян» и «инь». *Принцип инвариантности* предполагает его выполнимость во всех частях (областях) мира и ставит вопрос о справедливости некоторого утверждения лишь при определенных условиях, в частности о независимости от системы отсчета. *Принцип соответствия* обосновывает, что старая теория должна быть предельным случаем новой. *Принцип согласованности*, или *системности*, является одним из наиболее общих методологических принципов, который можно рассматривать как суперпринцип, объединяющий все остальные. Все вышеперечисленные принципы связаны друг с другом разными способами.

Эти принципы дополняются эпистемологическими и онтологическими аспектами научной методологии, ее особенностями в естественно-научной и социогуманитарной сферах. Наиболее важными направлениями современной эпистемологии являются когнитивная и эволюционная. Основные идеи, способствовавшие развитию когнитивной науки, принадлежат Т. Гоббсу, Д. Булю, А. Тьюрингу, К. Шеннону. Основанием является известное философское высказывание первого, что мышление есть вычисление. Буль повторил его почти три столетия спустя уже как логико-математическое высказывание. Тьюринг показал, что любое возможное вычисление может быть сведено к повторению элементарных операций, а Шеннон рассмотрел информацию как выбор из двух возможных вариантов, который может быть измерен в битах и передан через канал связи посредством двоичной системы счисления. Следствием стало широкое распространение вычислительных машин, а также исследование человеческого мозга по всем возможным направлениям, например с помощью нейрокомпьютеров.

В эволюционной эпистемологии центральное положение занимает метод предположений и опровержений, согласно которому процесс понимания можно представить с помощью общей схемы (в ее простейшей форме):

$$P_1 \rightarrow TT \rightarrow EE \rightarrow P_2 \quad (1)$$

Здесь P_1 есть проблема, с которой мы начинаем; TT — пробная теория (tentative theory) — ее первое основанное на воображении предположительное решение, например наша первая пробная интерпретация; EE — исключение ошибок (error elimination) — это жесткое критическое исследование нашего предположения, нашей пробной интерпретации; P_2 — это проблемная ситуация, какой она выступает после первой нашей критической попытки решить проблему. Она ведет нас ко второй попытке и так далее [Поппер, 2002, с. 163].

Основные положения эпистемологии и онтологии необходимо рассмотреть для классического, неклассического и постнеклассического этапов. *Для классической науки онтология* характеризуется реальностью, состоящей из трех самостоятельных субстанций: вещества, пространства, времени, — причем

изменения в одной из них не приводят к изменениям в других; все законы имеют необходимый характер. Эпистемология рассматривает субъект научного познания в виде идеального когнитивного существа с развитым чувственным аппаратом, гарантирующим адекватность всех его ощущений и восприятий, с развитой системой мышления, гарантирующей способность к доказательному истинному знанию. Научную истину удостоверяют экспериментальные и логические доказательства.

Для неклассической науки онтология имеет дело с вероятностными, статистическими законами. Материя, пространство, время — внутренне взаимосвязанные аспекты одной реальности. Процессы связаны с направленным изменением (эволюцией). В эпистемологии появляется множество средств, методик, подходов. Выдвигаются различные гипотезы, которые затем конкурируют, сравниваются, при отсутствии единого логического подхода. Субъект научного познания — профессиональное научное сообщество, научная истина — результат научного консенсуса.

Для постнеклассической науки — онтология обосновывает равноправие порядка и хаоса в мире. Фундаментальными становятся резонансные, непричинные связи и взаимоотношения между объектами. Эволюция признается целесообразной для всей Вселенной. Исследование сложных систем включает человекообразные комплексы. *Эпистемология* признает субъектом диверсифицированное научное сообщество, каждый из отдельных членов которого является частичным выразителем истины. Возможно неограниченное число адекватных описаний одного и того же объекта, которые зависят от научного контекста, открытого для новых интерпретаций.

Современная наука характеризуется обострением дискуссии между реалистами и антиреалистами. *Реалисты* утверждают, что теории не просто символы теоретической записи, но обозначают физически реальные объекты и их свойства, приближаясь к правильному описанию мира. *Антиреалисты* считают, что теоретические понятия науки не обозначают физические объекты, но лишь играют роль вспомогательных гипотез, удобных для организации научного знания.

Существует несколько версий реализма: 1) противостоящий номинализму, допускающий существование общего в виде реалий; 2) противостоящий инструментализму и феноменологизму — соотносящий научные теории с объективной реальностью; 3) «реализм с человеческим лицом» Х. Патнэма — «нечто среднее между этими двумя реализмами: Патнэм допускает принципиальную сходимость единичных, ситуативных человеческих мнений к некоей реалии — общему мнению, кроме того, он указывает таким образом на объективное содержание этих мнений» [Современная философия науки, 1996, с. 203]. Антиреализм также имеет несколько направлений. Так, в инструментализме факты осмысливаются только в связи с идеями, теориями, выступающими как схемы деятельности.

Все больше проблем, противопоставляющих реализм и антиреализм, появляется в социально-гуманитарных науках, что обуславливает необходимость

рассмотреть эволюцию методологии социально-гуманитарных наук. В Античности эти науки были определяющими и их методологию задавала философия (диалектика, метафизика) и логика. В Средние века была предложена важнейшая концепция абсолютной личности — походи на Бога. В Новое время сложилось много конкретных методологических направлений: историзм, ориентированный на становление и самоизменение социосферы, генезис происходящих в ней явлений; *механицизм*, исследовавший процессы в социосфере исходя из физических законов; натурализм, сводивший социальное к природному; *органицизм*, делавший акцент на целостность, адаптивность, динамизм социальных систем. *Позитивизм*, исходивший из единства естественных, гуманитарных и социальных наук, опиравшийся на математизацию, точную строгую категоризацию в науки об обществе. *Психологизм*, опиравшийся на внутреннюю самодостаточность духовного мира личности, его несводимость к природному миру. В XX столетии также возникли и развивались: *антропологизм*, где человек поддерживает собственную жизнеспособность за счет переработки вещества природы в социокультурное вещество (техника, межличностные коммуникации, учреждения); *структурализм*, выявлявший устойчивые связи для обеспечения целостности, организованности, упорядоченности, самоидентифицируемости социальных явлений; *сциентизм*, абсолютизовавший и радикализировавший науку, введением стандартов для всех научных представлений; *феноменологизм*, где реконструкция социального происходит вследствие символотворения и образования одухотворенного; *холизм*, где главным является изучение социальных целостностей, высшие из которых — личности; *эволюционизм*, где социальные явления прослеживаются от предковых до относительно зрелых, выделяются этапы вызревания социальных явлений, а также другие направления (*формализм, функционализм, идеографический, номотетический методы*). XX в. ознаменовался «лингвистическим поворотом», согласно которому анализ языка понимается как ключ к философскому исследованию мышления и знания, что характерно для аналитической философии, феноменологии, герменевтики, структурализма и других научных направлений, связанных с языком [Contemporary Issues and Challenges, 2020].

Дискуссионные вопросы о роли методов и методологии в контексте философии

Имеется много примеров, когда перед научными методами, используемыми в ограниченной области исследования возникают неразрешимые проблемы. Так, принцип соответствия возник в результате появления квантовой механики как альтернатива формулировке резкого разрыва между квантовой и классической механиками. Однако только помощь философии позволила показать, что на самом деле между этими механиками не разрыв, а предельный переход.

Это было осуществлено соответствующими методологическими исследованиями и усилиями многих ученых. Особое значение при этом имело выведение проблемы за пределы квантовых представлений в область истории физики и далее — всей истории научной мысли. Оказалось, что этот принцип работает во многих других сферах науки: волновой и геометрической оптике, классической и квантовой статистиках, в социальной и гуманитарной сферах. Для рассматривания всех этих проблем необходимы уже не научные, а философские основания.

В связи с этим возникает необходимость рассмотреть универсальные методы философии, развивающие методологию: феноменологические, герменевтические, а также методы семиотики. Значение феноменологии огромно, поскольку она предшествует любому философскому методу и, по мнению Э. Гуссерля, должна предшествовать всем научным подходам и методологиям [Гуссерль, 1999]. Роль феноменологии нарастает по мере ухудшения ситуации с искажением сознания современного человека, что определяется резким возрастанием избыточной информации и распространением некачественного образования среди значительной части человечества. «Болезни» сознания затронули практически все слои населения: ученых, инженеров, творческую интеллигенцию, носителей обыденного мировоззрения и т. п.

Герменевтика в настоящее время становится основной философской наукой, заменяя, по мнению ряда ученых, эпистемологию. В достаточно развитом виде она присутствовала уже у софистов — первых греческих филологов, интерпретировавших древние тексты в контексте современного им языка посредством совершенствования комментаторства и перевода. Следующий этап связан с распространением христианства и переводом Священного Писания на другие языки, что привело к созданию экзегетики. Благодаря Ф. Шлейермахеру герменевтика обрела научную методологию, В. Дильтей сделал ее философским направлением. М. Хайдеггер и Г. Гадамер придали герменевтике статус онтологической дисциплины. Поскольку все в современной науке является текстом, его можно истолковывать в рамках подобной методологии.

Семиотика как наука о знаках также универсальна, поскольку мы живем в семиосфере. Знак как единица коммуникационного действия имеет свою структуру, в осмыслении которой можно выделить три этапа. Классические семантические модели оперируют только двумя элементами: знаком (означающим) и предметом, который обозначен этим знаком (означаемым). Далее Г. Фреге (1892) делает революционный шаг, вводя третью семантическую инстанцию, которую он называет смыслом. Возникает семантический треугольник Фреге, где знак относится к означаемому не напрямую, а опосредованно, через перспективу смысла. Тремя понятиями этого треугольника являются: знак, смысл, значение. В 1923 г. появляется треугольник С. Огдена, И. Ричардса, который мог использоваться не только в логике, но и в лингвистике; приобретший наибольшую известность, наглядность, имеющий возможности для введения четвертой (ценностной) компоненты.

Существует несколько классификаций знаков: Ч. Пирса (иконические, индексальные, символические). Если основанием знака является имя, то их подразделяют на: 1) природные и искусственные; 2) воспринимаемые через органы чувств: зрительные, слуховые, обонятельные, осязательные, вкусовые. По обозначаемому предмету знаки делятся на знаки идеи (символы российской государственности, партийная символика) и знаки-чувства (например, подарки). Ж. Бодрийяр выделяет культурные знаки, такие как мода, реклама, когда человек рассматривает товары прежде всего как символы. Л. Ельмслев, Р. Барт делают глубокую классификацию по денотатному основанию. Подход Ч. У. Морриса излишне подробен (многие десятки классификационных ячеек).

Какого-либо своего особого метода у семиотики нет, но она активно использует методы смежных наук, прежде всего лингвистического исследования: стратификации, описательный, структурный, типологический, оппозиционный, компонентного анализа, интроспективный, реконструкции, формализации, логического сопоставления. *Методология* семиотики опирается на семиотические ряды, эпические формулы, философию имени.

Важным разделом, заключающим этот этап, являются методологические аспекты деятельности человека в современном мире. Их исследование начинается с выделения двух онтологических сфер человека: души и духа. *Сфера души* достаточно подробно освоена еще в мифологическом и религиозном мировоззрениях. В античной философии душа отождествлялась с одним из первоначал (архэ), ощущениями и, наконец, после Сократа — с разумом-сознанием. Аристотель выделяет растительную, ощущающую и животную душу, Плотин бессмертию мировой души противопоставляет конечность индивидуальных душ. Для Канта душа есть предмет внутреннего чувства в его связи с телом, но не субстанция. В ряде научных концепций душа является носителем ритмично протекающих непрерывных жизненных процессов, в то время как сознание, в противоположность душе, «прерывно». В современной философии основными компонентами сферы души являются сознание с его актами и содержаниями, а также, в еще большей степени, бессознательное. Под последним понимается совокупность психических явлений состояний и действий, лежащих вне сферы человеческого разума, безотчетных и не поддающихся, по крайней мере в данный момент, контролю со стороны сознания. Бессознательное составляет основную часть души; и только если ее удастся контролировать посредством сознания, человек обретает гармонию, находит пути к духовному. *Сфера духа* долгое время была прерогативой религий. Если античный Дух космичен, являясь обобщением действительного мира, то средневековый Дух — идеальная, правящая миром сила, к которой человек может быть активно и пассивно причастен. В Новое время Дух связывается с углублением в человеческое «Я», когда либо сам человеческий субъект, либо та или иная его способность начинает мыслиться как подлинно духовное начало. *Взаимодействие между сферами души и духа* — важнейшая задача

современных философии и науки, решение которой позволит уберечь понятие «духовность» от употребления в урезанном или искаженном смысле.

Заключение

Настоящий курс «Методология научных исследований» позволяет дать ответ на несколько вопросов и заострить внимание на фундаментальных проблемах научных исследований. Во-первых, он знакомит студентов, аспирантов, преподавателей с современными представлениями о методах, методологии, их происхождении, этапах формирования, основных характерных чертах, а также научном и философском контекстах. Среди научных направлений, определивших развитие рациональной методологии, следует отметить математику и классическую науку: механику, термодинамику, оптику, а также теорию эволюции и электродинамику, которые в то же время можно считать мостом к неклассической науке; среди философских подходов — рационализм, эмпиризм, механицизм, эмпириокритицизм, неокантианство, феноменологию. Во-вторых, достаточно подробно как с практической, так и с теоретической точки зрения разбираются универсальные научные и философские методы. Практические возможности методов выявлены для теории систем, синергетики, экологии, наук биосферного и ноосферного классов, информатики, феноменологии, герменевтики, семиотики, кибернетических подходов применительно к тем или иным реальным условиям. Теоретической стороной этого вопроса является выявление границ перечисленных методов, их инвариантность, относительность, взаимодополнительность и другие аналогичные виды ограничений.

Особое значение при этом уделено ключевым моментам научной методологии: основным методологическим принципам, их взаимосвязям, обобщениям, эмпирическому, теоретическому, метатеоретическому уровням научного познания. Все это замыкается в единый онтологический-эпистемологический-методологический комплекс в контексте широкого спектра научных и философских проблем. При этом определяющее значение имеет рассмотрение соответствующих направлений этого комплекса для классического, неклассического, постнеклассического этапов развития науки, использование ключевых концепций когнитивной и эволюционной эпистемологии, реализма и антиреализма, научных картин мира. Анализ последних проводится в контексте взаимодействия традиций и революций в науке. Наглядно продемонстрировано что без философских обобщений методология остается односторонней.

Вышесказанное формирует и объединяет отдельные методические и методологические подходы в целостную концептуальную конструкцию, способную к дальнейшему саморазвитию.

Список источников

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии: пер. с нем. Т. I. Общее введение в чистую феноменологию. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 336 с.
2. Илларионов С. В. Теория познания и философия науки. М.: РОССПЭН, 2007. 536 с.
3. Карпов А. О. Образование будущего: репродуктивно-продуктивный переход // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 5–16. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-1-5-16>
4. Король А. Д. Самоидентичность человека как проблема образовательного пространства и времени // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 26–35. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-5-26-35>
5. Овчинников Н. Ф. Принципы теоретизации знания / Ин-т философии РАН. М., 1996. 215 с.
6. Пригожин И. Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой: пер. с англ. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 312 с.
7. Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
8. Савчук В. В., Очеретяный К. А. Цифровой поворот: глобальные тенденции и локальные специфики // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 5–16.
9. Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
10. Степин В. С. Саморазвивающиеся системы: стратегии познания и деятельности // Труды III Российского философского конгресса. Пленарные доклады. Ростов н/Д, 2003. С. 42–65.
11. Степин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
12. Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: хрестоматия / сост.: А. А. Печенкина. М.: Логос, 1996. 400 с.
13. Швырев В. С. Методология. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, 2009. 1248 с.
14. Contemporary Issues and Challenges in Humanities, Arts and Higher Education / Ed. by C. Cozma. Bucharest: Eikon Publishing House, 2020. P. 49–64. ISBN: 978-606-49-0280-1
15. Kozhevnikov N., Danilova V. Methodological aspects of post-non-classical philosophy and science based on the coordinate system of deterministic chaos // Agathos: An international review of the humanities and social sciences. 2020. Vol. 11. № 2 (21). P. 98–104.
16. Kozhevnikov N. Being as a Text of “Things in Existence”, Formed by the World Coordinate System Based on Limiting Dynamic Equilibria // Agathos: An international review of the humanities and social sciences. 2019. Vol. 10. № 2 (19). P. 95–103.
17. Kozhevnikov N., Danilova V. S. Life and Human Life in the System of World Coordinates on the Basis of Extreme Dynamic Equilibriums // Analecta Husserliana, Eco-Phenomenology: Life, Human Life, Post-Human Life in the Harmony of the Cosmos. 2018. Vol. CXXI. № 121. P. 187–178.
18. Danilova V. S. Two Major Areas of Interaction with Culture and Society for the Modern Man // Agathos: An International Review of the Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 12. № 2. P. 187–197.

References

1. Cozma, C. (Ed.) (2020). *Contemporary Issues and Challenges in Humanities, Arts and Higher Education* (p. 49–64). Bucharest: Eikon Publishing House. ISBN: 978-606-49-0280-1
2. Danilova, V. S. (2021). Two Major Areas of Interaction with Culture and Society for the Modern Man. *Agathos: An International Review of the Humanities and Social Sciences*, 12 (2), 187–197.
3. Gusserl', E. (1999). *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoj filosofii* [Ideas towards pure phenomenology and phenomenological philosophy] (Transl. from German). T. I. Obshee vvedenie v chistuju fenomenologiju [Vol. I. General introduction to pure phenomenology]. Moscow: House of intellectual books. 336 p. (In Russian).
4. Illarionov, S. V. (2007). *Teorija poznanija i filosofija nauki* [Theory of knowledge and philosophy of science]. Moscow: ROSSPEN. 536 p. (In Russian).
5. Karpov, A. O. (2021). Obrazovanie budushchego: reproduktivno-produktivny'j perekhod [Education of the Future: Reproductive-Productive Transition]. *Voprosy filosofii*, 1, 5–16. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-1-5-16>
6. Korol', A. D. (2021). Samoidentichnost' cheloveka kak problema obrazovatel'nogo prostranstva i vremeni [Human self-identity as a problem of educational space and time]. *Voprosy filosofii*, 5, 26–35. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-5-26-35>
7. Kozhevnikov, N. (2019). Being as a Text of 'Things in Existence', Formed by the World Coordinate System Based on Limiting Dynamic Equilibria. *Agathos: An international review of the humanities and social sciences*, 10, 2 (19), 95–103.
8. Kozhevnikov N., & Danilova, V. S. (2018). Life and Human Life in the System of World Coordinates based on Extreme Dynamic Equilibriums. *Analecta Husserliana, Eco-Phenomenology: Life, Human Life, Post-Human Life in the Harmony of the Cosmos*, CXXI, 121, 187–178.
9. Kozhevnikov, N., & Danilova, V. S. (2020). Methodological aspects of post-non-classical philosophy and science based on the coordinate system of deterministic chaos. *Agathos: An international review of the humanities and social sciences*, 11, 2 (21), 98–104.
10. Ovchinnikov, N. F. (1996). *Principy teoretizacii znaniya* [Principles of theorization of knowledge]. Institute Philosophy of Russian Academy of Science. Moscow. 215 p. (In Russian).
11. Prigozhin, I. R. & Stengers, I. (2000). *Porjadok iz haosa. Novyj dialog cheloveka s prirodops* [Order out of chaos. A new dialogue between man and nature]. Moscow: Editorial URSS. 312 p. (In Russian).
12. Popper, K. R. (2002). *Objektivnoe znanie. Jevoljucionnyj podhod* [Objective knowledge. evolutionary approach] (Transl. from English). Moscow: Editorial URSS. 384 p. (In Russian).
13. Savchuk, V. V., & Ocheretyanyj K. A. (2021). Cifrovoj povorot: global'nye tendencii i lokal'nye specifiki [Digital Turn: Global Trends and Local Specifics]. *Voprosy filosofii*, 4, 5–16. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/10.21146/0042-8744-2021-4-5-16>
14. Shvyrev, V. S. (2009). *Metodologiya. Enciklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Methodology. Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. Moscow: Canon +. 1248 p. (In Russian).
15. Stepin, V. S. (2003). *Teoreticheskoe znanie. Struktura, istoricheskaja jevoljucija*. [Theoretical knowledge. Structure, historical evolution]. Moscow: Progress-Tradition. 744 p. (In Russian).

16. Stepin, V. S. (2003). Samorazvivajushhiesja sistemy: strategii poznaniya i dejatel'nosti [Self-developing systems: strategies for cognition and activity]. In *Trudy III Rossijskogo filosofskogo kongressa. Plenarnye doklady* [Proceedings of the III Russian Philosophical Congress. Plenary reports] (p. 42–65). Rostov-on-Don. (In Russian).

17. Stepin, V. S. (2006). *Filosofija nauki. Obshhie problemy* [Philosophy of Science. General problems]. Moscow: Gardariki. 384 p. (In Russian).

18. Pechenkin A. A. (Comp.) (1996). *Sovremennaja filosofija nauki: znanie, racional'nost', cennosti v trudah myslitelej Zapada* [Modern Philosophy of Science: Knowledge, Rationality, Values in the Works of Western Thinkers]. Chrestomathy. Moscow: Logos. 400. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors:

Данилова Вера Софроновна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова,

Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия, 677000,
nikkoz@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3201-0687>

Danilova Vera Sofronovna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy of the Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov, Russia,

Yakutsk, Sakha Republic (Yakutia), Russia, 677000,
nikkoz@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3201-0687>

Кожевников Николай Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова,

Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия, 677000,
nkozhev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5823-8896>

Kozhevnikov Nikolai Nikolaevich — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of the Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk, Sakha Republic (Yakutia), Russia, 677000,
nkozhev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5823-8896>

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научно-практическая

УДК 94(4070-25):316.334.56

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.42.2.05

МОСКВОВЕДЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ УРБАНИСТИКА: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ

С. В. Черненькая

Московский городской педагогический университет,
2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, Россия, 129226,
Chernenkayasv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7103-3059>

А. И. Смирнова

Московский городской педагогический университет,
2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, Россия, 129226,
SmirnovaAI@mgpu.ru

Аннотация. В статье представлено видение курса «Социальная урбанистика», введением в который, по убеждению автора, может стать «Москвоведение». Курс, будучи практико-ориентированным, должен включать материал по исследованию конкретных городов, в том числе Москвы. Но если в рамках «Москвоведения» история города рассматривается как последовательность исторических событий, то в курсе «Социальная урбанистика» изучается влияние города (Москвы) на его жителей и влияние горожан на изменение, формирование городского пространства. Соответственно, в рамках этого курса ставятся задачи развить умение наблюдать современный город («гулять, глазеть и рассказывать»); системно анализировать процессы, протекающие в городском пространстве; сформировать понимание у студентов, что они могут влиять на изменение, конструирование городского пространства.

«Москвоведение», освещающее жизнь исторической и современной Москвы, помогает соотнести общие вопросы курса с конкретным материалом, перейти от констатации процессов и фактов к описанию и интерпретации смыслового пространства конкретного города, к герменевтике города. Опора на конкретный материал позволяет раскрыть базовые понятия курса: «право на город», «городская идентичность», «вовлеченность в городское пространство» и др.

В статье отмечается, что городское пространство не может быть рассчитано только на потребление и развлечение. Право на город включает право на участие в его жизни и право на присвоение социального пространства. Обращение к москвоведению имеет своим результатом не только актуализацию и обогащение соответствующими сведениями, но и понимание механизма взаимодействия города и горожан.

Ключевые слова: город, москвоведение, социальная урбанистика, право на город

Для цитирования: Черненькая С. В., Смирнова А. И. Москвоведение и социальная урбанистика: основные принципы соотношения и опыт преподавания // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 2 (42). С. 57–65. DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.42.2.05>

Scientific and practical

UDC 94(4070-25):316.334.56

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.42.2.05

**MOSKVOVEDENIE AND SOCIAL URBAN STUDIES:
BASIC PRINCIPLES AND TEACHING EXPERIENCE****Svetlana V. Chernenkaya**

Moscow City University,

2-j Sel'skohozyajstvennyj pr., Moscow, Russia, 129226,

Chernenkayasv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7103-3059>**Alfiya I. Smirnova**

Moscow City University,

2-j Sel'skohozyajstvennyj pr., Moscow, Russia, 129226,

SmirnovaAI@mgpu.ru

Abstract. The article presents a vision of the course “Social Urbanism”, the introduction to which, according to the author, can be “Moskvovedenie”. The course, being practice-oriented, must include material on the study of specific cities, including Moscow. But, if in the framework of Moskvovedenie the history of the city is considered as a sequence of historical events, then the course of social urbanism studies the influence of the city (Moscow) on its inhabitants and the influence of citizens on the change, the formation of urban space. Accordingly, within the framework of the course “Social Urbanism”, the task is to develop the ability to observe a modern city (“walk, stare and tell”), systematically analyze the processes taking place in urban space, to form an understanding among students that they can influence the change, the construction of urban space.

Moskvovedenie, covering the life of historical and modern Moscow, helps to correlate the general questions of the course with specific material, to move from the constation of processes and facts to the description and interpretation of the semantic space of a particular city, to the hermeneutics of the city. Relying on specific material allows you to reveal the basic concepts of the course: “the right to the city”, “urban identity”, “involvement in urban space”, etc.

It is noted that urban space cannot be designed only for relaxation and entertainment. The right to the city includes the right to participate in the life of the city and the right to appropriate social space. The appeal to Moskvovedenie results not only in updating and enriching relevant information, but also in understanding the mechanism of interaction between the city and citizens.

Keywords: city, moskvovedenie, social urbanism, the right to the city

For citation: Chernenkaya, S. V., & Smirnova, A. I. (2022). Moskvovedenie and Social Urban Studies: basic principles of interrelation and teaching experience. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (42), 57–65. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.42.2.05>

В современных исследованиях все чаще город рассматривается не как географическая единица, а как определенный образ жизни и восприятие действительности [Вирт, 2005]. В курсе «Социальная урбанистика» изучается влияние города на его жителей и влияние горожан на изменение, формирование городского пространства. Будучи практико-ориентированным, он необходимо включает исследование столичного мегаполиса, города, в котором родились и/или учатся наши студенты. Большая часть учебных студенческих проектов посвящена Москве, которая является для них родным, любимым городом. «Московедение» мы рассматриваем как введение в «Социальную урбанистику», поскольку курс дает студентам запас знаний, необходимый для изучения городских процессов в целом. Но в рамках «Московедения» история города рассматривается как последовательность исторических событий, в том числе связанных с жизнедеятельностью выдающихся личностей, появления в городе определенных памятников архитектуры и т. д. Историческое и культурное значение Москвы провоцирует отношение к городу как к памятнику, а не как к пространству, предназначенному для жизни и деятельности. Результаты проведенных социологических исследований показывают, что жители Москвы воспринимают свой город именно как пространство для жизни [Москва и москвичи, 2020]. Это означает, что, изучая город, нельзя ограничиваться только эстетическим анализом, а необходимо учитывать особенности Москвы как современного мегаполиса. Соответственно, в рамках курса «Социальная урбанистика» ставится задача развить умение наблюдать современный город («гулять и глазеть по сторонам»), системно анализировать процессы, протекающие в городском пространстве, сформировать понимание у студентов, что они могут влиять на изменение, конструирование городского пространства.

Сложность городских процессов заставляет использовать разные методы исследования, искать подходящий язык описания, развивать навыки междисциплинарного исследования. Выделяют несколько парадигм исследования города. Одной из первых была парадигма «большого завода», «города-фабрики». М. Вебер, Г. Зиммель, Ф. Теннис, Ф. Энгельс и др. выделяли город как экономический, промышленный центр [Зиммель, 2002; Вебер, 2000; Маркс, Энгельс, 2000]. Влияние города сводилось к экономическому воздействию: город — это центр приложения труда, рынок сбыта продукции, источник товаров и услуг. Г. Зиммель выделял четыре основных признака большого города: калькулируемость жизни, связанная с всеобщим распространением денег; наличие социальной дистанции, привносящей безразличие и нарушение личностных связей; овеществление человека и ускорение ритма жизни. Горожанин выступал «посторонним» (Г. Зиммель) в таком городе, а город — как некая надличностная сила, подчиняющая и формирующая его по некой условно заданной схеме [Зиммель, 2002].

Во второй половине XX в. интерес в городских исследованиях сдвигается к изучению социального пространства города [Парк, 2011; Вирт, 2005; Линч, 1982; Кастельс, 1983]. Исследуется, как и какой образ города складывается у горожан, насколько жители города вовлечены в городское пространство,

какие смыслы считывают горожане, находясь в городской среде, какие городские практики разворачиваются в городе и как они разворачивают (актуализируют) само городское пространство.

Масштабные городские исследования трудновыполнимы для студентов, а изучение отдельных процессов на конкретном материале позволяет провести грамотное исследование, проанализировать результаты. Для работы на практических занятиях студенты получают задания, позволяющие не только расширить их знания по истории прошлого и настоящего выбранного ими для исследования города, но и проследить реальную динамику исследуемых явлений, в том числе выделить, как современный город организует повседневную жизнь горожан. Предварительно на занятиях обсуждаются принципы, которыми студенты будут руководствоваться в процессе исследования. Это, во-первых, принцип исторической преемственности, позволяющий выделить новое в историческом контексте. Во-вторых, принцип реализма, требующий сопоставлять исследование с существующей реальностью [Черненкокая, 2015]. В своих проектах студенты дают краткое описание географии (особенности географического положения, наличие природных ресурсов, уникальность природных мест и т. д.) и истории города (когда и как возник город, при этом наряду с официальными данными студенты часто прибегают к устным историям, городским легендам, сохранившимся в памяти горожан (в том числе родных, близких людей); основные сферы деятельности горожан и т. д.). Следующий этап исследования — анализ наличной ситуации в городе с целью выявления возможных тенденций развития. На этом этапе студенты опираются на данные статистики, социологических опросов и другие источники.

Умение выделить в многообразии городских изменений процессы, которые в дальнейшем будут развиваться в городе, как показала практика, способствует выстраиванию взаимоотношений между городом и горожанами. Студент, описывая конкретный город и предлагая вариант его развития, выражает свой образ города, свои ожидания или опасения.

Студенты руководствуются как уже имеющимся знанием, так и здравым смыслом, воображением, интуицией, желанием сделать город лучше. Они не стараются обойти актуальные социальные вопросы. Напротив, выделяя те или иные социальные проблемы, они предлагают и определенное решение или возможность их решения [Вакаев, 2014; Хилханов, 2021]. Трудовая и образовательная миграции, социальное расслоение, бездомные в городе, заброшенные здания и территории в городском пространстве, в том числе в мегаполисе, метро и городские парки как пространство социального взаимодействия, доступность/недоступность городского пространства для людей с ОВЗ, отчуждение и одиночество в мегаполисе — это только некоторые темы, разрабатываемые студентами. Практика показывает, что поисковые исследования студентов способствуют лучшему пониманию города. Как отмечают урбанисты, мы осваиваем город, читаем городской текст, «гуляя» по городу (направляясь на работу, на учебу, посещая парки, кафе и т. д.).

Одной из проблем современного общества является кризис понимания. Информационное общество, отличающееся гиперкоммуникативностью, исключает из потоков сообщений рефлексию и понимание, следовательно, и самого субъекта. Н. Луман отмечал, что в обществе массмедиа осуществляется узнавание, а не понимание и рефлексия. Работа с историческими источниками, аналитика имеющихся данных по городским исследованиям открывают возможность «подойти к городу», осуществить свое право на город через его изучение и понимание. Философское познание позволяет анализировать не только объект исследования, но и процесс его конструирования [Черненко, 2010]. Представляя возможное развитие города, студенты учатся рассматривать отдельные процессы в контексте целого. Холистическое видение позволяет согласовать отдельные тенденции, соотнося настоящее с будущим.

Как пример, приведу работу студентов, занимавшихся исследованием возможностей освоения (включения в социальное пространство города) заброшенных городских пространств в столичном мегаполисе. Изучив отечественный и зарубежный опыт интеграции заброшенных зон (зданий, территорий) в активное городское пространство, проведя собственные исследования, студенты пришли к выводу, что заброшенные городские пространства могут быть «встроены» в тело города, не нарушая при этом специфику окружающего их городского пространства; развитие города, в том числе решение проблемы заброшенных городских пространств, безразлично его жителям. И, наконец, заброшенные городские пространства участвуют в формировании образа города, его памяти. В ходе соцопросов выяснилось, что 94 % респондентов (студенты московских вузов) бывали хотя бы один раз в заброшенных зданиях, у 42 % опрошенных заброшенные здания вызывают интерес. Этот случайно выявленный показатель является достаточно тревожным, поскольку заброшенные здания опасны для жизни и здоровья горожан. Но, как оказалось, респонденты не воспринимают их как опасные объекты. Изучение города, конкретных практик его освоения, оказалось связанным с самопознанием и самопониманием, с исследованием специфики восприятия молодежью процессов, протекающих в городе. Важно обращать внимание студентов на наличие подходов разных наук к изучению города, на возможность их соприкосновения.

В рамках городских исследований, являющихся междисциплинарными, всегда возникает вопрос: насколько возможна универсализация результатов, полученных при исследовании конкретного (в том числе столичного) города? Некоторые исследователи описывают город как квазисубъект, коллективный субъект. Как отмечал Глазычев, Сталинград можно рассматривать как цепь рабочих поселков, расположенных вдоль Волги и объединенных инженерными коммуникациями. Но можно рассматривать через призму событий Великой Отечественной войны, когда о городе говорили как о едином субъекте (город выстоял, город победил и т. д.). Какой образ города складывается у студентов? Из курса москвоведения мы знаем о таких образах Москвы, как город-крепость, Москва купеческая, город-герой и т. д. Современная Москва — это город

возможностей, умный город, город для машин, город для жизни, безопасный город? Насколько типичны для других (в том числе российских) городов процессы и характеристики, выделяемые при изучении Москвы? Почему Санкт-Петербург мы называем мистическим городом, а Москву — нет, несмотря на наличие множества городских легенд и мифов [Город и время..., 1993]? Почему жители городов (в том числе Москвы) считают «старый город», исторический центр города, идеалом города, а окраины, спальные районы — негородом? Как совмещаются в образе города образ его исторического центра и образ окраин? Случайно ли то, что все три великих наших историка — Н. Карамзин, С. Соловьев, В. Ключевский — москвичи, если не по рождению, то по судьбе [Краеведы Москвы, 1995]?

«Москвоведение», освещающее жизнь исторической и современной Москвы, помогает соотнести общие вопросы курса с конкретным материалом, перейти от констатации процессов и фактов к описанию и интерпретации смыслового пространства конкретного города, к герменевтике города. Допустим, Останкинская башня — это один из культурных символов России, Москвы, Останкинского района Москвы. Для многих жителей Останкинского района Останкинская башня — это одно из родных, любимых мест. В строительстве башни принимали участие, можно сказать, все жители района. По завершении строительства ученики близлежащих школ (как и взрослые жители района) участвовали в субботниках на территории башни. Рассказы участников тех событий открывают личностные смыслы в одном из монументальных сооружений Москвы, поясняют понятие «право на город», введенное А. Лефевром в урбанистику. Городское пространство не может быть рассчитано только на потребление и развлечение. Право на город включает право на участие в жизни города и право на присвоение социального пространства. «Читая» городской текст, мы непрерывно через взаимодействие с городом формируем новый текст о нем. Культурные, в том числе политические, символы города необходимы для понимания процессов, протекающих в городе.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее:

1) проблематика курса «Социальная урбанистика» включает в себя мировоззренческие и методологические вопросы;

2) изучение практически всех тем курса «Социальная урбанистика» нам представляется целесообразным осуществлять с опорой на конкретный материал. Обращение к москвоведению имеет своим результатом не только актуализацию и обогащение соответствующими сведениями, но и понимание механизма взаимодействия города и горожан;

3) отдельная учебная дисциплина: философия, социология, москвоведение и другие, — исследуя вполне определенные аспекты существования и функционирования города, не в состоянии дать целостное представление о городе;

4) в рамках курсов, посвященных городской тематике, необходимо развивать у студентов навыки междисциплинарного исследования.

Список источников

1. Вакаев В. А. Педагогическая урбанистика как новый междисциплинарный подход // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 276–279.
2. Вебер М. Город [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Weber/_Gor_Index.php
3. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии / ИНИОН РАН. М., 2005. С. 93–118.
4. Город и время: интервью с Ю. М. Лотманом // Метафизика Петербурга: Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 1. СПб.: Эйдос, 1993. С. 84–95.
5. Замятин П. В., Тарасов Е. Н. Урбанистика как политический и концептуально-идеологический механизм регулирования городского планирования и благоустройства [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. URL: <https://science-education.ru/ru/article>
6. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4. С. 23–34.
7. Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы): сб. / сост.: Л. В. Иванова, С. О. Шмидт. М.: Книжный сад, 1995. 304 с.
8. Линч К. Образ города [Электронный ресурс] // Сайт памяти В. Л. Глазычева. URL: <http://www.glazychev.ru/default.htm> (дата обращения: 10.03.2022).
9. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К. Социология. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. С. 177–324.
10. Москва и москвичи. Отношение к столице и ее жителям в регионах России. Дата публикации: 05.10.2020 [Электронный ресурс] // Фонд Общественное мнение (ФОМ). URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14467> (дата обращения: 10.03.2022).
11. Парк Р. Э. Город: предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде // Парк Р. Э. Избранные очерки: сб. переводов. ИНИОН РАН; Центр социал. науч.-информ. исследований. М., 2011. С. 19–56.
12. Хилханов Д. Л. Процессы транскulturации в фокусе культурной идентичности // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 2 (38). С. 25–31.
13. Черненькая С. В. Семиотические исследования Густава Шпета // Густав Шпет и его философское наследие. У истоков семиотики и структурализма: сб. М.: РОССПЭН, 2010. С. 446–453.
14. Черненькая С. В. Некоторые вопросы преподавания курса по философии науки в вузе // III Всероссийская конф. по науковедению и наукометрии: тезисы доклада. М.: МГПУ, 2015. С. 48–51.
15. Castells M. *The City and the Grass Roots: A Cross-Cultural Theory of Urban Social Movements*. Berkeley: University of California Press, 1983. 450 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/citygrassrootsr0000cast>

References

1. Castells, M. (1983). *The City and the Grass Roots: A Cross-Cultural Theory of Urban Social Movements*. Berkeley: University of California Press. Retrieved from <https://archive.org/details/citygrassrootsr0000cast>
2. Chernenkaya, S. V. (2015). Nekotory`e voprosy` prepodavaniya kursa po filosofii nauki v vuze [Some questions of teaching a course on the philosophy of science at a university]. In *III All-Russian Conference on Science Studies and Scientometrics*. Abstracts of the report (pp. 48–51). Moscow City University. Moscow. (In Russian).

3. Chernenkaya, S. V. (2010). Semioticheskie issledovaniya Gustava Shpeta [Semiotic studies of Gustav Shpet]. In *Gustav Shpet and his philosophical legacy. At the origins of semiotics and structuralism*. Collection (pp. 446–453). Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
4. Gorod i vremya: interv`yu s Yu. M. Lotmanom, (1993). [Town and time: an interview with Yu. M. Lotman]. *Metaphysics of St. Petersburg: St. Petersburg reading on the theory, history and philosophy of culture*. (p. 84–95). St. Peterburg. 1. (In Russian).
5. Ivanova L. V., & Schmidt, S. O. (Comp.). (1995). *Kraevedy` Moskvyy` (Istoriki i znatoki Moskvyy`)* [Local historians of Moscow (Historians and experts of Moscow)]. Collection. Moscow: Book Garden. 304 p. (In Russian).
6. Khilkhanov, D. L. (2021). Processy` transkul`turacii v fokuse kul`turnoj identichnosti [Transculturation processes in the focus of cultural identity]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (38), 25–31. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2021.38.2.03>
7. Lynch, K. (1982). Obraz goroda [The image of the city]. *Website in memory of V. L. Glazychev*. (In Russian). <http://www.glazychev.ru/default.htm>.
8. Marx, K., & Engels, F. (2000). Nemeckaya ideologiya [German Ideology]. In Marx, K. *Sociology* (p. 177–324). Moscow: KANON; Press-C; Kuchkovo pole. (In Russian).
9. Park, R. E. (2011). Gorod: predlozheniya po issledovaniyu chelovecheskogo povedeniya v gorodskoj srede [The City. Suggestions for Investigation of Human Behavior in the Urban Environment]. In Park, R. E. *Selected essays*. Collection of Translations (p. 19–56). INION RAS; Center of Social. scientific.-inform. research Moscow. (In Russian).
10. *Public Opinion Foundation (FOM)* (2020, October 5). Moskva i moskvichi. Otnoshenie k stolitse i ee zhiteliam v regionakh Rossii [Moscow and Muscovites. Attitude to the capital and its residents in the regions of Russia]. (In Russian). Retrieved from <https://fom.ru/Nastroeniya/14467>
11. Simmel, G. (2002). Bol`shie goroda i duhovnaya zhizn` [Large city and the spiritual life]. *Logos*, 3–4, 23–34. (In Russian).
12. Vakaev, V. A. (2014). Pedagogicheskaya urbanistika kak novyi mezhdistsiplinarny`i podkhod [Pedagogical Urbanism as a new interdisciplinary approach]. *The Humanities and Social Science*, 2, 276–279. (In Russian).
13. Weber, M. (2000). *Gorod* [City]. (In Russian). Retrieved from http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Weber/_Gor_Index.php
14. Wirth, L. (2005). Urbanizm kak obraz zhizni [Urbanism as a Way of Life]. In Wirth L. *Selected Works in Sociology* (p. 93–118). INION RAS. Moscow. (In Russian).
15. Zamyatin, P. V. & Tarasov, E. N. (2015). Urbanistika kak politicheskij i konceptual`no-ideologicheskij mekhanizm regulirovaniya gorodskogo planirovaniya i blagoustrojstva [Urbanism as a political and conceptual-ideological mechanism for regulating urban planning and landscaping]. *Modern problems of science and education*, 1–1. (In Russian). Retrieved from <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19111>

Информация об авторах / Information about the authors:

Черненкокая Светлана Васильевна — кандидат философских наук, доцент обще-университетской кафедры философии и социальных наук института гуманитарных наук МГПУ,

2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, Россия, 129226,
Chernenkayasv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7103-3059>

Chernenkaya Svetlana Vasil'evna — PhD (Philosophy), docent of the all-university department of Philosophy and Social Sciences, Institute of Human Sciences, Moscow City University (MCU),

2-j Sel'skohozyajstvennyj pr., d. 4, Moscow, Russia, 129226,
Chernenkayasv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7103-3059>

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы института гуманитарных наук МГПУ,

2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, Россия, 129226,
SmirnovaAI@mgpu.ru

Smirnova Al'fiya Islamovna — Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature at the Institute of Humanities of the Moscow State Pedagogical University,

2-j Sel'skohozyajstvennyj pr., d. 4, Moscow, Russia, 129226,
SmirnovaAI@mgpu.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научно-исследовательская

УДК 159.954

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.42.2.06

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВООБРАЖЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ: РОЛЬ ИНТУИЦИИ В СОЗДАНИИ ГЕРОЕВ

А. В. Маслова

Московский государственный лингвистический университет,

ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Москва, Россия, 109240,

an_maslova@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию психологического воображения, которое активизируется в процессе создания характеров героев литературного произведения, а также в процессе восприятия другого человека.

Рассматривается воображение как когнитивная способность, являющаяся частью сознания и имеющая силу воздействия на психологическую реальность человека. С одной стороны, воображение является связующим звеном между восприятием и целостным образом реальности; с другой стороны, оно позволяет выйти за пределы собственной личности и увидеть многообразие проявления другого способа существования. В качестве основы для анализа берется концепция ядерных аффектов, созданная на стыке психиатрии, психологии и философии, в основе которой лежит реальная психиатрическая практика. Согласно этой концепции существуют три различных модуса человеческого бытия, каждый из которых по-своему размыкает реальность. Причем каждый человек обладает лишь одним из трех способов существования, что ограничивает его восприятие мира. Однако воображение как возможность трансценденции позволяет выйти за пределы своей психологической ограниченности и буквально увидеть сущностные качества другого, отличного от своего способа существования. Более того, такое воображение становится психологическим, поскольку направлено на понимание через чувствование ядерной структуры другого человека или героя литературного произведения. В данной работе концепция ядерных аффектов позволяет сформулировать значимость психологического воображения

как способность видеть целостность человеческой природы. На примере создания героев романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» демонстрируется работа психологического воображения как мгновение психологического достраивания личностей героев, что соответствует функции интуиции. Именно интуиция как пограничная способность между сознательным и бессознательным включается в творческий процесс работы психологического воображения. Таким образом, мы получаем гибридную интуитивную способность проникать в сущностную, ядерную структуру психики человека.

Ключевые слова: психологическое воображение, интуиция, когнитивный феномен, сознание, мышление, способ существования

Для цитирования: Маслова А. В. Эпистемологический анализ воображения в литературном творчестве: роль интуиции в создании героев // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 2 (42). С. 66–78. DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.42.2.06>

Scientific research

UDC 159.954

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.42.2.06

EPISTEMOLOGICAL ANALYSES OF IMAGINATION IN THE LITERATURE WORK: THE ROLE OF INTUITION IN THE PROCESS OF CREATING HEROES

Anastasia V. Maslova

Moscow State Linguistic University,
st. Ostozhenka, 38, p. 1, Moscow, Russia, 109240,
an_maslova@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the study of psychological imagination, which is activated in the process of creating the characters of a literary work, as well as in the process of perception of another person.

We consider imagination as a cognitive ability, which is part of consciousness and has the power to influence the psychological reality of the person. On the one hand, imagination is a link between perception and a holistic image of reality, on the other hand, it allows to go beyond one's own personality and see the diversity of manifestation of another way of existence. The concept of nuclear affects, created at the crossroads of psychiatry, psychology and philosophy, is taken as the basis of the analysis, based on real psychiatric practice. According to this concept, there are three different moduses of human existence, each of which unlocks reality in its own way. And each person possesses only one of the three modes of existence, which limits his perception of the world. Imagination, however, as a possibility of transcendence, makes it possible to transcend one's psychological limitations and literally "see" the essential qualities of another, different from one's mode of existence. Moreover, such imagination becomes psychological insofar as it seeks to understand, through feeling,

the nuclear structure of another person or the hero of a literary work. In this paper, the concept of nuclear affects allows us to articulate the significance of psychological imagination as the ability to see the integrity of human nature. Using the example of the creation of the characters in F. M. Dostoevsky's novel *The Brothers Karamazov*, the work of psychological imagination is demonstrated as a moment of psychological completion of the characters' personalities, which corresponds to the function of intuition. It is intuition as a boundary ability between the conscious and the unconscious that is included in the creative process of the work of the psychological imagination. In this way we get a hybrid intuitive ability to penetrate into the essential, nuclear structure of human psyche.

Keywords: psychological imagination, intuition, cognitive phenomena, consciousness, thinking, way of existence

For citation: Maslova, A. V. (2022). Epistemological analysis of imagination in literary creativity: the role of intuition in the creation of Heroes. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (42), 66–78. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.42.2.06>

Воображение и тайна сознания

Сила воображения столь велика, что может привести к изменениям процессов в теле, самочувствию и даже порождению новых клеток в головном мозге. То, что называется силой сознания, еще до конца не изучено, поэтому эта тема столь притягательна для философии, подобно аттрактору она манит своей загадочностью. Если принять, что мир состоит из мельчайших энергетических волн, влияющих на нашу нервную систему, на психологию, на течение жизненных процессов и даже на общество в целом, то необходимо тщательно изучить механизмы этого влияния. В данной работе предлагается рассмотреть работу психологического воображения как способа создания психологических портретов героев литературного произведения. Проблема соотношения автора и героя ставится в контексте когнитивного действия воображения, в процессе которого происходит порождение новой реальности полноты психологического бытия.

За основу берется концепция ядерных аффектов, разработанная на стыке психологии, психиатрии и философии. Три способа существования представляют собой неслиянные модусы бытия, каждый из которых определяет психическую жизнь человека. На примере романа «Братья Карамазовы» будет показано, что Ф. М. Достоевский в своем произведении создал микрокосм психологической целостности. Уникальность этого микрокосма состоит в актуализации когнитивной способности психологического воображения. Более того, как внерациональный феномен оно является отдельным видом интуиции, наряду с чувственной, рациональной и мистической.

Воображение является *veram partem corporis* [Вирилио, 2004, с. 12] согласно Рене Декарту, который считал именно эту когнитивную способность ключевой в деле математика. Встроенность воображения в природу человека обусловлена эволюционным процессом адаптации к изменяющимся условиям

внешней и внутренней среды. Внутренняя среда представляет собой психологическую виртуальную реальность, где реализуются, будучи свернутыми, образы, предпонимание и предчувствие. Мысленный взор способен изменить человека, его отношение к привычным вещам, а также излечить от серьезных заболеваний [Диспенза, 2018, с. 206–300]. В современной нейронауке это называется нейропластичностью мозга. Происходят буквально чудесные изменения в психоэмоциональном здоровье человека, позволяющие ему преодолеть проблемы со здоровьем. Можно сказать, это работа естественной виртуальной реальности, провоцирующей реальные нейрохимические процессы. В связи с этим интересна гипотеза Д. Чалмерса относительно стирания границ между виртуальной реальностью и собственно реальностью *par excellence*. Виртуальные миры так же реальны, как и действительность *common sense* [Танюшина, 2021, с. 55].

Тривиальна фраза «мысль материальна», однако за ней стоит довольно сильная исследовательская база в области нейрофизиологии. Понятие жизненного мира становится не просто горизонтом бытия человека, но и его бессознательным помощником для реализации своих желаний и стремлений. Бессознательные образы внутреннего мира помогают улучшить свою жизнь, воплощая свои мечты в горизонте реальных событий. Воображение является посредником между двумя сферами внутреннего опыта: с одной стороны, оно эксплицирует потенциальные вспышки реального, с другой — преобразует внешнюю реальность и становится частью сознания как объемлющего информационного поля. Присутствие дуализма здесь кажется очевидным, однако если присмотреться к когнитивной способности воображения, то она не только соединяет внешнее и внутреннее, но и устраняет этот дуализм. Поскольку сознание вбирает воображение как свою неотъемлемую часть, оно становится его орудием преобразования и создания идеала [Конева, 2016]. Оно показывает нам то, чего еще нет в материальном мире, однако сама материя возникает благодаря волевым мыслительным процессам и семиозису. Декартовский дуализм остается за скобками в тот момент, когда мы начинаем размышлять о природе сознания. Сегодня с появлением квантовой теории и применением квантовой механики к процессам в сознании размывается сама граница между материей и тем, что ею не является. Более того, у нас нет ничего, кроме наших органов чувств и уверенности в правдивости их данных, что могло бы доказать существование «внешней» реальности. Онтология Парменида призывает исходить из тождества бытия и мышления еще до того, как мы стали разводить временное и вечное. Отсутствие дуализма открывает возможность понимать сознание как целостный онтогносеологический феномен, где внерациональные способности определяют, казалось бы, не поддающиеся управлению части сознания [Бажанов, 2016; Гаспарян, 2020, с. 84; Лешкевич, 2018, с. 220,]. Верно, что «только человеческие существа способны силой мысли повергнуть себя в отчаяние или привести в состояние радости, не испытывая никакого влияния извне» [Ньюберг, Уолдман, 2012, с. 118–119]. В этом, пожалуй,

заключается ключевое отличие человека от других живых существ. Литература как искусство воображать относится к той части сознания, где оно переходит в свою иную форму. О теле и способности воображать Жан-Люк Нанси пишет: «Продолжая идти под дождем и воображая форму горы, какой не существует в этом мире, — дождь бил по капюшону, словно камни, — я становился формой несуществующей горы» [Нанси, 1999, с. 147]. Язык, эта бесконечная сила творчества, позволяет сознанию выйти за пределы своего актуального восприятия реальности, быть запредельной сущностью, быть реальностью нереального.

Мышление как движущая сила сознания становится действительно тождественна бытию. «...Мысль есть тело, наемное пространство (location) бытия, иначе говоря, еще одно существование» [Нанси, 1999, с. 149]. В этом двойном существовании происходит акт творения. В этом зазоре бытия сознание сталкивается с новой реальностью, с тем, чего нет в действительности наших органов чувств.

Само воображение, его творческая сила стала оцениваться как ценность не так давно, начиная с эпохи Романтизма, по заверениям М. Пикеринга и К. Негуса [Негус, Пикеринг, 2011, с. 229]. До этого времени ученый и писатель понимались не как творцы, а лишь как те, кто мог читать книгу Природы и воспроизвести Божественное творение души. Сегодня мы видим в ученом уже не читателя, но писателя книги Природы, творца новых знаний, наполненных озарениями и творческим поиском истины. В этом смысле показателен опыт алхимика, который в своей лаборатории, подобно современному химику, ищущему новый способ блокировать раковые клетки, занят поиском философского камня, универсального средства вечной молодости, счастья и преобразователя металлов в золото. Ученый становится человеком искусства, а те, кто занимали нишу искусства, поэты, писатели, художники, музыканты, все они находятся в прямом контакте с вдохновением и воображением. Область, с которой они соприкасаются, позволяет достроить представление о мире до его целостности. «Эпифанию, или внезапное озарение можно описать как раскрытие значения, которое “способствует и/или служит основой для духовно значимой полноты или целостности”» [Негус, Пикеринг, 2011, с. 230]. Искусство как раз и питается от эпифанического опыта, природа которого наполнена буйством воображения.

Гильберт Райл в своей книге «Понятие сознания», определяя воображение включает в кавычки глаголы: *видеть, слышать, ощущать* и т. д. [Райл, 1999, с. 240]. Кавычки дают нам сигнал, что воображение не относится к действительному положению дел, это *als ob* реальности, хотя сама реальность представлена нам не иначе как через виртуальные волны цвета и звука. По меткому выражению нейрофизиологов Э. Ньюберга и М. Р. Уолдмана: «Цвет — плод нашего воображения, как и наше восприятие мира» [Ньюберг, Уолдман, 2012, с. 286]. То есть реальность является следствием работы, как скажет немецкий философ из Кенигсберга, продуктивной способности воображения. Именно

воображение является ключевой способностью генерировать представление о действительности, к которой мы не можем даже прикоснуться. В науке есть такой феномен, как теоретическая нагруженность факта; так здесь ситуация, сходная с этим феноменом: наше представление о мире нагружено воображением и от этого пока никуда не деться. Принятие этого факта нагруженности открывает путь к рассмотрению воображения как объемлющего поля целостностей реального мира, его представлений. Сознание благодаря воображению получает силу выхода за пределы самого себя. Г. Плеснер определял человека как принципиально эксцентричное существо: «...он не является ни самым близким себе, ни самым далеким от себя, и именно в этой эксцентричности своей жизненной формы он обнаруживает себя как отдельный элемент в стихии бытия, и тем самым, несмотря на несоразмерный бытию характер своего существования, входит в один ряд со всеми вещами этого мира» [Плеснер, 2004, с. 9]. Включенность человека в мировое целое, его вовлеченность в постоянный процесс самотворчества позволяет когнитивным способностям человека, его сознанию приоткрывать эту целостность, достраивать мир и самого себя. К такому целому относится идея ядерного аффекта, разработанная в лаборатории междисциплинарного синтеза психиатрии, психологии и философии [Вельтищев, 2006]. Несмотря на способность мозга меняться, подобно тому как Д. Дэннет определяет сознание через модель множественных набросков, все-таки остается неизменная структура психической реальности, возможность быть собой посредством единого стержня, определяющего поведение, реакции человека.

Психологическое воображение

Воображение является психологическим феноменом, поэтому следует пояснить сам термин *психологическое воображение* и его обоснованность в свете проблемы интуиции и творчества. Как мы описали выше, воображение является связующим звеном между разрозненными обрывками реальности и целостным представлением о мире. В связи с этим психологическое воображение выполняет данную функцию, но только не с реальностью как таковой, а с психическими характеристиками личности; оно помогает «увидеть» полноту психической жизни личности. Так происходит в процессе создания литературного произведения с участием различных героев, которые совершают поступки и принимают решения. Автор в данном случае является носителем психологического воображения, помогающего ему воплотить на страницах произведения целостные образы личностей героев.

Поиск единой и неизменной психической структуры занимает психологов и философов не один эон: начиная с Древней Греции были попытки описать душу как таковую в ее целостности. В Новое время появляется дисциплина — философская психология, которая призвана пролить свет на постулированный

Декартом феномен *res cogitans*. Однако этого было недостаточно, и в XIX в. возникает психология как отдельная ветвь гуманитарного знания, а сегодня уже психология стала междисциплинарным полем для решения вопросов, касающихся человеческой природы. В настоящем исследовании мы будем опираться на междисциплинарную концепцию ядерных аффектов, согласно которой человеческий мир разделен на три части, на три ядерных аффекта. Это три генуинные структуры, благодаря которым сохраняется единство и стабильность проявлений психики человека [Лызлов, Серавина, Ковалевская, 2011; Лызлов, Серавина, Ковалевская, 2012; Лызлов, Серавина, Ковалевская, 2013].

В качестве *case study* мы рассмотрим работу психологического воображения Ф. М. Достоевского и его воплощения в романе «Братья Карамазовы». Полифоничность романа заставляет нас вглядываться вглубь каждого героя, в поиске единства и целостности. Однако гений Достоевского изобразил не гармонию целого, но раскол единого. Причем этот раскол открывает возможность выхода за пределы своего ограниченного внутреннего круга, организующего личность, что открывает расширенную природу сознания. Эта трансдукция психического проявилась в героях братьев Карамазовых, в каждом из них произошла трансценденция за пределы своего ядерного аффекта.

Философское вопрошание обязывает нас задать вопрос о количестве ядерных аффектов: почему всего три, а не, например, четыре? Этот вопрос хоть и выходит за пределы нашего исследования, но позволим себе ответить на него. Возможно, в психиатрической практике пока получили наибольшую эффективность именно три ядерных аффекта, четвертого просто не встречалось на практике. Более того, в теоретическом обосновании теории ядерных аффектов применяется философия В. Дильтея, С. Кьеркегора и М. Хайдеггера, которые делили человеческую природу и мир на три составляющие. Три типа мировоззрения, три вида отчаяния и три способа бытия в мире характеризуют определенный способ восприятия реальности, как внешней, так и внутренней. Удивительность психологического воображения состоит в сборке воедино всех трех разрозненных способов существования.

Три брата, три личности, одна судьба, которую психологический гений Ф. М. Достоевский смог репрезентировать в своем романе. Если Л. Н. Толстой в романе «Анна Каренина» показывает в одном произведении столкновение характеров как трех целостностей, то Ф. М. Достоевский показывает расколотость целостности. На самом деле целостности никакой нет, это только виртуальность единства с двумя остальными ядерными аффектами, носителями которых являются другие, но не «Я».

Абсурд одностороннего существования человека вскрывается в акте отчаяния, когда возможен просвет инаковости. В этот момент происходит разрыв с самостью, представляющей один из трех способов бытия. Открытие пределов собственного психического горизонта приводит к смешению реального и идеального в сознании. Более того, самость рождается из семиозиса, который определяет ментальность и привычки поведения [Кон, 2018, с. 71]. Ядерный

аффект в этом смысле является нуклеарной частью семиотической сетки жизни, набрасываемой на разрозненные кластеры впечатлений. В обычной жизни ядерный аффект и семиозис находятся в гармонии, когда реакции и душевные интенции соответствуют гениальной психической структуре личности. В творческом процессе создания образов героев происходит вначале раскачивание внутренней гармоничной целостности, потом выход за ее пределы для наиболее точного описания психологических портретов героев. Так происходит с Достоевским, когда он создает образы трех братьев романа «Братья Карамазовы». Сам автор романа, являясь носителем лишь одного из трех ядерных аффектов, а именно тоскливого (что соответствует средневековому способу существования), выстраивает семиотическую сеть двух других. В этом состоит интуиция мыслей, чувств и эмоций другого, чему способствует развитое воображение. *Intuitio* (лат.) означает прямое видение, непосредственное восприятие, связанное, как правило, с визуализацией. Существует несколько видов интуиции, такие как чувственная, интеллектуальная, мистическая, эйдетическая, концептуальная, а также профессиональная. Способность эмпатии коррелирует с чувственной интуицией, одним из качеств которой является невыразимость. Только после испытания озарения можно вербализовать «увиденное». Также интуиция обладает функцией самодообраивания: она с помощью мгновенного схватывания целостной картины воспроизводит недостающие пазлы [Князева, Курдюмов, 1994]. Психологическое воображение выполняет сходную с интуицией самодообраивания функцию: оно способно схватить сущностное ядро собственного способа существования и двух других, отличных от него. Увидеть целостность психики позволяет именно интуитивная способность проникать в инаковость другого и воспроизвести из нее целостную личность, которую, пожалуй, может вобрать *de facto* существо только Божественного порядка. Алексей, Дмитрий и Иван в качестве плода воображения Достоевского являются расширением его сознания, как если бы он сам одновременно был и не был самим собой и героями собственного романа. Возможно, образы героев, как правило, приходят бессознательно, как поток интуитивных озарений, сплавленных со способностью воображения. Внутренний взор способен на многое, что показывает психологическая практика американского психолога А. Лазаруса [Лазарус, 2000]. В момент внутреннего озарения происходит удивительная психосоматическая настройка на «увиденный» образ. Так работает интуиция, когнитивная способность, находящаяся на границе бессознательного и сознательного, биосемиотического и символического. Эмпатическая сила вживания в переживания другого отражает способность расширять с помощью сознания семиотическое поле, в котором рождаются символические зоны понимания. Особенно сильно это свойство сознания проявляется в переживании воображаемых миров в процессе чтения литературного произведения [Шохин, 2021].

Так, главный герой романа Алексей Карамазов представляет собой созвучный самому автору романа способ существования, который размыкает реальность

посредством чувства [Лызлов, Серавина, Ковалевская, 2012, с. 63]. В контексте христианской традиции — это вера, надежда, любовь. Поэтому Алексей предстает в образе монаха, посвятившего свою жизнь любви к Богу. Описывая Алексея и выстраивая в романе его линию судьбы, Достоевский описывает самого себя, эксплицирует свои внутренние интенции. Примечательно, что в романе именно Алексей играет роль аттрактора чувств своих братьев, он притягивает их подобно гравитации, не давая им сорваться в состояние отрешенности, что указывает на ось романа, а именно на ядро личности самого автора.

Способность психологического воображения способствует прямому видению реакций и последствий поступков тех личностей, чья структура отлична от носителя психологического воображения. В этом состоит интуитивное достраивание психической реальности до ее целостности, которая репрезентируется в образах героев. Психологическое воображение в данном случае выполняет функцию интуиции как способности мгновенно находить недостающие пазлы в картину психической реальности человека.

Инаковость другого открывает для сознания новые семантические поля, которые нуждаются в достраивании до целостного представления. Как правило, мы не осознаем, какого ядерного аффекта мы сами являемся, а действуем внутри него в большей степени по сформировавшейся привычке, поэтому можно предугадывать те или иные поступки людей, поскольку их действия предопределены их ментальными, психическими привычками.

Автор романа, выстраивая линии жизни своих героев должен разомкнуть свой горизонт ядерного аффекта, выйти за его пределы с помощью способности сознания представить иную психическую детерминанту и при этом не утратить собственную. Если утрачивается собственная целостность семиотического поля привычек, то происходит психическая деменция, искажение восприятия себя самого, что похоже на симптомы шизофрении. Развитое воображение, или гиперфантазия, способствует появлению и усилению страхов, а также психозов, поэтому у робота с искусственным интеллектом невозможны какие-либо психические отклонения, даже если он будет испытывать квази-эмоции. Поэтому исследование феномена воображения, в том числе психологического, необходимо для лучшего понимания измененных состояний сознания, когда границы субъективного размываются и сознание уже перестает быть цензором нашей жизни, а перевоплощается в проводника в иные психические реальности. В процессе создания литературного произведения сознание автора претерпевает подобную трансформацию, только без химических стимуляций извне. Психологическое воображение выступает в нашем исследовании в качестве стимулятора трансперсональной функции сознания, оно активизирует способность как бы становления другим человеком в глубинном психическом смысле. Более того, психологическое воображение в сочетании с литературным талантом помогает наиболее точно описать инаковость другого.

В теории ядерных аффектов существует понятие идеала, которое означает интенцию к другому способу бытия, стремление к обретению тех качеств,

которых не хватает в собственном способе бытия. Герой романа Алексей предстает в роли такого идеала для Дмитрия и Ивана одновременно; по сути, это стягивание двух лучей, направленных на сознание автора, представляющее собой третий способ существования.

Пересечение жизненных миров автора и героев происходит в границах естественной виртуальной реальности творца произведения, причем сама граница этих миров устанавливается благодаря интуиции, с помощью которой достраивается целостность психической реальности. Таким образом, мы можем сказать, что психологическое воображение является интуитивной способностью прямо видеть ядерную структуру психики человека, поскольку герои романа в своих проявлениях отражают изнанку психики человека, подчас в жизни при естественном наблюдении недоступную взору не только обывателя, но и профессиональных психологов.

В данной статье было проанализировано понятие психологического воображения в качестве интуитивной способности усматривать ядро психики человека. На основе концепции ядерных аффектов была выдвинута гипотеза о наличии в сознании способности психологического воображения, которое активизируется при создании, в частности, литературного произведения и выстраивании жизненных линий героев. На примере романа Достоевского «Братья Карамазовы» мы выявили, что характеры трех братьев являются расширением сознания самого автора, причем именно точное описание поведения двух чуждых автору аффектов демонстрирует способность психологического воображения. Делается вывод, что психологическое воображение является одним из видов интуиции, коррелирующей с чувственной интуицией и интуицией самодостраивания. Можно сказать, что психологическое воображение демонстрирует совершенно новую интуитивную способность, которая не обязательно присутствует только у писателей, которые смогли психологически точно описать своих героев как различные модусы бытия, проявляющиеся в трех ядерных аффектах. Поэтому особенно важно развивать психологическое воображение практикующим психологам и всем, кто вступает в диалог, так как ключевой аспект человеческого взаимодействия — это понимание, а без интуиции достичь понимания, как правило, невозможно.

Список литературы

1. Бажанов В. А. Социально-культурная революция в нейронауке: новые грани кантианской программы // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 126–138.
2. Вельтищев Д. Ю. Аффективная модель стрессовых расстройств: психическая травма, ядерный аффект и депрессивный спектр // Социальная и клиническая психиатрия. 2006. Т. 1. № 3. С. 104–108.
3. Вилирио П. Машина зрения. СПб.: Наука, 2004. 140 с.
4. Гаспарян Д. Э. Феноменология без трансцендентального субъекта: нейрофеноменология и энактивизм в поисках перспективы от первого лица // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 1. С. 80–96.

5. Диспенза Д. Сверхъестественный разум. Как обычные люди делают невозможное с помощью силы подсознания. М.: Э, 2018. 560 с.
6. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Интуиция как самодостраивание // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 110–122.
7. Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 344 с.
8. Конева А. В. Понятие и структура социального воображения // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 51–60.
9. Лазарус А. Мысленным взором: образы как средство психотерапии. М.: Класс, 2000. 144 с.
10. Лешкевич Т. Г. «Сознание, творящее реальность». Есть ли выход из словесного лабиринта? // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 2. С. 220–227.
11. Лызлов А. В., Серавина О. Б., Ковалевская О. Ф. Апатия как ядерный аффект: опыт структурно-психологического анализа // Вопросы психологии. 2013. № 2. С. 65–79.
12. Лызлов А. В., Серавина О. Б., Ковалевская О. Ф. Тоска как ядерный аффект: опыт структурно-психологического анализа // Вопросы психологии. 2012. № 5. С. 62–72.
13. Лызлов А. В., Серавина О. Б., Ковалевская О. Ф. Тревога как ядерный аффект: опыт структурно-психологического анализа // Вопросы психологии. 2011. № 4. С. 66–77.
14. Лызлов А. В., Серавина О. Ф., Ковалевская О. Б. Феноменология восприятия и аффективность // Вопросы психологии. 2011. № 2. С. 101–111.
15. Нанси Жан-Люк. *Corpus*. М.: Ad marginem, 1999. 255 с.
16. Негус К., Пикеринг М. Креативность. Харьков: Гуманитарный Центр, 2011. 299 с.
17. Ньюберг Э., Уолдман М. Р. Как Бог влияет на ваш мозг: революционные открытия в нейробиологии. М.: Эксмо, 2012. 569 с.
18. Плеснер Г. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М.: РОССПЭН, 2004. 367 с.
19. Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. 408 с.
20. Танюшина А. А. Виртуальный реализм, информационная онтология сознания и структурный реализм в философии Дэвида Чалмерса // Философский журнал. 2021. Т. 14. № 4. С. 53–64.
21. Шохин В. К. Так называемый парадокс художественной литературы и трансцендентальная онтология // Философский журнал. 2021. Т. 14. № 1. С. 20–35.

References

1. Bazhanov, V. A. (2016). Social'no-kul'turnaya revolyuciya v nejronauke: novy'e grani kantianskoj programmy` [The Socio-Cultural Revolution in Neuroscience: New Facets of the Kantian Program]. *Question of philosophy*, 8, 126–138. (In Russian).
2. Dispenza, D. (2018). *Sverhestestvennyj razum. Kak obychnye lyudi delayut nevozmozhnoe s pomoshch'yu sily podsoznaniya* [A Supernatural mind. How ordinary people do the impossible with the power of the subconscious]. Moscow: E. 560 p. (In Russian).
3. Gasparyan, D. E. (2020). Fenomenologiya bez transcendental'nogo sub`ekta: nejrofenomenologiya i enaktivizm v poiskah perspektivy` ot pervogo lica [Phenomenology without a transcendental subject: Neurophenomenology and enactivism in search of a first-person perspective]. *Philosophy magazine*, 13, 1, 80–96. (In Russian).
4. Knyazeva, E. N. & Kurdyumov, S. P. (1994). Intuiciya kak samodostraivanie [Intuition as self-construction]. *Questions of philosophy*, 2, 110–122. (In Russian).

5. Kon, E. (2018). *Kak myslyat lesa: k antropologii po tu storonu cheloveka* [How forests think: Towards anthropology on the other side of man]. Moscow: Ad Marginem Press. 344 p. (In Russian).
6. Koneva, A. V. (2016). Ponyatie i struktura social'nogo voobrazheniya [The Concept and the Structure of Social Imagination]. *Questions of philosophy*, 5, 51–60. (In Russian).
7. Lazarus, A. (2000). *Myslennym vzorom: Obrazy kak sredstvo psihoterapii* [In the mind's eye: The power of Imagery for personal Enrichment]. 144 p. Moscow: Klass. (In Russian).
8. Leshkevich, T. G. (2018). «Soznanie, tvoryashchee real'nost'». Est' li vy'hod iz slovesnogo labirinta? [“Consciousness creates reality”. Is there a way out of the verbal labyrinth?] // *Epistemology and philosophy of science*, 55, 2, 220–227. (In Russian).
9. Ly'zlov A.V., Seravina O.B., & Kovalevskaya O.F. (2013) Apatiya kak yadernyj affekt: opyt strukturno-psihologicheskogo analiza [Apathy as a nuclear affect: experience of structural-psychological analysis]. *Questions of psychology. Voprosy psichology*, 2, 65–79. (In Russian).
10. Ly'zlov, A. V., Seravina, O. B., & Kovalevskaya, O. F. (2012). Toska kak yadernyj affekt: opyt strukturno-psihologicheskogo analiza [Longing as a nuclear affect: experience of structural-psychological analysis]. *Questions of psychology*, 5, 62–72. (In Russian).
11. Ly'zlov, A. V., Seravina, O. B., & Kovalevskaya, O. F. (2011). Trevoga kak yadernyj affekt: opyt strukturno-psihologicheskogo analiza [Anxiety as a nuclear affect: experience of structural-psychological analysis]. *Questions of psychology*, 4, 66–77. (In Russian).
12. Ly'zlov, A. V., Seravina, O. F., & Kovalevskaya, O. B. (2011). Fenomenologiya vospriyatiya i affektivnost' [Phenomenology of perception and affectivity]. *Questions of psychology*, 2, 101–111. (In Russian).
13. Nansi, Zhan-Lyuk. (1999). *Corpus*. Moscow: Ad marginem. 255 p. (In Russian).
14. Negus, K., & Pikerin M. (2011). *Kreativnost'* [Creativity]. 299 p. Kharkov: Gumanitarnyj Center. (In Russian).
15. N'yuberg, E., & Uoldman M. R. (2012). *Kak Bog vliyaet na nash mozg: Revolyucionnye otkrytiya v nevrobiologii* [Hiw God impacts our brain: Revolutionary discoveries in neurobiology]. Moscow: Eksmo. (In Russian).
16. Plesner, G. (2004). *Stupeni organicheskogo i chelovek: Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu* [The levels of organic and human: Introduction to philosophical anthropology] Moscow: ROSSPEN. 367 p. (In Russian).
17. Ryle, G. (1999). *Ponyatie soznaniya* [The notion of consciousness]. Moscow: Ideya-Press; Dom intellektual'noj knigi. 408 p. (In Russian).
18. Shohin, V. K. (2021). Tak nazyvaemyj paradoks hudozhestvennoj literatury i transcendentallynyya ontologiya [The so-called paradox of fiction and transcendental ontology]. *Philosophy journal*, 14, 1, 20–35. (In Russian).
19. Tanyushina, A. A. (2021). Virtualnyj realizm, informacionnaya ontologiyasoznaniya i strukturnyj realizm v filosofii Devida Chalmersa [Virtual realism, information ontology of consciousness and structural realism in the philosophy of David Chalmers]. *Philosophy journal*, 14, 4, 53–64. (In Russian).
20. Vel'tish'ev, D. Yu. (2006). Affektivnaya model' stressovy'h rasstrojstv: psihicheskaya travma, yadernyj affekt i depressivnyj spektr [The affective model of stress disorder: trauma, nuclear affect and the depressive spectrum]. *Social'naya i klinicheskaya psihiatriya*, 1, 3, 104–108. (In Russian).
21. Vilirio, P. (2004). *Mashina zreniya* [The vision machine]. Sankt Petersburg: Nauka. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Маслова Анастасия Владиленовна — кандидат философских наук, доцент кафедры философских наук, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Москва, Россия, 109240,
an_maslova@inbox.ru

Maslova Anastasia Vladilenovna — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophical Sciences Moscow State Linguistic University, Ostozhenka str., 38, b. 1, Moscow, Russia, 109240,
an_maslova@inbox.ru

Научно-исследовательская

УДК 130.33

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.42.2.07

ЭТИКА БЛАГОГОВЕНИЯ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ КАК НРАВСТВЕННЫЙ РЕСУРС ИНСТИТУТА ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ

А. В. Исаев

Воронежский государственный университет,
Университетская площадь, 1, Воронеж, Россия, 394018,
isaevandrew@mail.ru

Аннотация. В статье делается попытка осмыслить этические идеи А. Швейцера в контексте современной философии и культуры. Его мысли о святости жизни, о жизни как метафизическом даре особенно важны и актуальны в контексте современной культуры и медицины, все более проникающихся духом прагматизма, дегуманизации и корыстолюбия. В то же время подчеркивается амбивалентный характер этики Швейцера, его радикальный биоцентризм, что создает определенные сложности в плане экстраполяции его идей в контекст современных здоровьесберегающих стратегий. В статье ставится вопрос о связи между онтологическим принципом благоговения перед жизнью и этическим императивом всеобщей ответственности за нее. Отмечается, что эта связь может найти полноценную реализацию в контексте христианских ценностей, которые для Швейцера были главным мировоззренческим и духовным истоком его этики.

Ключевые слова: этика благоговения перед жизнью, А. Швейцер, жизнь, здоровье, медицина, биоэтика, биоцентризм, наука, аксиология, христианство, гуманизм

Для цитирования: Исаев А. В. Этика благоговения перед жизнью как нравственный ресурс института здоровьесбережения // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 2 (42). С. 79–89. DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.42.2.07>

Scientific research

UDC 130.33

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.42.2.07

ETHICS OF REVERENCE FOR LIFE AS A MORAL RESOURCE OF THE INSTITUTE OF HEALTH SAVING

Andrey V. Isaev

Voronezh State University,
University Square, 1, Voronezh, Russia, 394018,
isaevandrew@mail.ru

Abstract. The article attempts to comprehend the ethical ideas of A. Schweitzer in the context of modern philosophy and culture. His thoughts about the sanctity of life, about life as a metaphysical gift, are especially important and relevant in the context of modern culture and medicine, which are increasingly imbued with the spirit of pragmatism, dehumanization and greed. At the same time, the ambivalent nature of Schweitzer's ethics, his radical biocentrism is emphasized, which creates certain difficulties in terms of extrapolating his ideas into the context of modern health-saving strategies. The article raises the question of the connection between the ontological principle of reverence for life and the ethical imperative of universal responsibility for it. It is noted that this connection can be fully realized in the context of Christian values, which for Schweitzer were the main ideological and spiritual source of his ethics.

Keywords: Ethics of reverence for life, A. Schweitzer, life, health, medicine, bioethics, biocentrism, science, axiology, Christianity, humanism

For citation: Isaev, A. V. (2022). Ethics of Reverence for life as a moral resource of the Institute of Health Care. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (42), 79–89. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.42.2.07>

Альберт Швейцер, немецкий философ, протестантский теолог и врач, является одной из самых выдающихся личностей XX в., а его многогранное наследие стало плодотворной интеллектуальной и этической почвой, давшей мощный импульс для многих направлений гуманитарного и социального знания. Фундаментальная этико-гуманистическая составляющая философии Швейцера может и должна быть востребована именно сегодня, поскольку тенденции дегуманизации в различных областях культуры в последние десятилетия приобрели ярко выраженный характер.

Это один из немногих философов, особенно остро чувствовавший и понимавший кризисное состояние европейских ценностей, утрату фундаментальных духовных оснований этики и перевод ее в прикладное состояние, опасность гонки научно-технического прогресса и обесценивание человеческой жизни. Известный отечественный философ-этик А. А. Гусейнов так характеризует творчество мыслителя: «Безумию и сложности века он противопоставил ясность

и простоту этически осмысленного существования. Он показал, что человек может жить ответственной и достойной жизнью. Надо лишь восстановить утраченную связь культуры с этикой, осознать, что только элементарная нравственность задает вектор, противостоящий хаосу бытия» [Гусейнов, URL].

Мы полагаем, что особую важность идеи Швейцера имеют сегодня для сферы медицины, поскольку *процессы дегуманизации* затронули и эту область. Сегодня высказывается большая озабоченность по поводу этих процессов. Уже давно замечено, что интенсивность развития технологий прямо пропорциональна нравственной деградации общества и человека.

Такие явления, как технологизация, прагматизация, коммерциализация, увы, коснулись и медицины, что обостряет вопрос о врачебной этике, о ее современном состоянии, адекватности новейшим биотехнологиям, которые сделали гигантский рывок в последнее время. Британский специалист по медицинской этике Д. Сокол говорит о рисках пластической хирургии, что из-за материальной выгоды общество может утратить доверие к врачам, поскольку подобные процедуры не соответствуют духу клятвы Гипократа [Сокол, 2020, с. 24, 26].

Однако это не исключительно внутренняя проблема медицины; здесь имеют место процессы, затрагивающие глубинные основания духовной культуры общества. Основная идея Швейцера — этика благоговения перед жизнью, — как нам представляется, может стать мощным нравственным ресурсом для преодоления кризиса, в котором находится сегодня культура и такая ее важная часть, как институт здоровьесбережения.

Этот кризис проявляется во многом. Но, пожалуй, наиболее серьезное его проявление в том, что сегодня в обществе существует невероятный культ здоровья, здорового образа жизни и в то же время налицо устойчивая тенденция по ухудшению состояния здоровья населения, в том числе и среди молодого. Наряду с распространением различных практик, направленных на омоложение, повышение продолжительности жизни, распространены деструктивные формы отношения к жизни. Предпринимаемые государством часто внушительные меры оказываются просто неэффективными. «В чем причины утраты физического и психического здоровья, планетарных пандемий?» — спрашивает современный исследователь [Герасимова, 2021, с. 66].

Можно сказать, что деструктивное отношение к жизни, весьма распространенное сегодня, в терминах Швейцера носит название философии жизнеотрицания, которому противостоит философия жизнеутверждения. Нравственное отношение к жизни — это отношение жизнеутверждения, и наоборот. Однако простой декларацией здесь не обойтись. На долю философии приходится поиск причин различных мировоззренческих, в том числе и девиантных типов отношения к жизни. Среди причин такой кризисной и парадоксальной ситуации на первом месте, мы считаем, находятся факторы аксиологического порядка, связанные с понижением духовной и метафизической ценности жизни. Современный человек по преимуществу относится к жизни исключительно как к эмпирическому явлению в гедонистическом формате.

Относительно ценности жизни возможна такая проблематика: жизнь ценна, потому что она имеет метафизическое измерение или, наоборот, именно потому что у жизни нет метафизических оснований она имеет абсолютную ценность? Здесь имеет место столкновение двух аксиологических подходов по отношению к жизни: имманентный и трансцендентный. Первый постулирует ценность жизни самой по себе, без всяких отсылок к трансцендентному. Жизнь конечна и коротка, но именно эти, по сути дела, трагические свойства и придают ей внутреннюю ценность, которая теряется в случае бесконечности жизни, то есть бессмертия, пускай и в потусторонней реальности.

Спор этот давний, берущий основание в метафизически противоположных системах Платона и Аристотеля, в дальнейшем вылившийся в оппозицию между научным, преимущественно имманентным подходом к жизни, и религиозно-философским. Абсолютно жесткой и непроходимой границы между ним нет, но в недрах каждого подхода формируется соответствующая апологическая аргументация по поводу этих противоположных мировоззренческих позиций. А. Швейцер однозначно разделял метафизический подход к жизни, и для нас важно определить, насколько актуальны и значимы его идеи для реабилитации во многом утраченной ценности жизни сегодня уже не только как духовного, но и как естественного феномена.

Ядро и кульминацию философского творчества Швейцера составляет его этика благоговения перед жизнью. Примечательным здесь является тот факт, что Швейцер сам был практикующим врачом, а это значит, что он на собственном опыте особенно остро чувствовал хрупкость и ценность каждой человеческой жизни, ее духовную и физическую уникальность и неповторимость. Главный этический постулат, утверждающий священность и неприкосновенность жизни (чудо витальности) не только человеческой, но жизни на земле выглядит так: «Я — жизнь, которая хочет жить, я жизнь — среди жизни, которая хочет жить» [Швейцер, 1992, с. 217].

Этот этический постулат онтологического характера вызывает к нормативному постулату, по сути к этическому императиву, согласно которому человек несет безграничную ответственность за все, что живет. Это своего рода новизна для европейской этической теории, поскольку в кантовской трактовке категорического императива не было понятия ответственности. Так же нет ответственности в триаде нравственных основоположений и у В. С. Соловьева, где наряду с благоговением перед высшим соседствует сострадание к равному и жалость перед низшим. Можно, конечно, вывести из этих отношений норму ответственности, но она уже будет носить опосредованный характер.

Конечно, есть определенные теоретические сложности между этико-эмоциональным чувством благоговения перед жизнью и императивом ответственности перед ней, всегда уводящим в суровую правовую реальность. Но у Швейцера эта связь во многом носит аксиоматический характер, являясь антропологической нормой этически вменяемого субъекта.

Оригинальную трактовку идеи ответственности у Швейцера дает современный ученый-этик А. Е. Зимбули. Отмечая особую важность этой идеи, он пишет: «Более богатые, более здоровые не вправе просто пользоваться тем, что им досталось от судьбы. Они призваны постараться сделать так, чтобы уменьшить контраст между своей жизнью и жизнью тех, кто оказался менее богатым, удачливым, здоровым» [Зимбули, 2017, с. 10]. Это важное утверждение, идущее вразрез с современной коммерциализацией и приватизацией здравоохранения в США, Европе, и в последние годы в России. Увы, часто основным принципом оказания медицинской помощи является не безусловное выполнение врачом своего этического долга, но «легальность» оказания помощи: *пациент* становится *клиентом*, а финансово преуспевающие частные клиники заботятся о стабильно высоком доходе, а не о том, чтобы разделить свои ресурсы с нуждающимися в лечении.

Особенности этической мысли Швейцера невозможно правильно истолковать, а значит, и применить вне понимания того, какое значение для него имеет христианство. Он так объясняет исток своей этической мысли: «Этика благоговения перед жизнью — это универсальная этика любви. Это осознанная во всей своей логической необходимости этика Иисуса» [Швейцер, 1992, с. 29]. При этом Швейцер выходит за догматически-богословские рамки и видит в христианской религии мощный духовный ресурс европейской культуры, в котором исток самого *вопрошания человека о смысле и ценности его жизни*. По сути дела, религию он воспринимает философски, как традиционное смысложизненное вопрошание философии: «В религии мы пытаемся найти ответ на элементарный вопрос, с которым каждый из нас заново сталкивается каждое утро, а именно: какой смысл и какую ценность следует приписывать нашей жизни? Что я такое в этом мире? Каково мое назначение в нем? На что я могу в нем надеяться? Я не хочу рассматривать свое существование просто как что-то рождающееся и умирающее среди бесчисленных миллионов подобных же существ, заполняющих вселенную. Я хочу видеть в нем жизнь, которая, если я правильно понимаю ее и живу в соответствии с истинным знанием, имеет смысл и ценность» [Швейцер, URL].

Исходя из этого, мы считаем, что этический постулат этики Швейцера об ответственности за все живое необходимо, прежде всего, рассмотреть в христианском контексте, как призыв к осознанию *важности своей собственной жизни, дарованной Богом*, а следовательно, необходимости внимания к своему самочувствию и здоровью как ценностям духовного порядка. Швейцер предлагает воспринимать свое тело не только как нечто конечное, смертное, уязвимое и временное, а, напротив, как нечто сакральное, безусловно важное и уникальное, что заслуживает благоговейного отношения и духовной, и физической заботы. Более того, *забота о жизни и здоровье приобретает статус этической нормы*: «Добро — то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь и препятствует ей» [Швейцер, 1992, с. 218].

Определяющими для Швейцера были философские построения гуманистического характера. Осознание ценности жизни у Швейцера тесно связано

с *этичностью как таковой*: «Человек этичен только тогда, когда для него священна жизнь как таковая, и человеческая, и всех созданий...» [Швейцер, 1973, с. 6]. «Благоговение перед жизнью, возникшее в мыслящей воле к жизни, включает в себя миро- и жизнеутверждение в тесном переплетении с этикой. Оно, следовательно, постоянно включает в себя все идеалы этической культуры и постоянно побуждает их к полемике с действительностью» — пишет Швейцер [Швейцер, 1992, с. 229].

Этика Швейцера носит принципиально неутилитарный характер, что особенно важно для сегодняшней ситуации коммерциализации и прагматизации жизни и здоровья. Это вообще редко для сегодняшнего состояния культуры, когда ценности, в том числе и нравственные, все больше носят инструментально-прикладной характер.

Жизнь и, соответственно, здоровье следует ценить не «для», а «потому что». В понимании Швейцера, жизнь заслуживает внимания и заботы не для того, чтобы обеспечить телу максимальную комфортность и функциональность, эстетически привлекательный внешний вид и социальный имидж — основания, которые, как часто показывает практика, легко уязвимы, потому и жизнь, и телесное здоровье являются уникальным Божьим даром, который необходимо беречь и к которому следует относиться с благоговением.

При этом этика благоговения перед жизнью и следование христианским идеалам гуманизма есть не абстрактная идея, но *конкретная жизненная задача каждого человека*. Будучи духовным фундаментом культуры, мы убеждены, что этические идеи Альберта Швейцера способны служить основой для построения новой врачебной деонтологии. Утверждая принцип всеобщей ответственности за каждый живой организм и принцип самопожертвования ради жизни и бытия другого живого существа, Швейцер задает *канон врача*, построенный на этике долга перед всем живым. Именно врач в первую очередь должен быть в обществе носителем и образцом этического принципа благоговения перед жизнью. На врача в подлинном смысле слова, согласно этике Швейцера, возлагаются обязанности не только профессионально выполнять свои лечебно-диагностические действия, но и транслировать в общество этические и гуманистические идеи, жертвенно служить своему долгу и мотивироваться в своих действиях исключительно *альтруистическими* намерениями.

Необходимо сказать, что Швейцер сам в полной мере в собственной медицинской практике реализовывал образ врача-служителя, верного высоким принципам гуманизма. Исследователи А. Я. Иванюшкин и И. Е. Смирнов описывают, как в своей врачебной практике Швейцер старался приложить максимум усилий для реализации своего принципа благоговения перед жизнью, своим примером демонстрируя воплощением своих этических идей: «Здесь мы имеем дело с ростками новой философии больничного дела: отчуждению человека в современных медицинских учреждениях (одна из причин интенсификация технизации медицины) должна быть противопоставлена гуманизация больничного пространства» [Иванюшкин и Смирнов, 2014, с. 51].

«Гуманизация больничного пространства» есть в подлинной мере и гуманизация культуры, насколько последняя связана с медициной. Этика благоговения перед жизнью выстраивает самые непосредственные и глубокие связи между медициной и культурой. При этом есть определенные препятствия в использовании этики Швейцера для решения проблем современности. В ситуации свободного рынка неолиберальной экономики и постмодернистской культуры именно такие, кажущиеся наивными принципы уникальности каждой человеческой жизни и о бескорыстном долге врача, являются как нельзя более актуальными, особенно в ситуации всеобщего цинизма и коммерции в сфере здравоохранения. Профессиональное врачебное сообщество, в свою очередь, остро нуждается сегодня в духовно-нравственной перезагрузке, которую, мы полагаем, частично может обеспечить изучение этического учения Швейцера, и его ценностных христианских оснований.

Но при этом необходимо также сказать и о трудностях, связанных с реализацией христианских ценностей Швейцера для решения экологических, медицинских и здоровьесберегающих проблем. Дело здесь не столько в религиозности, а в самой медицинской науке и системе, которые сегодня не просто отошли от принципов гуманной медицины и врачевания, но стоят принципиально на биоцентристских естественно-научных позициях.

Исполнительный директор Британской академии Х. Шах говорит, что «прогресс в состоянии здоровья в глобальном масштабе невозможен, если исходить только из его узкой медицинской трактовки. Ментальное здоровье людей нельзя улучшить только с помощью медицинских достижений. Надо обращать внимание на влияние социального контекста» [Федотова, 2021, с. 38]. Сам дисциплинарный статус медицины выходит за пределы научного этоса: «Медицина, как часть культуры человечества, связанная со здоровьем и болезнями, лишь частично относится к сфере науки, она шире этого понятия, как мышление клиническое и этически богаче мышления научного, хотя базируется именно на нем, а не на здравом смысле или вере» [Утехин, Чурилов, 2013, с. 142].

Это дискуссия, давно обсуждаемая в западной и отечественной философии науки (Е. А. Мамчур, В. М. Розин, В. Г. Горохов, В. Н. Порус и др.). Она в конечном счете выходит на традиционный этико-эпистемологический конфликт между аксиологической нейтральностью научного исследования и ценностной ангажированностью ученого, осуществляющего научное исследование. Поэтому существуют этические комитеты, которые ограничивают научную деятельность, ослабляя риски, вред и опасности для общества, которые может принести с собой научное изобретение.

В ситуации врача, который, с одной стороны, является представителем науки, с другой стороны, носителем этических и гуманистических принципов, обозначенных Гиппократом, этот конфликт приобретает особую остроту. Этическая установка Швейцера гласит, что врач не должен быть только профессионалом, медиком-ученым, но, прежде всего, врач, будучи профессионалом, должен быть обращенным к *человеку* — его жизни, нуждам, страданиям и несчастью.

Это говорит о возможности *совмещения этики Швейцера и естественно-научной составляющей* профессии врача, поскольку она может решать моральные дилеммы между принципом абсолютного ненасилия по отношению к жизни и ситуациями, когда ущерб жизни неизбежен. Но целесообразность наносимого вреда и его минимизация может быть установлена лишь в соответствии с христианским принципом любви. Принцип благоговения перед жизнью совершает этическое чудо. В ее контексте почитание физической жизни является катализатором для благоговения перед духовной составляющей жизни.

Есть еще один важный и актуальный аспект этики благоговения перед жизнью, который следует также отметить. Это определенный вклад в решение современной проблемы геронтофобии, которая приобрела весьма распространенный характер как раз в тех слоях населения, где особенно сильно проявляет себя культ телесности и здоровья (хэлсизм). Этика Швейцера утверждает равноценность жизни молодого и пожилого человека; в любом возрасте жизнь имеет абсолютную ценность, а тело является сакральным. Этика Швейцера, таким образом, помогает бороться с геронтофобией и эйджизмом — дискриминацией людей по признаку их возраста, — а также с приобретенными болезнями формы «гламуризации» культуры.

От самой медицины и политики здоровьесбережения можно ожидать поворот к гуманности, декоммерциализации и возрождению истинных принципов медицинской этики, заложенной еще Гиппократом, в случае проникновения принципов благоговения перед жизнью в самую субстанцию врачебной профессии и медицинского этоса.

При этом есть определенные сложности с этикой благоговения перед жизнью, поскольку она носит амбивалентный характер. С одной стороны, глубокая укорененность этой этики в христианском вероучении раскрывает высшую духовную ценность жизни как Божьего творения, требующей охраны, заботы и благоговения. Это, бесспорно, антитеза тому бездушно-прагматическому, циничному и нигилистическому отношению к духовным ценностям, в том числе и к жизни, которое весьма широко распространено сегодня.

С другой стороны, Швейцер культивирует жизнь как таковую, ее биологическую данность, не выделяя при этом специфики человеческого бытия. Человеческая жизнь полностью отождествляется с остальными биологическими видами жизни. Говоря о ценности жизни, Швейцер говорит о *ценности биологической жизни* как таковой, давая основу для радикального экологизма, совершенно не учитывающего антропологическую специфику человеческого бытия.

Такие взгляды характеризуются в терминах биоцентризма. На это указывает отечественный исследователь: «Этика благоговения имеет своим предметом отношение ко всему живому, существующему» [Морозов, 2018, с. 80]. Швейцеровское понимание жизни, таким образом, подчеркивает единство человеческой формы жизни со всеми остальными биологическими формами жизни. Биоцентризм этики Швейцера, такая интегральная святость биологической

формы жизни размывает понятие духовной ценности жизни и представляет именно в этом аспекте пантеистическое мировоззрение.

Расширенное понимание ценности жизни в целом, без уточнения ее антропологической уникальности, снижает ценность естественного здоровья и человеческой жизни. Мы исходим из постулата о принципиально качественной инаковости человеческой жизни и нечеловеческой. Однако это нисколько не умаляет значения идей Швейцера, особенно его акцент на христианских основаниях этики. Если не абсолютизировать все учение мыслителя, но четко развести его биоцентрические воззрения и воззрения христианские, то последние могут выступить в качестве мощной духовной основы и культуры в целом и медицины в частности.

Таким образом, мы приходим к пониманию, что этические идеи Альберта Швейцера задают высокую планку для современной медицины. Становится понятно: христианский гуманизм оказывается способным обеспечить *устойчивое смысловое основание для понимания индивидом ценности жизни и здоровья*. Немецкий мыслитель осуществил проект по обращению духовного наполнения христианского отношения к жизни в нормативный фундамент для практической врачебной практики и для утверждения ценности жизни каждого индивида.

В своей этике благоговения перед жизнью, основываясь на христианском отношении к творению как чуду, в том числе и к телу, Альберт Швейцер утверждает бытийную ценность каждой жизни. Это, с одной стороны, предостерегает общество относиться к людям как к безликой массе; с другой стороны, это наполняет смысл жизнь *каждого* человека, что особенно важно в современной ситуации антропологического кризиса.

В этом плане этика Альберта Швейцера может быть использована как ресурс для борьбы за более чистую медицину, для борьбы с приватизацией сектора здравоохранения и реанимации духовно-гуманистического содержания современной врачебной этики и преодоления цинизма врача и медицинского образования.

Мы полагаем, что этика благоговения перед жизнью Альберта Швейцера, построенная на универсалистских христианских ценностях гуманизма и почитания и человеческой жизни, может обеспечить смысловое наполнение современной программы здоровьесбережения, призвав население осмыслить свою жизнь с высокодуховных позиций. В то же время бескомпромиссность Швейцера по отношению к профессии врача является необходимой для нынешнего состояния врачебной этики, то есть в ситуации забвения подлинных нравственных идеалов врача и коммерциализации врачебной профессии.

Этика ценности жизни Швейцера, таким образом, может оказаться способной трансформировать абстрактные идеалы здоровья, провозглашаемые социальными программами, *в личностные и экзистенциальные смыслы индивида*, побудив его к ответственному и осмысленному отношению к своей жизни. При соответствующей подаче идей Швейцера в образовательном пространстве они могут стать сегодня нравственными ориентирами не только для медицинских специальностей, но и вообще явиться этическим фундаментом новой философии образования.

Список источников

1. Герасимова И. А. Цифровые технологии: реалии и кентавры воображения // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 65–76. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-10-65-76>
2. Гусейнов А. А. Благоговение перед жизнью: Евангелие от Швейцера [Электронный ресурс] // Персональный сайт А. А. Гусейнова. URL: <https://guseinov.ru/publ/shv.html> (дата обращения: 23.12.2021).
3. Зимбули А. Е. Здоровье: нравственно-ценностные ракурсы // Здоровье человека, теория методика физической культуры и спорта. 2017. № 1 (4). С. 3–17. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-12-32-42>
4. Иванюшкин А. Я., Смирнов И. Е. Этика благоговения перед жизнью Альберта Швейцера и современная медицина // Российский педиатрический журнал. № 5. 2014. С. 49–52.
5. Морозов И. А. Жизнь как ценность в философском учении А. Швейцера и современной биоэтике // Социально-гуманитарное знание: поиск новых перспектив: мат-лы XI Всероссийской науч.-практ. конференции / под ред. Н. В. Розенберг; Пензенский гос. ун-т. Пенза, 2018. С. 78–84.
6. Сокол Д. Истории о медицинской этике и врачебной мудрости / пер. с англ. яз. Ю. Р. Соколова. М.: АСТ, 2020. 352 с. ISBN: 978-5-17-121345-9.
7. Утехин В. И., Чурилов Л. А. Альберт Швейцер: гений совести // Актуальные проблемы транспортной медицины. 2013. № 4 (34). С. 142–147.
8. Федотова Н. Н. Современные вызовы социальным наукам // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 32–42. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-12-32-42>
9. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. С. 343.
10. Швейцер А. Благоговение перед жизнью: пер. с нем. / сост. и посл. А. А. Гусейнова. М.: Прогресс, 1992. 576 с.
11. Швейцер А. Христианство и мировые религии / пер. с нем. А. Л. Чернявского. Дата публикации: 08.01.2003 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Александра Белоусенко. URL: http://www.belousenko.com/books/Schweitzer/schweitzer_weltrelig.htm

References

1. Gerasimova, I. A. (2021). *Cifrovyye tehnologii: realii i kentavry` voobrazhenija* [Digital technologies: realities and centaurs of imagination]. *Voprosy filosofii*, 10, 65–76. [In Russian]. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-10-65-76>
2. Huseynov, A. A. (n. d.). *Blagogovenie pered zhizn`ju: Evangelie ot Shvejcera* [Reverence for Life: Schweitzer's Gospel]. *Personal website of A. A. Huseynova*. Retrieved from <https://guseinov.ru/publ/shv.html>
3. Fedotova, N. N. (2021). *Sovremennyye vy`zovy` social`ny`m naukam* [Contemporary challenges to the social sciences]. *Voprosy filosofii*, 12, 32–42. [In Russian]. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-12-32-42>
4. Ivanjushkin, A. Ja., & Smirnov, I. E. (2014). *E`tika blagogovenija pered zhizn`ju Al`berta Shvejcera i sovremennaja medicina* [Albert Schweitzer's ethics of reverence for life and modern medicine]. *Rossijskij pediatricheskij zhurnal*, 5, 49–52. [In Russian].
5. Morozov, I. A. (2018). Life as value in the philosophical teaching of A. Schweitzer and modern bioethics. In Rozenburg, N. V. (Ed.), *Social`no-gumanitarnoe znanie: poisk*

novyh perspektiv (p. 78–84). Penza State University. Penza. (In Russian).

6. Sokol, D. (2020). *Istorii o medicinskoj jetike i vrachebnoj mudrosti* [Stories about medical ethics and medical wisdom] (Transl. from English Yu. R. Sokolov). Moscow: AST. 353 p. (In Russian). ISBN: 978-5-17-121345-9.

7. Shvejcer, A. (2003, January 8). Hristianstvo i mirovye religii [Christianity and World Religions] (Transl. from German A. L. Chernyavsky). *Elektronnaia biblioteka Aleksandra Belousenko* [Electronic library of Alexander Belousenko]. (In Russian). Retrieved from http://www.belousenko.com/books/Schweitzer/schweitzer_weltrelig.htm

8. Shvejcer, A. (1992). *Blagogovenie pered zhizn'ju* [Reverence for life] (Transl. from German; Comp. and afterword A. A. Huseynov). Moscow: Progress. 576 p. [In Russian].

9. Shvejcer, A. (1973). *Kul'tura i e'tika* [Culture and ethics]. Moscow, Progress. 343 p. (In Russian).

10. Utehin, V. I., & Churilov, L. A. (2013). Al'bert Shvejcer: genij sovesti [Albert Schweitzer: genius of conscience]. *Aktual'nye problemy transportnoj mediciny*, 4 (34), 142–147. (In Russian).

11. Zimbuli, A. E. (2017). *Zdorov'e: npravstvenno-cennostny'e rakursy'* [Health: moral and value perspectives]. *Zdorov'e cheloveka, teorija metodika fizicheskoy kul'tury i sporta*, 1 (4), 3–17. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-12-32-42>

Информация об авторе / Information about the author:

Исаев Андрей Викторович — кандидат медицинских наук, доцент Воронежского государственного университета,

Университетская площадь, 1, Воронеж, Россия, 394018,
isaevandrew@mail.ru

Isaev Andrey Viktorovich — Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of Voronezh State University,

University Square, 1, Voronezh, Russia, 394018,
isaevandrew@mail.ru

Научно-практическая

УДК 378.147

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.42.2.08

РОЛЬ ОБРАЗА ИМПЕРАТРИЦЫ В РАЗВИТИИ ЖЕНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В ЯПОНИИ КОНЦА XIX–XX ВЕКОВ

Д. С. Гаврикова

Московский городской педагогический университет,
2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, Россия, 129226,
GavrikovaDS@mgpu.ru

Аннотация. Данная статья является попыткой проследить культурную политику императриц конца XIX–XX вв., которые сыграли свою, пусть и теньную, роль в модернизации страны и изменении положения и самосознания женщин в Японии. Учитывая рост женского самосознания в современном мире, эта тема представляется актуальной и в значительной степени отражающей гендерные проблемы японского общества. В условиях жесткой политики монархического государства и многовековой традиции патриархального общества вопрос женского самосознания тем не менее неоднократно поднимался и поднимается в интеллектуальной части японского общества. Автор ставит задачу проследить, как на протяжении XX столетия с постепенным изменением социального и трудового положения женщин менялось их самосознание. В фокусе внимания образ императриц, жизнь и деятельность которых выпала на данный период. Каждая из них, будучи в жестких рамках системы императорского дома, внесла свой вклад в развитие Японии. Вопрос, насколько они сумели реализовать свои способности и свой потенциал, остается ключевым. В статье используются методы анализа и синтеза, которые дают возможность проработать и увидеть, насколько влияние императрицы могло изменить традиционную модель японского общества и возможно ли это в данных культурно-исторических условиях.

Опираясь на исторический и культурный контекст и раскрывая специфику японского императорского дома, автор на примере четырех первых леди страны рассматривает

процесс изменения женского вопроса. Образ императрицы становится важным фактором, который повлиял на специфику развития женского самосознания в Японии.

Ключевые слова: императрица, женское самосознание, гендерный вопрос, японский императорский дом, социальное положение

Для цитирования: Гаврикова Д. С. Роль образа императрицы в развитии женского самосознания в Японии конца XIX–XX веков // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 2 (42). С. 90–101. DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.42.2.08>

Scientific and practical

UDC 378.147

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.08

THE ROLE OF THE IMAGE OF THE EMPRESS IN THE DEVELOPMENT OF FEMALE IDENTITY IN JAPAN AT THE END OF THE XIX–XX CENTURIES

Dina S. Gavrikova

Moscow City University,

2-j Sel'skokhozyaistvennyj pr., 4, Moscow, Russia, 129226,

GavrikovaDS@mgpu.ru

Abstract. This article is an attempt to trace the cultural policy of the empresses of the late XIX–XX centuries, who played their own, albeit shadowy role, in the modernization of the country and changing the position and self-consciousness of women in Japan. Given the growth of women's self-awareness in the modern world, this topic seems relevant and largely reflects the gender problems of Japanese society. In the conditions of the strict policy of the monarchical state and the centuries-old tradition of patriarchal society, the issue of women's identity has nevertheless been repeatedly raised and is being raised in the intellectual part of Japanese society. The author sets the task to trace how during the XX century, with the gradual change in the social and labor status of women, their self-consciousness changed. The focus of attention is on the image of the empresses, which life and activity fell on this period. Each of them, being within the strict framework of the imperial house system, contributed to the development of their country. The question of how much they were able to realize their abilities and their potential remains key. The article uses methods of analysis and synthesis, which make it possible to work out and see how the influence of the Empress could change the traditional model of Japanese society and whether it is possible in these cultural and historical conditions. Based on the historical and cultural context and revealing the specifics of the Japanese imperial house, the author examines the process of changing the women's issue using the example of four first ladies of the country. The image of the Empress becomes an important factor that influenced the specifics of the development of female identity in Japan.

Keywords: the empress, female identity, gender issue, Japanese imperial house, social status

For citation: Gavrikova D. S. (2022). The role of the image of the Empress in the development of female identity in Japan at the end of the XIX–XX centuries. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (42), 90–101. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.42.2.08>

Императорская семья в Японии на протяжении всей истории японской государственности являла собой священный символ страны. Согласно мифологической традиции, японский императорский род ведет свое начало от богини солнца Аматэрасу. Если обратиться к истокам японской династии Ямато, то, согласно китайским хроникам, первым ее правителем была женщина-шаманка Химико, основавшая в I в. н. э. (период Яёй) поселение в долине Ямато (близ современного Киото). После смерти Химико племя Яматай возглавляли мужчины, наследники из ее рода. Однако женщины не утратили былого влияния и часто правили или через своих несовершеннолетних сыновей, или единолично.

Японские хроники первым императором Японии называют легендарного императора Дзимму.

Со временем императорская династия теряет свое верховенство и ее власть становится чисто номинальной. За спиной императора встали могущественные сильные кланы, крепко державшие в своих руках бразды правления государством. Одним из таких влиятельных кланов стал род Фудзивара, поставлявший невест императорскому двору. Именно благодаря такой политике представители клана Фудзивара обретали крепкие связи с императорской семьей. В XII в. к фактической власти страной приходят самурайские кланы — Минамото, Асикага и Токугава. И вплоть до реставрации Мэйдзи в 1867 г. император Японии выполнял роль марионетки и живого символа страны.

Эпоха Мэйдзи стала переломной в истории государства, это время кардинальных изменений, во главе которых встал император Муцухито Мэйдзи. Политика правительства императора Мэйдзи была направлена на модернизацию Японии.

Изменения затронули почти все стороны жизни японцев. Под мощной волной европейского влияния, японцы по-новому взглянули на собственный мир, по-новому стали осознавать свое место на мировой арене. Перемены происходили не только на внешнем уровне, но и на уровне внутреннего самосознания. Меняется гендерная ситуация, и женщины начинают активнее включаться в общественную жизнь.

Начало было положено императрицей Харуко, которая стала женой императора-реформатора Муцухито Мэйдзи. Она была дочерью левого министра из клана Фудзивара Ичидзё Тадака. Этот брак по давней традиции был важным политическим шагом, способствовавшим делу укрепления императорской власти. Харуко обладала острым умом, сильным характером, безупречными манерами. Она прошла классическую школу обучения девушки из японской аристократической семьи. Знания литературы и живописи, умение играть на традиционных музыкальных инструментах — кото и сямисэне, знание тонкостей чайной церемонии и искусство составления икебаны — все это делало будущую императрицу безупречной партией для императора.

После свадьбы Харуко становится императрицей Сёкэн. Впервые за всю историю Японии императрица начинает играть роль публичного лица, ей присвоен

титул «кого» — «императорская жена». На ее жизнь во дворце и ее деятельность оказывал большое влияние советник императора и тонкий дипломат Ито Хиробуми. Преследуя цель получить международное признание для императорской четы, проводя в жизнь реформы по модернизации страны, хитроумный Ито убедил Харуко изменить многовековые устои императорского двора.

Важным шагом на пути преобразований стало регулярное появление императрицы в обществе; таким образом, был положен конец давней традиции нахождения императрицы за дворцовой ширмой. Поддерживая новые веяния и политику модернизации, Харуко своим собственным примером продемонстрировала новый облик японской женщины. Она стала первой женщиной в Японии, которая надела платье в европейском стиле и отказалась от традиционной японской косметики (то есть от свинцовых белил и чернения зубов). Вслед за императрицей японки стали носить европейское платье, менять прически, хотя происходило это очень медленными темпами.

В 1883 г. был сооружен Рокумэйкан — дворец для приемов западных гостей, ставший символом вестернизации Японии. Рокумэйкан стал основным местом, где внедрялись и демонстрировались новые культурные западные образцы, здесь собиралась богатая публика, осуществлялись официальные приемы с иностранными послами, устраивались танцы, и одну из важнейших действующих ролей здесь играла императрица Харуко [Левшова, 2015].

В условиях большинства консервативно настроенного японского общества Харуко активно проводила реформу одежды, и в 1886 г., согласно указу императрицы, европейское платье было принято в качестве придворного костюма, а к 1887 г. западный стиль принимают уже не только дамы высшего света, но и более широкие слои городского населения.

Значительный вклад в развитие японского общества императрица внесла своей благотворительной деятельностью. Японский Красный Крест вошел в структуру этой международной организации, и Харуко принимала активное участие в этом деле. Она оказывала финансовую помощь и, можно сказать, своим личным примером вдохновила японских аристократок к подобной деятельности. Таким образом, благодаря усилиям императрицы Сёкэн, благотворительность становится уважаемой традицией в Японии. Для поддержки работы Красного Креста Харуко в мирное время организовала фонд, получивший название «Фонд императрицы Сёкэн», существующий и поныне и ведущий свою благотворительную деятельность.

Важнейший шаг был сделан Харуко и в сторону женского образования. До эпохи Мэйдзи девушки получали образование дома, начиная с 1880-х гг. открываются женские образовательные учреждения. Так, в 1885 г. открывается Школа пэров для девочек, покровительницей которой становится императрица Сёкэн. Харуко принимает заметное участие в государственных делах, часто сопровождая императора в его поездках, связанных с решением политических вопросов. Императрица не имела своих собственных детей, что не было помехой для продолжения династии, так как император Муцухито имел

пятнадцать детей от пяти фрейлин. Выжили только пять детей, которых императрица Сёкэн официально приняла.

Императрица Сёкэн ушла из жизни в 1914 г., пережив своего супруга на два года. Она выполнила свою важнейшую историческую и культурную задачу, реализовав те замыслы, которые перед ней поставили страна и император.

Харуко стала первой императрицей Японии, вышедшей в свет и показавшей своим примером тот эталон императорской жены, без помощи которой невозможно осуществление решения важных государственных задач.

Для становления женского самосознания образ Харуко и ее деятельность явились, можно сказать, решающим фактором, так как многие изменения в обществе идут сверху. Однако вестернизация затронула лишь высшие слои общества, а для большинства женщин их модель поведения — так называемая система «иэ», основанная на беспрекословном подчинении главе семьи, — оставалась неизменной. В правовом отношении в жизни женщин принципиально ничего не изменилось. Гражданский кодекс 1898 г. лишь закрепил систему «иэ», а Кодекс об образовании утверждал лишь четырехлетнюю систему образования для женщин, что считалось вполне достаточным для подготовки «хороших жен и мудрых матерей» [Суханова, 2013, с. 106–112].

В то же время открытие страны и западные веяния не могли не всколыхнуть японских женщин, и в этот период начинаются первые движения за свои права. Так, в 1874 г. проводится народное движение за свои права, в котором принимают участие несколько женщин, а в 1878 г. одну из женщин на острове Сикоку, выступающих за получение права голоса, прозвали «бабушкой народных прав». Путь самосознания еще только начинался.

Период Тайсё (1912–1926) стал одним из ключевых этапов в истории развития правового положения женщин, это время отмечено зарождением в Японии феминистского движения и борьбы за расширение женских прав.

Это время, когда на императорский престол восходит единственный сын Мэйдзи — Ёсихито. Императрицей становится Садако, принадлежащая, по традиции, к одному из пяти высших семейств клана Фудзивара. Садако обладала сильным характером и незаурядным умом. Будучи императрицей, а потом вдовствующей императрицей (так как император Ёсихито правил всего семь лет и умер от инсульта) Садако удерживала власть на протяжении четырех десятилетий. Одной из причин ее влияния при дворе заключалась в том, что она являлась матерью Хирохито, одного из самых долгоправящих императоров в Японии. Родив четырех сыновей, Садако прервала традицию заводить наложниц в императорском дворе. Известно, что у императора за все годы брака не было ни одной наложницы. После смерти Ёсихито в 1926 г. Садако стала вдовствующей императрицей и активно включилась в государственные дела. Она сумела противостоять внутривластной игре генерала Ямагаты, который контролировал армию, полицию и имел огромную власть в правительстве [Стерлинг, 2005].

Поддерживая деятельность Красного Креста в Японии, императрица Садако проявила себя как активный пропагандист мира и ненасилия. На одном из рекламных плакатов Всеяпонского общества Красного Креста размещена фотография императрицы Садако, где она облачена в одежду медсестры. Эта фотография продемонстрировала отношение Садако к деятельности Красного Креста и то значение, которое она уделяла работе медицинских работников. Трагедия Великого землетрясения в Канто 1923 г. оставила без крова большое количество людей, было много пострадавших и раненых. По приказу императрицы особняки всех членов императорской семьи и аристократов, расположенные в окрестностях и не пострадавшие от пожара, должны были принимать оставшихся без крова людей. Были созданы временные госпитали для раненых, в которых работали волонтеры Красного Креста. Императрица Садако лично посещала госпитали и помогала финансовыми средствами ликвидировать последствия катастрофы. Такие активные действия вызвали огромное уважение к Садако и всему императорскому дому по всей стране.

Во время Второй мировой войны Садако яростно выступала против участия Японии в войне. Такая позиция спровоцировала конфликт с сыном — действующим императором Хирохито. Правда, в тех исторических условиях, в которых она жила, изменить военную политику японского правительства было не в ее силах. В период Тайсё Япония продолжает идти по пути модернизации и в этот процесс активнее включаются женщины. Организуются женские школы и колледжи, к примеру в Цуда колледже (Женский английский колледж) программа была рассчитана на всестороннее обучение и воспитывала стремление девушек к защите собственных прав.

Сама императрица Садако окончила Школу пэров (в будущем ставшую Университетом Гакусюин), созданную для обучения членов императорской семьи и знати, где получила не только традиционное японское, но и европейское образование. Многие преподаватели из этой школы были и христианами из общины квакеров. Это повлияло на то, что в дальнейшем в ближайшем окружении Садако находились христианки, а младший сын императрицы — принц Микаса — преподавал некоторое время в Христианском университете в Токио. Садако умерла в 1951 г. и в своем завещании оставила указание, чтобы церемония ее похорон была проведена по христианскому обряду. Однако ее желание не было выполнено, бюрократы императорского двора посчитали это слишком «хлопотливым» и несоответствующим японской традиции, поэтому похороны императрицы были проведены с соблюдением синтоистского церемониала [Стерлинг, 2005].

Безусловно, Садако была волевой и просвещенной личностью, которая умела заставить считаться с ее мнением стоящих у власти членов правительства. Вслед за императрицей Харуко, она продолжила подавать пример японским женщинам, каким должен быть характер истинных «дочерей Солнца».

Ярким проявлением активизации женского самосознания в то время стало литературное движение японских писательниц во главе с Акико Ёсано и Хирацука Райтё, которые под влиянием западных идей сформировали образ новой и независимой японки на страницах своих произведений. Хирацука Райтё создала женский журнал «Сейто» («Синий чулок»), в котором печатались статьи о волнующих женщин проблемах. Первый номер журнала открывался манифестом Райтё «В начале женщина была Солнцем», в котором звучало напоминание о том, что Божественным первопредком императора была Богиня Солнца. Уникальность журнала заключалась в том, что он стал первым журналом, над которым работали только женщины. Основательница «Сейто» выступала за расширение женских прав и возможностей, она призывала женщин не ограничивать свою деятельность традиционной идеологией *рёсай кэмбо* («хорошая жена, мудрая мать») и стремиться к духовному освобождению и внутренней независимости [Гараева, 2019, с. 417–436]. Так что можно сказать, что Хирацука Райтё стала одной из первых известных феминисток Японии.

Но эти идеи в реальной жизни разделяла лишь небольшая группа женщин, большинство же продолжало жить в привычном патриархальном мире.

Следующий вехой является послевоенный период, и в фокусе нашего внимания появляется императрица Митико, ставшая супругой императора Акихито, 125-го императора Японии, внука императрицы Садако.

История знакомства Митико Сёва и наследного принца Акихито всколыхнула общественность. Они познакомились на теннисном корте за игрой в теннис. И с течением некоторого времени произошел беспрецедентный для Японии случай — наследный принц сам изъявил желание выбрать себе жену по любви. Митико была дочерью состоятельного предпринимателя и не принадлежала к аристократическому роду. Решение Акихито жениться на простолюдинке вызвало массу протестов со стороны императорского двора, особенно со стороны матери принца. Однако Акихито проявил характер и выиграл эту битву. Молодая чета Акихито и Митико поженились в 1959 г. и вызвали большую симпатию у простых японцев, ведь таким шагом будущий император показал себя человеком. Митико предстояло стать первой императрицей Японии, которая не являлась аристократкой.

Акихито восходит на Хризантемовый трон в 1989 г. после смерти своего отца — императора Хирохито. Эпоха его правления пройдет под девизом «Хэйсэй», что переводится как «достижение мира». Некоторые исследователи считают, что свое тридцатое правление Акихито посвятил искуплению войны, которая велась от имени его отца. Акихито и Митико стали образцом любящих супругов, которые стремились быть ближе к народу и демонстративно вели жизнь простых людей. Они вместе гуляли, советовались по разным вопросам и сами воспитывали своих детей, что раньше считалось недопустимым. Императрица Митико всячески стремилась помочь своему супругу и поддержать его. Известен случай, когда в 1992 г. на открытии Национального спортивного праздника в префектуре Ямагата был инцидент с сигнальной шашкой.

Мужчина внезапно выскочил на беговую дорожку и бросил в сторону императорской ложи сигнальную шашку с криками о недопущении императора в Китай. Император продолжил свою речь, а императрица попыталась прикрыть императора, что сразу привлекло внимание общественности.

Митико снискала народную любовь, однако ее жизнь в императорском дворце была крайне непроста. Исполняя свои обязанности сначала принцессы, а потом императрицы и присутствуя на всех официальных мероприятиях, Митико еще приходилось вести борьбу внутри дворцовых покоев. Недовольство матери Акихито и придворных дам, которым крайне не нравилось неаристократическое происхождение и непосредственное живое поведение Митико, выливалось в тотальный контроль над ней. Митико приходилось учиться выживать в «золотой клетке». И она научилась, однако эти усилия подорвали ее здоровье. В 1992 г. она слегла и потеряла голос. Врачи, проведя тщательное обследование, не обнаружили нарушений в работе мозга и пришли к заключению, что причиной является крайняя усталость и серьезные переживания. Речь долго не возвращалась к ней. Со всех уголков страны к Митико приходило огромное количество ободряющих писем, ей отправляли бумажных журавлей, символизирующих долгую жизнь. Примерно через год императрица вновь смогла говорить.

Послевоенные реформы привели к новой юридической базе, в которой женщина получила равные права с мужчинами во всех общественных сферах: равенство перед законом по Конституции (ст. 14), равное участие в политической, экономической и социальной жизни (ст. 24); ликвидация дискриминации в образовании (Основной закон об образовании 1947 г.); юридическая самостоятельность и равенство в семье, право на развод и наследование; реформа трудового законодательства (1947 г.), равные принципы оплаты труда и т. п. [Суханова, 2013, с. 106–112].

Такое быстрое изменение правового статуса женщин привело к возникновению ряда социальных проблем. Многие женщины были не готовы к тем правам, которые получили, и не умели ими пользоваться. Принятие нововведений и степень адаптации к ним различались в зависимости от географических, возрастных и социальных категорий. Правовой статус женщины изменился, в то время как представления о ее гендерной роли остались прежними. Гендерная роль женщины все еще была очерчена рамками дома — ведение хозяйства, воспитание и обучение детей.

Профессор Ватанабэ Мидори, которая специализируется на жизни семьи императорского дома, описывает в своей статье «Императрица Митико: спутница жизни императора-символа» свои соображения по поводу деятельности императрицы Митико. Работая над передачами об императорском доме, исследователь очень высоко оценивает поведение Митико. Отражая нападки на императорский дом, императрица сама в письменной форме дала ответ. Негодование общественности возникло тогда из-за одной публикации, в которой речь шла о вырубке леса в парке Фукиагэ-гёэн из-за строительства новой

резиденции для императорской четы. На вопрос об этом со стороны аккредитованных при дворе журналистов, императрица ответила лично в письменной форме. Она дала опровержение данному утверждению и выразила глубокое сожаление по поводу необоснованной критики. Это был беспрецедентный случай, ведь до Митико любая женщина императорского двора уклонилась бы от ответа. Ватанабэ Мидори впечатлил поступок императрицы открыто ответить на статью с критикой императорского дома.

В своих статьях и телепередачах, а также в книге «От Митико до Мако и Како: способы воспитания принцесс» исследовательница выражает надежду, что будущая императрица Масако, которая испытывает некоторые проблемы со здоровьем, последует примеру Митико и будет учиться на ее примере, как при поддержке своего супруга преодолеть трудности и суметь изменить устои императорского дома [Ватанабэ, 2017].

Императрица Митико показала себя прежде всего верной супругой и соратником императора, которая все свои усилия приложила для того, чтобы помочь императору в его деятельности и не дать подорвать устои императорского дома. Она не пыталась самостоятельно решать государственные задачи, видя свою миссию в другом — в заботе об императоре и процветании Японии. И в этом она следовала традиционному пути японской женщины.

Нынешняя императрица Масако — яркая личность, вызывающая много пересудов и мнений. Однако ее судьба печальна.

Ситуация замужества наследного принца повторилась в точности, как и у его отца. Нарухито остановил свой выбор на особе неаристократического происхождения. Но на этом сходство истории императорской четы заканчивается.

Масако Овада, будучи дочерью дипломата Хисаси Овада, долгое время жила за рубежом (США и СССР) и получала европейское образование. Окончив Гарвардский университет, Масако планировала построить карьеру и заняться дипломатической деятельностью. Получив предложение руки и сердца наследного принца Нарухито, Масако несколько раз отказывала ему. Однако Нарухито оказался настойчив и под давлением семьи и долга служения родине и также не исключая личного расположения к будущему императору, Масако принимает предложение. Жизнь в мире жестких правил императорского двора привела к серьезным проблемам Масако, она стала страдать депрессией и перестала участвовать в официальных мероприятиях вместе с императором, как ей положено по статусу. Австралийский исследователь Бен Хиллз в своей книге «Принцесса Масако. Пленница Хризантемового трона» описывает, с каким трудом принцессе давалось вхождение в императорскую семью [Хиллз, 2009, 382 с.]. Образованная и современная женщина как будто попала в средневековую Японию, где царит самый сложный церемониал. Она вынуждена была ограничить и даже прекратить свои передвижения, личные встречи, занятия научной деятельностью. Но самое главное давление заключалось в ожидании от нее наследника. Императорский двор требовал от Масако не умных

речей и успехов в науке, а рождения сына. Долгое время Масако не могла зачать ребенка, и когда, наконец, это случилось в 2001 г., данное событие стало сенсацией. Япония ликовала. Правда, родилась девочка — принцесса Аико. Рождение дочери успокоило Масако и на время улучшило ее самочувствие, но не успокоило императорский двор. Вопрос о наследнике остался открытым. Тяжелое психологическое состояние Масако, отсутствие наследника поставило перед нынешней Японией XXI в. новые вопросы. Не стоит ли пересмотреть законы монархии и дать возможность женщинам наследовать престол? Необходимо ли соблюдать так жестко церемониал двора, превращая императорскую чету в Божественных узников?

Согласно опросу, большинство японцев выступают за модернизацию и смягчение правил императорского двора. Так, экспертами было выдвинуто предложение об изменении Закона об императорском доме с целью включения женщин в порядок престолонаследия. Однако это предложение было отклонено премьер-министром Синдзо Абэ, по мнению которого трон должен передаваться только по мужской линии. К тому же в 2006 г. на свет появился принц Хисахито, сын младшего брата Нарухито Акисино. Он стал вторым в порядке наследования Хризантемового трона. И вопрос об изменениях в Законах императорского дома отпал сам собой.

Будущее дочери императрицы Масако — принцессы Аико туманно. Перед ней небольшой выбор — или одиночество в стенах императорского дома, или жизнь простой смертной без привилегий и наследства, в случае если она выйдет замуж за простолюдина.

Выводы. Императрицы Хризантемового трона XX в. на фоне всех исторических и культурных изменений в стране должны были сохранять, во всяком случае старались сохранять, многовековую традицию монархии. Они стали важным символом для японского народа, которых обожествляли и почитали. В этом заключалась их главная роль. И никто никогда не задумывался о том, что хочет сама императрица, что она чувствует, о чем думает.

Могла ли императрица выйти за рамки уготованной ей роли верного спутника императора и добиться самореализации? Возможно ли ей в рамках конституционно-монархического строя Японии и многовековых устоев императорского дома проводить самостоятельную культурную политику? Задумываясь над этими вопросами и опираясь на исторический контекст, можно сделать вывод, что в данный момент это невозможно. Особенно это видно на примере императрицы Масако, которая не смогла пробиться через толщу традиций и реализовать свои знания и потенциал во благо стране. Ее жизнь — это наглядная ситуация, какое противоречие можно наблюдать в положении женщин в Японии сегодня. С одной стороны, им предоставляется много прав и проводится политика создания «общества равных возможностей», но, с другой стороны, — жесткая система карьерного роста, дополнительные обязанности (дом, дети), которые с нее никто не снимал, не дают женщине в полной мере реализовать себя.

Отсюда можно увидеть причину отсутствия стремления к самореализации многих женщин. Они предпочитают в большинстве своем заниматься домом и детьми. Конечно, внутри каждой семьи есть свои допущения и встречаются женщины-карьеристки, но их немного. В подавляющем случае, японские женщины стремятся выйти замуж до 30 лет и заниматься семьей и даже новые законы, агитирующие встать женщинам наравне с мужчиной в трудовой деятельности, не приносят свои плоды. Женское самосознание в Японии продолжает развиваться в русле «хорошая жена, мудрая мать». Те женщины, которые стремятся добиться самореализации в карьере, в творчестве, испытывают сложности и часто вызывают неодобрение со стороны общества.

Список источников

1. Ватанабэ Мидори. Императрица Митико: спутница жизни императора-символа. Дата публикации: 07.03.2017. [Электронный ресурс] // Современный взгляд на Японию. URL: <https://www.nippon.com/ru/column/g00406>
2. Гараева Э. И. Манифест Хирацука Райтё (1886–1971). «Первая женщина была солнцем» // Ежегодник Япония. 2019. Т. 48. С. 417–436.
3. Левшова Н. Императрица Харуко. Жена реформатора. Дата публикации: 01.10.2015 [Электронный ресурс] // Ассоциация японоедов. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=732&Itemid=59
4. Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, Рипол Классик, 2006. 736 с.
5. Стерлинг С. Династия Ямато. М.: Аст, 2005. 496 с.
6. Суханова Н. Н. Социальный статус женщины в Японии: вехи истории // Всемирная история. Серия «История». 2013 № 2 (5). С. 106–112.
7. Хиллз Б. Принцесса Масако. Пленница Хризантемового трона. СПб.: Амфора, 2009. 382 с.

References

1. Watanabe, Midori (2017, March 7). Imperatrica Mitiko: sputnica zhizni imperatora-simvola [Empress Michiko: The Life Partner of the symbol Emperor]. *Sovremennyy vzglyad na Yaponiyu* [A modern look at Japan]. (In Russian). Retrieved from <https://www.nippon.com/ru/column/g00406>
2. Garaeva, E. I. (2019). Manifest Hiracuka Rajtyo (1886–1971). «Pervaya zhenshhina byla solncem» [The Manifesto of Hiratsuka Raite (1886–1971). “The first woman was the sun”]. *Ezhagodnik Yaponiya* [Yearbook Japan], 417–436. (In Russian).
3. Levshova, N. (2015, October 1). Imperatrica Haruko. Zhena reformatora [The Empress Haruko. The reformer’s wife]. *Associaciya yaponoedov* [Association of Japanese Studies]. (In Russian). Retrieved from http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=732&Itemid=59
4. Meshcheryakov, A. N. (2006). *Imperator Mejdzi i ego Yaponiya* [The Emperor Meiji and his Japan.]. Moscow: Natalis, Riplol Klassik. 736 p. (In Russian).
5. Sterling, S. (2005). *Dinastiya Yamato* [Yamato Dynasty]. Moscow: Ast. 496 p. (In Russian).

6. Suhanova, N. N. (2013). Social`nyj status zhenshhiny v Yaponii: veki istorii [The social status of women in Japan: milestones of history]. *Vsemirnaya istoriya. Seriya «Istoriya»* [World History. The series “History”], 2 (5), 106–112. (In Russian).

7. Hillz, B. (2009). *Princessa Masako. Plennica Xrizantemovogo trona* [Princess Masako. Prisoner of the Chrysanthemum Throne]. Saint Petersburg: Amfora. 382 p. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Гаврикова Дина Сергеевна — аспирант общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, Россия, 129226, GavrikovaDS@mgpu.ru

Gavrikova Dina Sergeevna — Postgraduate student of the All-University Department of Philosophy and Social Sciences Moscow City Pedagogical University, 2-j Sel`skohozyajstvennyj pr., d. 4, Moscow, Russia, 129226, GavrikovaDS@mgpu.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по философским наукам. Журнал адресован философам-исследователям, представителям социально-гуманитарного знания, аспирантам и соискателям ученой степени — всем, кто интересуется философским осмыслением сущности человека и общества, проблемами познания, этики и философии культуры.

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы:

- объем статьи — от 20 000 до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, с учетом списка литературы (*не менее 20 000 и не более 40 000*);

- поля — по 2,5 справа, слева, сверху, снизу;
- шрифт — 14, Times New Roman;
- интервал — полуторный;
- красные строки — 1,25 (выставляются автоматически);
- для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом документа

используются отсылки, которые приводятся в тексте документа в квадратных скобках с указанием идентифицирующих сведений, например: [ФАМИЛИЯ автора, год издания, с. 17]; [ФАМИЛИЯ автора, год издания, с. 17–25] (обратите внимание, что указывается только ФАМИЛИЯ автора (авторов), без инициалов);

- в верхнем левом углу указывается тип статьи (обзорная; научно-теоретическая; научно-практическая; аналитическая; научно-публицистическая; научно-исследовательская);

- далее указывается классификационный индекс Универсальной десятичной классификации (УДК — <https://teacode.com/online/udc/>);

- далее — заглавие статьи на русском языке (выравнивание по центру, кегль шрифта — 14, буквы заглавные, выделение жирным шрифтом). В конце заглавия статьи точка не ставится;

- имя, отчество и фамилия (полностью) авторов (выравнивание по левому краю, кегль шрифта — 14, выделение жирным шрифтом, курсивом);

- информация о месте работы (учебы) автора(ов), электронные адреса, ORCID (Open Researcher and ContributorID — <https://orcid.org>) авторов указывается после имен авторов на разных строках и связывается с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений — 1 (выравнивание по левому краю, кегль шрифта — 14, выделение жирным шрифтом, курсивом);

- перечень затекстовых библиографических ссылок, озаглавленный *Список источников* (кегель шрифта — 14, выравнивание по ширине страницы). Список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» и строится в порядке цитирования источников в тексте статьи;

- список источников на английском языке, озаглавленный *References*, в соответствии со стилем APA (7th edition) (<https://apastyle.apa.org>). В *References* необходимо полностью повторить список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеется или нет в нем иностранная литература. Последовательность авторов в *References* должна полностью совпадать с русскоязычным списком источников;

- в список источников включаются только **научно-исследовательские работы (научные статьи, монографии, книги)**, в том числе не менее 50 % зарубежных (за последние 3 года (Scopus) / 5 лет (Web of Science), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников. Ссылки на **другие виды источников** (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций и др.) оформляются внутри текста статьи *подстрочными ссылками* (в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 «Библиографическая ссылка»);

- материал статьи должен отвечать требованиям оригинальности: не менее 75 % для обзорных (аналитических) рукописей; не менее 85 % для эмпирических.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно узнать на сайте: <https://philosophy.mgpu.ru/instrukciya-dlya-avtorov/>

Плата за публикацию статей в журнале не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ. Серия «Философские науки» предлагаем обращаться к составителю — заместителю главного редактора *Светлане Васильевне Черненко* (ChernenkayaSV@mgpu.ru).

E-mail: vestnikphilosophya@mail.ru

Научный журнал / Scientific Journal
Вестник МГПУ.
Серия «Философия».

MCU Journal
of Philosophical Sciences

2022, № 2 (42)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62496 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор философских наук, профессор *А. В. Жукоцкая*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

А. В. Лященко

Корректор:

К. М. Музамилова

Технический редактор:

О. Г. Арефьева

Верстка:

А. В. Бармин

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36

Подписано в печать: 24.06.2022.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 6,5 печ. л. Тираж: 1000 экз.